

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР**

**АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И ВАРВАРСКИЙ МИР
ПОНТО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА**

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ Б.А. РАЕВА**

Кагальник, 20–21 октября 2016 г.

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2016

УДК 902:94(3)(398)
А72

*При финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-31-10173
«Крым и южные рубежи России:
история, культура, межэтнические взаимодействия»*

Редакционная коллегия:
академик Г.Г. Матишов,
д-р ист. наук А.В. Венков,
д-р ист. наук С.И. Лукьяшко (отв. редактор)

Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона:
А72 материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию юбилею Б.А. Раева (Кагальник, 20–21 октября 2016 г.) / [отв. ред. С.И. Лукьяшко]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. – 244 с. – ISBN 978-5-4358-0063-0.

В сборнике представлены результаты исследований участников конференции, посвященных изучению культурных и исторических процессов на периферии античной цивилизации, граничащей с варварским миром Евразии. Выявлены новые, ранее неизвестные черты варварских культур, изучены взаимодействия античных цивилизационных центров и кочевой степи.

Издание рассчитано на археологов, историков, музейных работников, краеведов, а также всех, кто интересуется историей юга Восточной Европы.

УДК 902:94(3)(398)

**FEDERAL AGENCY FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE**

**ANCIENT CIVILIZATION
AND BARBARIC WORLD
OF THE PONTO-CASPIAN REGION**

**PROCEEDINGS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH AN INTERNATIONAL COMPONENT
DEDICATED TO B.A. RAEV'S 70TH ANNIVERSARY**

Kagal'nik, 20–21 October 2016

**Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2016**

UDC 902:94(3)(4-11)

A53

With the financial support from the Russian Foundation for Humanities within Project No. 15-31-0173 "The Crimea and the southern boundaries of Russia: history, culture, ethnic interactions"

Editorial Board:

Academician G.G. Matishov,

Dr. (History) A.V. Venkov,

Dr. (History) S.I. Luk'yashko (Managing Editor)

(2016) Ancient Civilization and Barbaric World of the Ponto-Caspian A53 Region. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with an International Component dedicated to B.A. Raev's 70th Anniversary (Kagal'nik, 20–21 October 2016). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 244 p. (in Russian). ISBN 978-5-4358-0063-0.

The collection of proceedings presents the results of studies carried out by the conference participants on the cultural and historical processes taking place in the outlying areas of the ancient civilization bordering on the barbaric world of Eurasia. New, previously unknown, specific features of the barbaric cultures have been determined, and interactions of ancient civilization centres and nomadic steppe have been studied.

The publication might be of interest for archaeologists, historians, museum experts, regional studies' specialists, and everyone interested in the history of the South of Eastern Europe.

UDC 902:94(3)(4-11)

ISBN 978-5-4358-0063-0

© SSC RAS (2016)

БОРИС АРОНОВИЧ РАЕВ
К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

BORIS A. RAEV
70TH ANNIVERSARY

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Крайсветный М.И.</i> Б.А. Раев: новочеркасский период.....	11
<i>Аникеева О.В.</i> Инструменты для изготовления бус (по материалам могильника Филипповский I).....	20
<i>Воронятов С.В.</i> Забытые предметы круга варварских эмалей из Херсонеса.....	29
<i>Гарбузов Г.П.</i> Следы землеустройства в округе меотских поселений на Средней Кубани.....	33
<i>Глебов В.П., Толочко И.В.</i> Женские погребения с оружием на Нижнем Дону в эпоху позднего эллинизма: Танаис и сарматы	44
<i>Горбенко А.А., Косяненко В.М.</i> Новые открытия в Крепостном городище и некрополе в г. Азове Ростовской области.....	85
<i>Засецкая И.П.</i> Стилистические особенности декора на фаларах из Яшкуля	90
<i>Ильюков Л.С.</i> Жертвоприношения лошадей в могильнике Новолабинского IV городища (по материалам раскопок 2003 г.)	106
<i>Иштванович Э., Кульчар В.</i> Заимствованные элементы в культуре сарматов Венгерской низменности	119
<i>Копылов В.П., Коваленко А.Н.</i> О формировании элитарной культуры у племен среднесарматского времени	125
<i>Крайсветный М.И.</i> Фигурка кабана из городища «Казанское I»	131
<i>Кривошеев М.В., Малашев В.Ю.</i> Хроноиндикаторы середины III – IV вв. н. э. из степных памятников Волго-Донского региона	138
<i>Ларенок В.А., Ларенок П.А.</i> Случайная находка бронзового кувшина....	148
<i>Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.</i> Хронология погребений IV–III вв. до н. э. из могильника меотского городища Спорное.....	156
<i>Лукьяшко С.И.</i> Амазонки – мифологический образ и исторические реалии	163
<i>Маслов В.Е.</i> К вопросу о происхождении М-образных нашивных бляшек.....	172
<i>Мордвинцева В.И.</i> Античная цивилизация и варварский мир: культурно-исторические процессы в Северном Причерноморье III в. до н. э. – III в. н. э. в трудах М.И. Ростовцева	178

<i>Переводчикова Е.В.</i> О некоторых признаках предметов из золотой фольги в скифском зверином стиле восточных областей Евразии	185
<i>Подушкин А.Н.</i> Археологический комплекс катакомбы 7 восточной группы насыпей могильника Культобе I в. до н. э. – II в. н. э.	190
<i>Прохорова Т.А.</i> Пазырыкское наследие в материалах кургана 10 Кобяковского могильника	197
<i>Попов Ю.В.</i> Опыт применения электронно-зондовых исследований при изучении состава и технологий изготовления археологических металлов и стекол.	202
<i>Скрипкин А.С.</i> К интерпретации одного из сюжетов на диадеме из кургана Хохлач	210
<i>Трейстер М.Ю.</i> Боспорская (?) мастерская торевта позднеэллинистического времени (к вопросу о переделке антикварных серебряных сосудов для кочевников азиатской Сарматии)	215
<i>Туаллагов А.А.</i> Аланские древности и осетинский эпос.	226
<i>Храпунов И.Н.</i> Некоторые итоги исследований могильника Опушки в Крыму.	232
<i>Ginoux N.</i> Celtic Art in fabula: who is watching? (in English) (<i>Гино Натали.</i> Искусство кельтов в <i>фабуле</i> : кто наблюдатель?)	237
<i>Griot S.</i> Presence of La Tène artifacts in the North Pontic area: Assessment and prospects (in English) (<i>Гриот Сильвия.</i> Артефакты Латенской культуры в Северном Причерноморье: оценка и перспективы)	238
Сведения об авторах	242

TABLE OF CONTENTS

<i>Kraisvetnyi, M.I.</i> B.A. Raev: Novocherkassk period.	11
<i>Anikeeva, O.V.</i> Instruments for bead-necklace manufacturing (based on the materials from Filippovsky I burial ground)	20
<i>Voronyatov, S.V.</i> Forgotten objects of the Barbarian enamels circle from Chersonesus	29
<i>Garbuzov, G.P.</i> Traces of land use system in the area of Meotic settlements in the Central Kuban Region.	33
<i>Glebov, V.P., Tolochko, I.V.</i> Female burials with weapons in the Lower Don Region in the Late Hellenistic epoch: Tanais and the Sarmatians.	44
<i>Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M.</i> New findings on the site of the ancient settlement and necropolis of Krepostnoe in the city of Azov (Rostov Region, Russia)	85
<i>Zasetskaya, I.P.</i> Specific stylistic features of decorations on fasteners/badges (phalerae) from Yashkul'	90
<i>Il'yukov, L.S.</i> Horse sacrifices in the burial ground of the settlement of Novolabinskoe IV (based on materials from the excavations of 2003).	106
<i>Istvanovics, E., Kulcsar, V.</i> Foreign features in the culture of the Sarmatians of the Great Hungarian Plain.	119
<i>Kopylov, V.P., Kovalenko, A.N.</i> On the formation of elite culture among the tribes of the Middle Sarmatian Period.	125
<i>Kraisvetnyi, M.I.</i> A figure of a boar from the ancient site of the settlement of "Kazanskoe I"	131
<i>Krivosheev, M.V., Malashev, V.Yu.</i> Chronoindicators of the middle of the III–IV centuries AD from steppe sites of the Volga-Don Region	138
<i>Larenok, V.A., Larenok, P.A.</i> Accidental finding of a bronze jug	148
<i>Limberis, N.Yu., Marchenko, I.L.</i> Chronology of burials of the IV–III centuries BC from the burial ground of a Meotic settlement of Spornoe	156
<i>Luk'yashko, S.I.</i> The Amazons – a mythological image and historical realities.	163
<i>Maslov, V.E.</i> On the issue of origin of M-type sewed down plates.	172

<i>Mordvintseva, V.I.</i> Ancient civilization and Barbaric world: cultural-historical processes in the Northern Black Sea Region in the III c. BC – III c. AD in the works by M.I. Rostovtsev.	178
<i>Perevodchikova, E.V.</i> On some features of the golden foil leaf items in the Scythian Animal Style of the Eastern Eurasian steppes	185
<i>Podushkin, A.N.</i> An archaeological complex of catacombs 7 of eastern group of mounds of burial ground of Kul'tobe of the I c. BC – II c. AD	190
<i>Prokhorova, T.A.</i> The Pazyryk culture artifacts in the materials from barrow 10 of the Kobaykovo burial ground.	197
<i>Popov, Yu. V.</i> Practice of electronic-probe research applied to the study of composition and manufacture technologies of archaeological metals and glass	202
<i>Skripkin, A.S.</i> On the interpretation of one of the scenes depicted on a diadem from the barrow of Khokhlach.	210
<i>Treister, M.Yu.</i> A Bosporan (?) silversmith workshop of the Late Hellenistic Period (on the issue of alteration of antiquarian silver jugs for the Nomads of the Asian Sarmatia)	215
<i>Tuallagov, A.A.</i> The Alans antiquities and the Ossetian epos.	226
<i>Khrapunov, I.N.</i> Some results of studies of the burial ground of Opushky in the Crimea	232
<i>Ginoux, N.</i> Celtic Art <i>in fabula</i> : who is watching?	237
<i>Griot, S.</i> Presence of La Tène artifacts in the North Pontic area: Assessment and prospects	238
Information about authors.	242

Б.А. РАЕВ: НОВОЧЕРКАССКИЙ ПЕРИОД

М.И. КРАЙСВЕТНЫЙ

Борису Ароновичу Раеву – 70 лет. Это серьезная дата, указывающая не только на солидный возраст, но и на зрелость, мудрость, профессиональный и жизненный опыт. В мире современной археологии Б.А. Раева прекрасно знают все, кто хоть немного занимался или продолжает работать над проблемами сарматской археологии. Безусловно, он один из ведущих специалистов-сарматологов и крупнейший авторитет в области античного импорта на варварской периферии евразийских степей. Я хочу вспомнить начало его пути к заслуженному званию Корифея, те первые и сложные ступени его становления в науке, свидетелем которых я был.

Впервые мы познакомились с Борисом в далеком 1970 г., когда он приезжал к Евгению Ивановичу Савченко в Богоявленовскую экспедицию Новочеркасского музея истории донского казачества (МИДК), с которым я работал с 1968 г. Здесь следует разъяснить, почему научный путь Бориса Раева начинается с Новочеркасска. Эту историю, вероятно, следует начинать с 1962 г.

Новочеркасск-1962. Этот год для города стал весьма примечательным, он вошел в историю двумя значительными событиями. Первое – трагическое – событие произошло 1–2 июня, когда мирная демонстрация рабочих была жестоко подавлена. Стихийная забастовка рабочих на электровозостроительном заводе из-за повышения цен на продукты и увеличения нормы выработки превратилась в значительную демонстрацию. Советская власть под руководством Коммунистической партии вместо разговора с рабочими применила оружие. Более 20 человек было убито, около сотни получили огнестрельные ранения, 122 человека осуждены на различные сроки наказания, 7 человек из них были приговорены к расстрелу. Уже в новой России, в 1992 г., этот расстрел был признан преступлением компартии против собственного народа и было возбуждено уголовное дело. Необходимо было разыскать останки погибших. Вот тогда и понадобилась помощь археологов. Меня официально, на основании статьи УПК, включили в состав следственной бригады Главной военной прокуратуры Генеральной Прокуратуры РФ в качестве специалиста-археолога. Моей задачей были поиски замаскированных офицерами МВД

могил в различных районах области. Опираясь на археологические методы поиска, мне удалось найти останки 26 погибших демонстрантов. Замечу, все археологи, участвовавшие в археологических экспедициях в районе Новочеркаска в это время, слышали и знали об этих событиях. Так, В.Я. Кияшко рассказал о них только в середине 1990-х, а специалист по палеолиту доктор исторических наук А.Е. Матюхин был участником забастовки.

Второе событие, произошедшее в 1962 г. в Новочеркасске, известно только в археологических кругах, это раскопки кургана «Садовый». Находки из этого кургана широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Кстати, не только из-за самих вещей, экспонировавшихся на различных выставках, в том числе и зарубежных, но и благодаря работам Б.А. Раева. Ленинградская археологическая экспедиция под руководством С.И. Капошиной исследовала курганы на территории НИИ виноградарства и виноделия РСФСР. Непосредственно раскопками кургана «Садового» руководил Л.С. Клейн. Рядом, чуть западнее, находился курган, исследуемый В.Я. Кияшко. (Кстати, именно в нем был найден череп женщины, которая после проведенной М.М. Герасимовым реконструкции была названа «сарматской царицей».) Эти раскопки курганов знаменательны тем, что по воле случая или судьбы сотрудники института виноградарства «заболели» археологией.

Курган «Садовый», как видно по самому названию, был окружен садом, а после отвода земель институту здесь были посажены виноградники. Результаты раскопок отдавали чем-то мистическим. Античные римляне, продавшие или подарившие винный сервиз кочевникам, и приобретшие его сарматы (аланы) как будто предугадали, где оставить для потомков эти предметы (сервиз из восьми чаш-фиал, предназначенных для употребления вина, и медальон на одной из них с изображением сбора винограда) – в месте, где со временем будет находиться Всероссийский институт виноградарства и виноделия. Причем если сценки на семи медальонах относятся к античной мифологии, то сценка сбора винограда вполне реалистична. Показана классическая греко-римская формировка виноградного куста «арбустум», где дерево используется в качестве опоры для лозы. На классику агрикультуры указывает вскопанная вокруг земля. Видны детали: на плече носильщика имеется подкладка под корзину, смягчающая давление и нагрузку на плечо. Само дерево коротко обрезано, что делалось для обеспечения лозы светом. Следует отметить, что сам процесс сбора винограда был довольно рискованным. Как пишет Плиний, хозяин виноградника, приглашая сборщиков урожая, заключал с ними договор, в котором брал на себя ответственность за возможные увечья или смерть сборщика, поскольку имела реальная угроза падения с дерева. Замечу, что безотносительно к этим находкам Дон оказался наследником классической античной агрикультуры. Известная форма виноградного куста «донская чаша» является полным аналогом античной, которая называлась «атрий».

Это «вещественное предсказание древних» сыграло весьма положительную роль и для археологии. Отныне археологи были желанными гостями в институте. Сотрудник института Александр Иванович Потапенко, весьма незаурядная и талантливая личность, буквально влюбился в археологию. Он был братом директора института Якова Ивановича Потапенко (имя Я.И. Потапенко впоследствии было присвоено институту). Этот факт сыграл впоследствии немаловажную роль: археологические экспедиции института никогда не испытывали проблем с транспортом, оборудованием, питанием, продукцией винзавода и т. д.

Влюбленность Александра Ивановича в археологию вылилась в бурную и плодотворную деятельность. Он пришел к убеждению, что археология способна помочь в решении вопроса о происхождении донского виноградарства. Уже в 1963 г. последовала новая находка: в хуторе Крымский (на Сухом Донце) были случайно обнаружены остатки раннесредневековых пифосов, что может быть косвенным свидетельством существования на Дону виноделия еще в VIII–X вв. Недалеко в балке он обнаружил и известное в настоящее время крупное раннесредневековое городище «Крымское». Александр Иванович добился изготовления в Эрмитаже гальваноконтий находок из кургана «Садового» и заказал М.М. Герасимову восстановительную реконструкцию облика по черепу «сарматской царицы», начал создавать в институте Музей истории виноградарства и виноделия. Он же убедил директора принять на работу в Институт виноградарства и виноделия профессионального археолога. Следует отметить, что и сам Яков Иванович не чурался истории и археологии. Именно по его приглашению, а не Академии наук СССР, в нашу страну впервые приехал известный норвежский исследователь Тур Хейердал, с которым он познакомился в Чили на 8-м Международном конгрессе по виноградарству и виноделию. В институте виноградарства были созданы новые сорта винограда – «Кон-Тики» и «Тур Хейердал» – и приготовлены вина «Ра» и «Кон-Тики», отправившиеся с Хейердалом в плавание на папирусной лодке «Ра» через Атлантический океан.

Стараниями братьев Потапенко после окончания археологических исследований курганов в западном микрорайоне г. Ростова-на-Дону в институт виноградарства был принят на работу профессиональный археолог, выпускник Ленинградского государственного университета Евгений Иванович Савченко. Интересно отметить, что Е.И. Савченко был отправлен в Новочеркасск на экспедиционной машине сразу же после окончания работ и буквально на следующий день оформлен на работу.

Приехав в институт, мы были сердечно встречены А.И. Потапенко, который тут же повел нас на дегустацию винограда в ампелографическую коллекцию, насчитывающую более 1 200 сортов винограда, а затем и на дегустацию вин.

При Александре Ивановиче строящуюся лабораторию селекции стали перестраивать под музей. Летом 1969 г. в институт вновь приехали археологи.

Экспедиция ЛГУ под руководством Л.С. Клейна приступила к исследованиям могильника «Соколовский» на землях института под Новочеркасском. Работы продолжались несколько лет. К сожалению, Бориса Раева не было среди первых ее участников (в это время он служил в рядах Советской армии), а были Саша Семенов, Андрей Субботин, Жора Бестужев, Сергей Минаев и др. Основой же экспедиции были студенты-практиканты исторического факультета ЛГУ, среди них и одиннадцать африканских студентов. Уже в следующем году (1970) Борис Раев оказался на Дону. С этих пор и начинается его деятельность в Новочеркасске.

Известно, что Новочеркасск дал целую серию предметов римского импорта, это курганы «Хохлач», «Садовый» и «Соколовский III». Изучением именно этого импорта и занялся Борис. Начиная с 1971 г. последовал целый ряд его статей в сборнике «Археологические открытия» и других изданиях, сначала в соавторстве с Л.С. Клейном и участниками экспедиций, а затем и в виде самостоятельных работ. Следует отметить, что Борис, зачастую являясь их автором на 99 %, всегда указывал соавторство тех, кто хоть как-то принимал участие в работе. Благодаря такому его благородству у многих появились «собственные» публикации. Еще будучи студентом Ленинградского университета, он уже в 1974 г. опубликовал свою статью в бельгийском издании – Актах III Международного конгресса по изучению римских бронз.

В Институте виноградарства и виноделия уже к зиме 1971 г. было построено здание музея. Двухэтажное здание а-ля казачий курень с небольшим прудиком с золотыми рыбками, расположенное среди виноградников на окраине живописной балки Западная, впоследствии запомнится многим археологам. В музее необходимо было создавать и оформлять экспозиции, собирать и обрабатывать материалы и многое другое.

Женя Савченко добился ставки рабочего по охране (сторожа) с предоставлением жилого помещения в музее и пригласил на работу меня. К этому времени у меня был уже пятилетний опыт археологической работы. Отмечу, что в штате Института виноградарства и виноделия имелось два археолога: профессионал Евгений Савченко и я, только начинающий карьеру. Интересно, что, будучи «инородными включениями» в штате института, мы занимались исключительно археологической деятельностью, исследовали курганы и поселения, занимались камеральными исследованиями и т. п. Мы с Е.И. Савченко раскапывали Крымское городище, курганы под ст. Богоявленовской, казачий «Кагальницкий городок». Вместе с В.Е. Максименко доследовали и известное сарматское погребение в центре Новочеркасска.

В нашем распоряжении оказался весь Музей истории виноградарства и виноделия на Дону. Кроме двух моих «жилых» комнат была камеральная лаборатория, большой кабинет, да и вообще весь первый этаж. Второй этаж занимали экспозиции: античный зал, раннее Средневековье, казачьего виноградарства и виноделия, посвященные современному институту. Создание

музея удовлетворяло всех археологов, работающих поблизости или проезжающих через Новочеркасск. В музее всегда было можно остановиться, переночевать или просто отдохнуть. Не следует забывать и о еще одном немаловажном моменте: музей работал при Институте виноградарства и виноделия и практически в любой момент у нас можно было «ознакомиться» с винами института. Я думаю, многие, прочитав эти строки, с ностальгией и удовольствием вспомнят их вкус и те времена.

Работая в экспедициях под Новочеркасском, вначале под руководством Л.С. Клейна, а затем и самостоятельно, Борис Раев всё чаще навещался к нам в гости. Молодой, еще без бороды, обладающий кипучей энергией и задором, обаятельный и общительный Борис быстро становился душой общества. Мои друзья и сотрудники института быстро сходились с ним, а его друзья становились моими. Со временем Борис все чаще бывал у меня, вначале по несколько дней, а затем и неделями. Практически мой дом стал и его пристанищем, и рабочим местом. Он органично вписался в мою семью и практически стал ее членом. С моей женой Людмилой Борис был знаком еще с 1970 г., и это знакомство крепло с каждым его приездом. У нас даже появилась примета: если падала вилка, то жена всегда говорила: «Это к Раеву. Скоро приедет», – и действительно часто оказывалось именно так.

Где-то в 1975 г. из института в археологическую лабораторию РГУ ушел Женя Савченко – и я остался один. Музей постепенно стал превращаться в базу экспедиционных коллег и друзей. Бывали праздники, на которые в музее собиралось до 30 человек, приезжали из Питера, Москвы, Ростова, Азова, Таганрога и других мест.

При написании «Каталога археологических коллекций Музея истории донского казачества» Борис по несколько дней жил у меня. Я помню бессонные ночи, когда он рисовал и описывал предметы, ведь времени было, как всегда, в обрез. Иногда ему помогал и я. Надо отметить, что Борис не был просто гостем. Будучи большим гурманом, он зачастую отстранял мою жену от плиты и принимался готовить. Его излюбленным коньком были соусы. Он настолько с фантазией и творчески подходил к приготовлению соуса, что действительно с такой приправой можно было съесть и «подошву». Приезжая к нам, он всегда привозил с собой различные деликатесы; так, он приобщил нас к сыру «Рокфор» и маслинам, научил готовить кофе из зеленых кофейных зерен.

Обычно Борис приезжал ранней весной, летом и осенью. Это во многом было связано с его свободным временем и возможностью подзаработать на археологических разведках и паспортах. Часто он приезжал в мае, после Дня Победы, поскольку знал, что я всегда участвовал в подготовке к этому празднику в институте. Уже не помню, как он вычислял, когда в институте отмечают праздник, но на следующий день он уже был в Новочеркасске. Естественно, для меня не составляло труда сэкономить некоторое количество хорошего

вина и пару килограммов шашлыка. Кроме этого была еще и 30-литровая кастрюля шулюма.

В 1974 г. директором Института виноградарства и виноделия стал Борис Александрович Музыченко, также большой поклонник и любитель археологии. Именно он отыскал возможность финансировать археологические экспедиции на землях института, для этого были объективные причины. Институту повезло: на его полях находилось несколько крупных курганных могильников – «Соколовский», «Золотые горки», «Грушевский». Все они исследовались на средства института.

Борис познакомился с Б.А. Музыченко и убедил его в целесообразности раскопок. Во-первых, улучшалась планировка полей, уничтожались очаги сорной растительности; во-вторых, интересные находки пополняли экспозицию музея виноградарства. Но это было уже в 1980-е гг. До этого времени Борис, работая в Ленинграде в Инспекции по охране памятников, приезжал только для работы над каталогом и чтобы подработать на паспортах. В свою очередь, бывая в Питере, а потом в Москве, я всегда останавливался у него. Случалось и так, что он был у меня в Новочеркасске, а я у него в Москве.

Археологи старшего поколения помнят, что паспортизация памятников археологии в 70–80-е гг. была единственной возможностью подзаработать в межсезонье. Этим мы и занимались с Борисом. Следует отметить, что мы, пожалуй, были единственными среди донских археологов, кто проводил инструментальную, а не «глазомерную» съемку памятников. Это означало, что кроме рюкзака надо было нести теодолит с треногой и 3-метровую рейку. Надо сказать, что прибор Борис всегда носил сам, а мне оставлял более легкую рейку. Нашими ближайшими районами были Октябрьский (сельский) и Усть-Донецкий. Обойдя поля и балки в радиусе километров двадцать, мы пересаживались на велосипеды. Это значительно увеличивало обследуемую территорию.

Борис придумал отличную тактику: мы с велосипедами садились в электричку, доезжали до определенной остановки, а затем двигались к Новочеркасску. Велосипед давал возможность двигаться по бездорожью, так что необследованных полей не оставалось. У нас была четко разработанная система жестов, что позволяло фиксировать все особенности рельефа.

Случались и нестандартные решения съемки. Однажды, заработавшись и не успевая до темноты закончить съемку, а оставалось один или два кургана, мы все-таки продолжили ее. Я зажигалкой подсвечивал рейку, а Борис, зажигая спички, считывал показания прибора. Были и другие запомнившиеся поездки. Как-то забрались так, что оказались перед необходимостью форсировать речку Керчик. Взвалив на голову велосипеды с барахлом, по колено в иле и воде под подбородок мы перешли вброд речку и поднялись на склон градусов в шестьдесят. И все из-за одного кургана. Но это была работа. Другой случай вызывает приятные вкусовые воспоминания. Нахо-

дьясь недалеко от Пухляковки, решили заехать на опорный пункт института. Там оказался мой друг и коллега по институту Геннадий Зимин, до отвала накормивший нас ухой из печени налимов, которых он сам наловил руками в норах. Этот вкус запомнился на всю жизнь.

Обычно мы питались в разведках хлебом и какими-нибудь консервами: главное в таких поездках был быстрый перекус – чтобы снова приняться за работу. Хотелось бы отметить одну деталь, связанную с характером Бориса. Он категорически не брал с собой ни ножа, ни ложки. Я же без ножа не могу выйти из дома. Обычно, вскрыв банку консервов, я вырезал для него какую-нибудь «ложечку». Как потом оказалось, он их сохранял, и у него в Москве была целая коллекция моих «творений». Как-то вместо меня с Борисом поехал Андрей Субботин, как оказалось, достойный его напарник. Он, как и Борис, также был противником ножа. Чтобы перекусить, они вскрыли консервы, стачивая кромку банки на камне, а когда это не удалось, пробили ее ножкой треноги и обошлись соусом из банки. Можно бесконечно вспоминать наши разведки, пешком и на велосипедах, а когда у меня появился «советский внедорожник» – «Запорожец», и на нем. Вспоминается последняя пешая «прогулка» на Кавказе, обследование берегов Пшехи.

С появлением транспорта расширилась и разведочная территория, мы стали работать в Краснодарском крае. Позднее под руководством Бориса была создана экспедиция Музея истории донского казачества, мы обследовали окраины Ростовской области: Заветинский, Ремонтненский, Зимовниковский, Верхнедонской и другие районы. Эти разведки велись уже всем составом экспедиции на знаменитом грузовике – «газике» Жени Беспалого. Еще одна деталь характера Бориса: в разведках он почти всегда брал на себя приготовление завтрака, а часто и ужина. Как правило, он не чурался никакой работы, наоборот, брал на себя всю основную и тяжелую.

В 1981 г. Борис убеждает директора МИДК Л.А. Гурова в необходимости создания экспедиции музея. Начинается период стационарных работ. Сначала были исследования крупных могильников, таких как «Соколовский», «Грушевский» и «Золотые горки» на землях Института виноградарства и виноделия, а затем пошли договоры и с другими организациями. В начале основной экспедиции были мы с Борисом, а в качестве сотрудников приглашали студентов из Москвы и Ленинграда, знакомых и просто «зараженных» романтикой. Поработав в «поле», некоторые из них серьезно увлеклись археологией и решали с ней связать свою судьбу.

С одним из них, Павлом Хворостом, поступившим после экспедиции в РГУ на истфак и ставшим археологом, связана довольно смешная история. Многие знают, что Борис часто называет членов экспедиции «козлами», но не оскорбительно, а скорее по-отцовски доброжелательно. Паша и его друг Сергей случайно попали к нам прямо после службы в армии, засмотревшись на наш женский персонал. Положительно и с юмором приняв это прозвище,

они подарили Борису на день рождения огромную деревянную скульптуру горного козла. Как и положено, сделали и посвятительную надпись, но, увы, резная надпись гласила: «Главному казлу от казлов». Удивившись, что надо писать букву «о», они тут же исправили ошибку, зачеркнув «а» и вырезав «о» сверху. Эта скульптура долго хранилась у Бориса, а может быть, и сейчас у него. Другой «случайный» рабочий из Москвы, инженер-технарь Володя Малашев, поступил в МГУ и стал известным археологом. Безусловно, в этих решениях молодых людей сменить «нормальную» специальность на профессию археолога основную роль сыграло влияние Бориса, его одержимость и страсть, с которой он подходил к работе. Иногда к нам приезжали псковские друзья Бориса – Жора Пронин, Сергей Белецкий и другие.

Весь период своей новочеркасской деятельности, приезжая из Питера, а потом из Москвы, Борис жил у меня и практически стал полноправным членом семьи. Возможно, Александр Симоненко в своих воспоминаниях о Борисе в прошлом юбилейном сборнике поэтому и сделал вывод, что «местом жительства» Бориса был музей Института виноградарства и виноделия. Огорчу Александра: к сожалению, Борис не имел прямого отношения к музею и его экспозициям. Реально все было создано Е.И. Савченко и немного мной. Александр написал, что Борис «окопался в Новочеркаске» только с 1985 года, но на самом деле «окапывание» Бориса длилось уже 15 лет. Это пояснение пришлось дать потому, что при чтении воспоминаний А.В. Симоненко у читателя могло создаться впечатление, что Борис работал в институте виноградарства, а это было не так.

Позднее в Музее истории донского казачества удалось собрать крепкий коллектив профессионалов. Это Евгений и Наталья Беспалые, Евгений Козюменко, Игорь Парусимов и другие. Такой коллектив уже сложно было содержать в музее института, и экспедиция стала снимать подворье в хуторе Озерки, а затем купила дом в хуторе Малый Мишкин, на несколько лет ставший экспедиционной базой и местом жительства участников экспедиции и Бориса. В 1989 г. я ушел из института и стал сотрудником этой экспедиции. В 1994 г. Борис перебирался в Краснодар, где работал вначале в Государственном университете культуры и искусства, а потом в ГУП «Наследие Кубани». В 2005 г. он отчасти возвращается в Ростов, в Южный научный центр РАН, где работает и в настоящее время. Естественно, что наши контакты несколько ослабли, но никогда не прерывались надолго и продолжают до сегодняшнего дня.

Конечно, после 45 лет тесной дружбы с Борисом можно написать о нем целую книгу, и довольно объемную. Но здесь я намеренно обошел стороной его плодотворную научную деятельность, поскольку о ней все и так прекрасно знают, достаточно взглянуть на список его научных работ. Мне просто хотелось рассказать о Борисе как о Человеке с большой буквы. Можно много говорить о его «парадоксах», отмечать его целеустремленность и настойчивость,

умение мыслить и анализировать, готовность взять на себя ответственность и подставить плечо, удивительную способность к толерантности в различных вариантах, безотказность и самоотдачу в любой работе, стремление оказать возможную помощь, даже в ущерб себе, дружелюбие, доброжелательность и уважение по отношению к другим, человечность и порядочность, умение и талант общения, тонкое чувство юмора, умение прятать свою боль и предаваться веселью, отсутствие чванства и «нарциссизма», и многое, многое другое, что характеризует настоящего Человека – Бориса Ароновича Раева.

А если сказать о Борисе коротко, он тот, с кем я готов в любой момент «пойти в разведку». Долгих лет тебе, Борис!

Детальный разбор, реставрация и технологический анализ мелких артефактов из комплексов двух женских погребений могильника Филипповский I позволили выделить группу предметов, используемых для ювелирной обработки самоцветов и стекла. Среди них железные скампели и резцы для первичной формовки нодулей, железные буры для сверления отверстий, насадки в виде шлифовального колесика и сложносоставных цилиндров для шлифовки и полировки поверхности камня или стекла. Последние инструменты уникальны для курганов ранних кочевников, более того, они неизвестны в ремесленных центрах этого времени – Месопотамии, Персии, Индии, Кавказа и Памира, Средней Азии и государств Восточного Средиземноморья.

Ключевые слова: ранние кочевники Южного Приуралья, могильник Филипповский I, аксессуары и инструменты для обработки нодулей самоцветов и стекла, изготовление каменных и стеклянных бус.

Из раскопок филипповских курганов Приуральской экспедицией ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского в 2013–2014 гг. были получены разнообразные уникальные материалы [Яблонский, 2013, с. 306; , 2016, с. 745–747]. Детальный разбор, реставрация и технологический анализ мелких артефактов в Москве позволили выделить в комплексах двух женских погребений группу предметов, используемых для обработки камней-самоцветов и изготовления бус.

Некоторые предметы, идентифицируемые как инструменты для шлифовки и полировки, являются уникальными для курганов ранних кочевников, более того, они неизвестны и в ремесленных центрах этого времени (Ирана и Ирака, Индии, Кавказа, Средней Азии и государств Восточного Средиземноморья).

Комплекс из кургана 30, погребение 1. В верхнем правом углу располагались скопление мелких железных предметов (рис. 1, 14, 15, 24–26, 30, 32), обработанная деревянная палочка (рис. 1, 20), три человеческих зуба (рис. 1, 18, 19, 27) и кусок красной охры (рис. 1, 16). Левее рядом лежали удлиненный эллипсоидный предмет из минеральной крошки в чехле из коры (рис. 1, 22, 23), за ним три фрагмента длинных костей птицы или зайца, под которыми находились еще два железных предмета (рис. 1, 29, 38). Ниже, под ними, были положены:

стеклянная бусина (рис. 1, 31), фрагмент золотого перстня (рис. 1, 21) и яйцо-видный предмет из сажи и красной охры (рис. 1, 17).

Особенности формы и размеры железных предметов благодаря их хорошей сохранности отчетливо видны:

– серповидный тонкий нож ($l = 105$ мм, $h = 10$ мм) *in situ* найден в деревянных колпачках, закрывающих с обоих концов острие на 26–27 мм (рис. 1, 14). После расчистки установлено, что с одной стороны он имел штырь для деревянной ручки, с другого конца – закругляющееся по плавной дуге лезвие. Заправленный по краю лезвия абразивным порошком нож мог использоваться как резец для распила камня (по твердости равного сердолику), стекла, золота, серебра. Бронзовые аналоги таких резцов известны из раскопок Tell al-Ajjul на территории Израиля и датируются концом II тыс. до н. э. [Petrie, Maskau, 1952, p. 15, pl. XIII, 51].

– восемь железных стерженьков (рис. 1, 15, 24–26, 29, 30, 32, 38) в форме длинного конуса с диаметром основания от 2 до 5 мм, диаметр острия от 1 до 2,5 мм, длина стержней от 20 до 102 мм. На шести из них (рис. 1, 24–26, 30, 29, 32) отчетливо читается характерный штыреобразный выступ, отходящий от стержня (угол наклона к острому концу 120° , $l = 3$ –4 мм), используемый для крепления на рукоять. На поверхности двух предметов сохранились следы ткани с грубым плетением, в которую, вероятно, эти стержни были завернуты.

Стержни являются бурами для сверления камня. Ручкой для этих буров, по-видимому, служила плохо сохранившаяся обработанная деревяшка удлиненной формы (рис. 1, 20). Аналоги им известны среди шертовых и медных сверл поздней стадии хараппской цивилизации [Kenoyer, 2001, p. 169, fig. 8] и бронзовых буров для сверления камня из раскопок Tell al-Ajjul [Petrie, Maskau, 1952, p. 15, pl. XIII, 58–67]. Упоминание о подобных металлических сверлах, происходящих из раскопок у г. Керма конца II – начала I тыс. до н. э., встречается у А. Лукаса. Такие сверла имели длину не менее 15–20 мм, крепились на деревянную ручку и приводились в движение при помощи лучковой дрели [Лукас, 1958, с. 49].

В центральной части комплекса лежал обработанный кусок мела подтреугольной формы (рис. 1, 36) $130 \times 70 \times 20$ мм. Ниже в окружении бараньих астрагалов располагался фрагмент округлой янтарной бусины ($d = 15$ мм, $d_{\text{отв}} = 2,5$ мм), в ее отверстие вставлен штырек ($l = 27$ мм, $h = 2$ мм) из минерала яркого желто-красного цвета (рис. 1, 33, 34). Рядом были положены человеческий зуб (рис. 1, 35) и маленький фрагмент лепной керамики (рис. 1, 37).

В левом углу комплекса, сверху, располагались кусочки желтой охры (рис. 1, 40, 41, 47), мела (рис. 1, 43–45, 74, 75) и фрагмент керамического венчика от красноглиняного гончарного сосуда со следами интенсивного истирания желтой охры (рис. 1, 46). Под ними внизу находилась раковина *Griphaea*, на внутренней поверхности которой выделяется плоская площадка (55×45 мм),

образованная в результате истирания. Это показывает, что раковина использовалась как ступка (рис. 1, 39). Рядом лежал округлый предмет из минеральной крошки с перламутром (рис. 1, 42).

Комплекс из кургана 1, погребение 2. Всего комплекс включал более шестидесяти предметов, более тридцати из них можно отнести к предметам, используемым при производстве бус и украшений (рис. 2). В скоплении бус и золотых фрагментов украшений под зеркалом (рис. 2, 19–25, 27–31, 34–40) были установлены и отреставрированы:

– четыре сложносоставных предмета (рис. 2, 28–31) в форме коротких цилиндров ($h = 5$ мм, $d = 8–9$ мм). Их центральная часть – деревянный цилиндр ($d = 5–6$ мм). Одно основание этого цилиндра (рис. 3, 1) имеет несквозное полусферическое отверстие ($d_{\text{отв}} = 2–2,5$ мм) для насаживания, другое закрыто плоской круглой пластинкой из фритты или камня. Кромки основания деревянного цилиндра с обеих сторон укреплены кольцами из белой фритты диаметром 6–7 мм и толщиной 1 мм. Эта конструкция вставлена в полый плотный цилиндр из фритты (рис. 3, 1). В средней части цилиндр имеет два горизонтальных сквозных поперечных отверстия ($d = 1–1,5$ мм) под углом 180° . Это сквозной канал, проходящий перпендикулярно вертикальной оси и секущий внутренний деревянный цилиндр. Все элементы этой конструкции тщательно и идеально подогнаны и держались, вероятно, за счет конического рельефа касания внутренних ребер цилиндрических и кольцевых деталей из дерева и фритты. На этот цилиндр крепились кольцевые насадки шлифовального (рис. 3, 1) или полировального круга, внешние поверхности которых несут следы интенсивной механической сработанности. Способ крепления кольцевых насадок при реставрации и восстановлении предметов выяснить не удалось, поскольку их поверхности сильно корродированы и сохранились во фрагментах. Близких аналогов этому предмету в опубликованных работах мне найти не удалось. Современные насадки для финишной шлифовки и полировки камня (керамики) цилиндрической формы устроены проще: металлический штырь впаян в пластмассовый цилиндр, поверхность которого покрыта специальным ворсом, на который можно крепить съемные круговые насадки шлифовальных шкур с разным размером рабочего зерна.

– шлифовальное колесико (рис. 2, 27; рис. 3, 2) из кварцевого песчаника со следами интенсивной сработанности поверхности ($h = 4$ мм, $d = 15$ мм, $d_{\text{отв}} = 5$ мм). Его наружная кромка несет следы стачивания в процессе шлифовки. В канале отверстия – отчетливые следы ожелезнения. Очевидно, оно крепилось на железный стержень через сквозное отверстие в центре и использовалось для шлифовки мелких предметов. По размерам, материалу и форме этот предмет является близким аналогом современных шлифовальных насадок, используемых для доведения формы методом шлифовки в мелкой каменной пластике, при изготовлении фигурной керамики. Ана-

логий этому предмету в древности в опубликованных работах мне найти не удалось.

Отдельно лежали заготовки (нодули) горного хрусталя (рис. 2, 33, 54, 55) и перламутра (рис. 2, 32), имеющие разную степень обработанности поверхности. Перламутровая пластинка ($11 \times 9 \times 2$ мм) сделана из речной раковины и имеет примитивно вырезанную форму трилистника. Посередине с двух концов в ней начато, но не завершено сверление сквозного отверстия. Поверхность двух кусков горного хрусталя (рис. 2, 54, 55) несет отчетливые следы первичного механического обкола размеров нодуля. Заготовка из горного хрусталя (рис. 2, 33) имеет форму шестигранной призмы ($l = 14$ мм, $h = 7$ мм), грани которой искусственно выведены методом шлифовки с грубым абразивом. Об этом свидетельствуют точечные микроследы зерен абразива на гранях, полученные при использовании шлифовального колесика (рис. 2, 27).

В центре комплекса были положены три железных предмета (рис. 2, 56–58) удлинненно-конической формы с уплощенными острыми концами. С одного конца они имели характерные утолщения, на поверхности двух присутствовали остатки дерева – вероятно, от деревянной ручки. Сохранность железа не позволила взять их целиком, поэтому форма их концов и размеры даны предположительно. Размер самого длинного из них 87–90 мм, самого короткого – 67–70 мм. Диаметры на концах предметов составляли 8–10 и 1,5–3 мм. Подобные инструменты из бронзы условно названы Э. Маккеем «долото» и, по его мнению, использовались в Индии и Восточном Средиземноморье с глубокой древности для первичной отбивки формы заготовок [Petrie, Maskay, 1952, p. 15, pl. XIII, 50, 52].

На них сверху в кожаном мешочке, который затягивался шнурком с бирюзовой пронизью (рис. 2, 12), были положены предметы, сохранившиеся крайне плохо. Отчетливо читался удлинненный деревянный предмет ($l = 98$ мм, $d_{\text{ср}} = 14$ мм) (ручка?) и набор мелких ($l = 20$ – 40 мм, $d = 1$ – 2 мм) железных штырьков, завернутых в ткань с грубым плетением, вероятно холстину или мешковину (рис. 2, 8). По точным аналогиям с отлично сохранившимися предметами из комплекса кургана 30 погребения 1 (рис. 1, 14, 15, 20, 24–26, 30, 32) железные штырьки можно отнести к металлическим сверлам, которые крепились на деревянную ручку.

По литературным данным, процесс обработки драгоценных и самоцветных камней для ювелирных украшений заключался: 1) в грубой формовке путем обкола или обтачивания, 2) в окончательной формовке шлифованием, 3) сверлении отверстий и 4) финишной шлифовке и полировке поверхности [Лукас, 1958, с. 48–50; Леммлейн, 1963, с. 363–371].

Считается, что традиции обработки ювелирного камня в древних мастерских оставались неизменными в течение тысячелетий [Kenoyer, 2001, p. 158–160; Rajan, Athiyaman, 2004, p. 392–396]. Для придания кусочку камня грубой формы заготовку крепили и обкалывали мелкими молотками [Лемм-

лейн, 1963, с. 363] или долотом [Maskau, 1987, p. 532]. Обтачивание могло производиться металлическими резцами, затравленными абразивным порошком. Выведение формы методом шлифования осуществлялось трением на удлиненных кусках песчаника, подобных зернотеркам, либо в специальных желобках, прорезанных в крупнозернистой породе (применялись кварцит, корундовый сланец), либо кашицей из порошка наждака, нанесенного на свинцовую доску, которая поставлена одним ребром в воду. Шлифовка обтачиванием производилась при креплении бусины к концу ручки сверла, затем бусину помещали в углубление и шлифовали путем обычного вращения ручки с прибавлением абразивного вещества. В Индии с I тыс. н. э. известно применение шлифовальных кругов из порошка корунда или наждака, скрепленного смолой [Лукас, 1958, с. 49; Леммлейн, 1963, с. 360–364].

Для сверления отверстий с I тыс. до н. э. в разных регионах применялись металлические стержни и трубчатые сверла с абразивными порошками, в Индии появляется алмазное сверло¹, получившее распространение на территории Ахеменидской державы во второй половине I тыс. до н. э. [Леммлейн, 1963, с. 371; Аникеева, 2012, с. 169]. Известны опубликованные находки каменных и металлических сверл и мелких долот из раскопанных индийских и месопотамских мастерских по изготовлению бус, которые датировались в широких пределах: конца III – I тыс. до н. э. Известно, что для сверления крупных бус и пронизей широко применялись мелкие бронзовые и железные наконечники стрел. Опубликованы находки металлических сверл, крепившихся на деревянные ручки [Лукас, 1958, с. 49–50; Beck, 1935, p. 26; Kenoyer, 2001, fig. 4, 6, 8; Maskau, 1987, p. 532, 538–539].

Как проводились окончательные шлифовка и полировка поверхности камня, судят по инструментам, найденным в средневековых мастерских, а также по аналогиям этим операциям, полученным из сохранившихся трактатов античных и средневековых восточных ученых. Для окончательной шлифовки и полировки самоцветов применялись доски, диски, валики из меди и определенных твердых сортов дерева, покрытые тонким слоем различных абразивных порошков. В качестве полировальников также употреблялись войлок, сукно и мездровая сторона кожи [Леммлейн, 1963, с. 370–371].

Комплексы из двух женских погребений могильника Филипповский I, в которых найдены не только ювелирные инструменты, но и нодули (заготовки) камня, на поверхности которых отчетливо можно проследить применение этих инструментов, показывают, что женщины-сарматки знали и владели всеми стадиями и приемами изготовления бус, которые применялись в крупных ремесленных центрах древнего Ирана, Ирака, Индии, государствах Восточного Средиземноморья.

¹ Металлическое сверло, на конце которого зачеканивался или запаивался оловом кристаллик или осколки алмаза.

Такие инструменты, как металлические долота, резцы для камня, различные железные буры для сверления, безусловно, являются уникальными для курганов ранних кочевников, хотя единичные аналоги им известны из раскопок мастерских Хараппы и древнего Израиля.

Для выведения формы (шлифовки и полировки) использовались специальные инструменты – механические насадки в виде шлифовального колесика и цилиндров (рис. 3), являющиеся практически полными аналогами современных инструментов. Безусловно, такие предметы не могли быть произведены в кочевнической среде и являются импортными, о чем свидетельствуют тонкость и высокий уровень качества работы. Однако использование их сарматами именно по прямому назначению показывает, что такие инструменты в середине I тыс. до н. э. широко применялись в практике крупных ремесленных центров Древнего Востока. Это позволяет существенно уточнить и конкретизировать процесс изготовления ювелирных украшений для I тыс. до н. э., поскольку аналогов этим предметам в опубликованной литературе не известно.

ЛИТЕРАТУРА

Аникеева О.В. Украшения ахеменидского круга из цветного камня (на примере изучения каменных бус из курганов ранних кочевников Южного Приуралья) // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.) / отв. ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. Т. 1. С. 168–188.

Леммлейн Г.Г. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни. Обработка камней // Абу Райхан Мухаммед Ибн Ахмед Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 354–397.

Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 407 с.

Яблонский Л.Т. Курган-святилище могильника Филипповка 2, роль и место животных в погребальном обряде // Археология восточно-европейских степей. Вып. 10. Саратов, 2013. С. 305–311.

Яблонский Л.Т. Новые археологические данные об ахеменидских влияниях на Южном Урале // Вестник древней истории. 2016. № 76/3. С. 744–766.

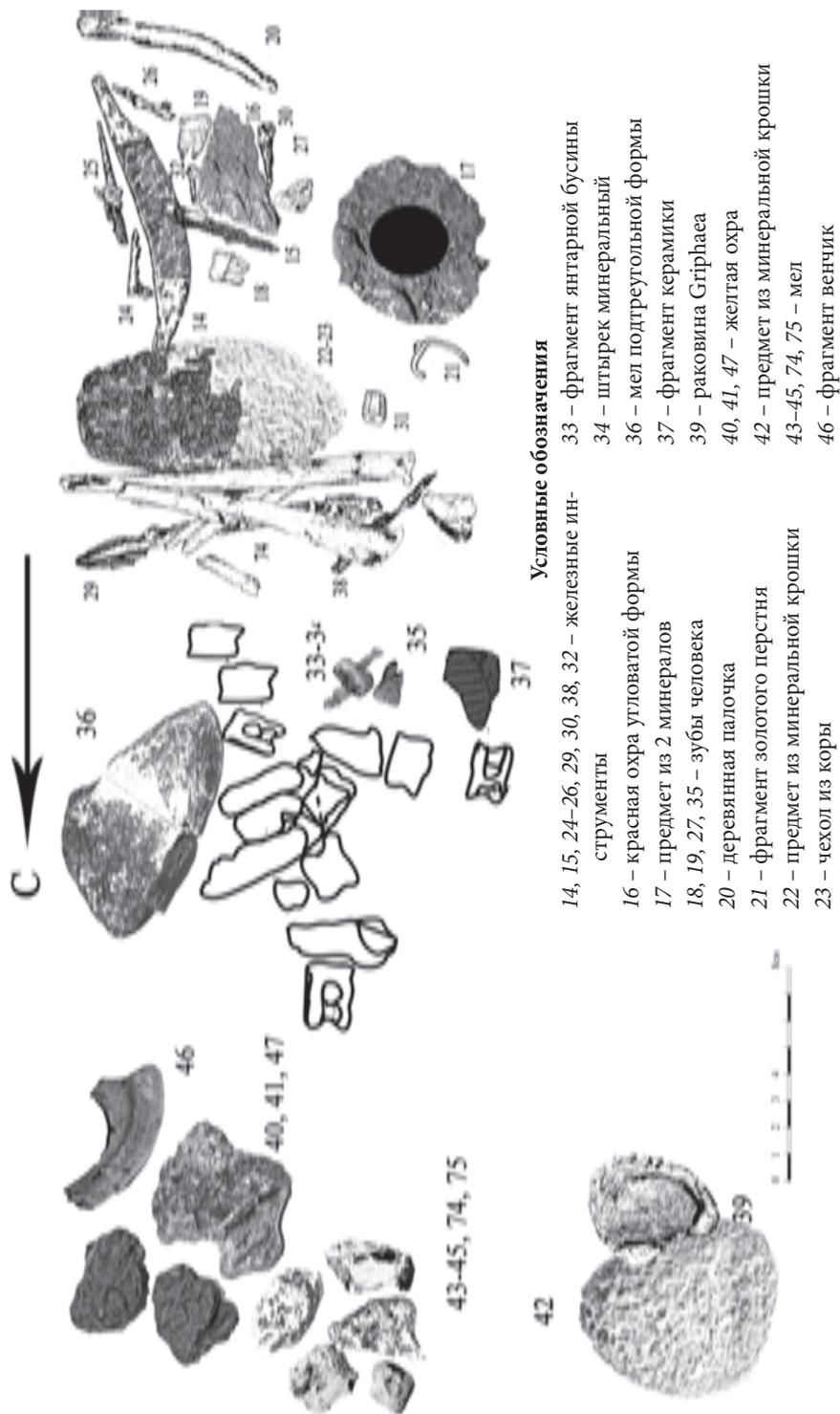
Beck H.C. Notes on Glazed Stones. **Ancient Egypt and the East**. Part I. 1935. P. 24–28.

Kenoyer J.M. Bead technologies at Harappa, 3300–1900 BC: a comparative summary. In: **South Asian Archaeology**. Paris, 2001. Vol. 1. P. 157–170.

Mackay E. Excavations at Chanhu-daro. **Journal of the Royal Society of Arts**. 1987. LXXXV. P. 527–545.

Petrie W.M.F., Mackay E.J.H., Murray M.A. City of Shepherd Kings and Ancient Gaza V. Vol. LXIV. London: British school of Egyptian archaeology, 1952. 44 p.

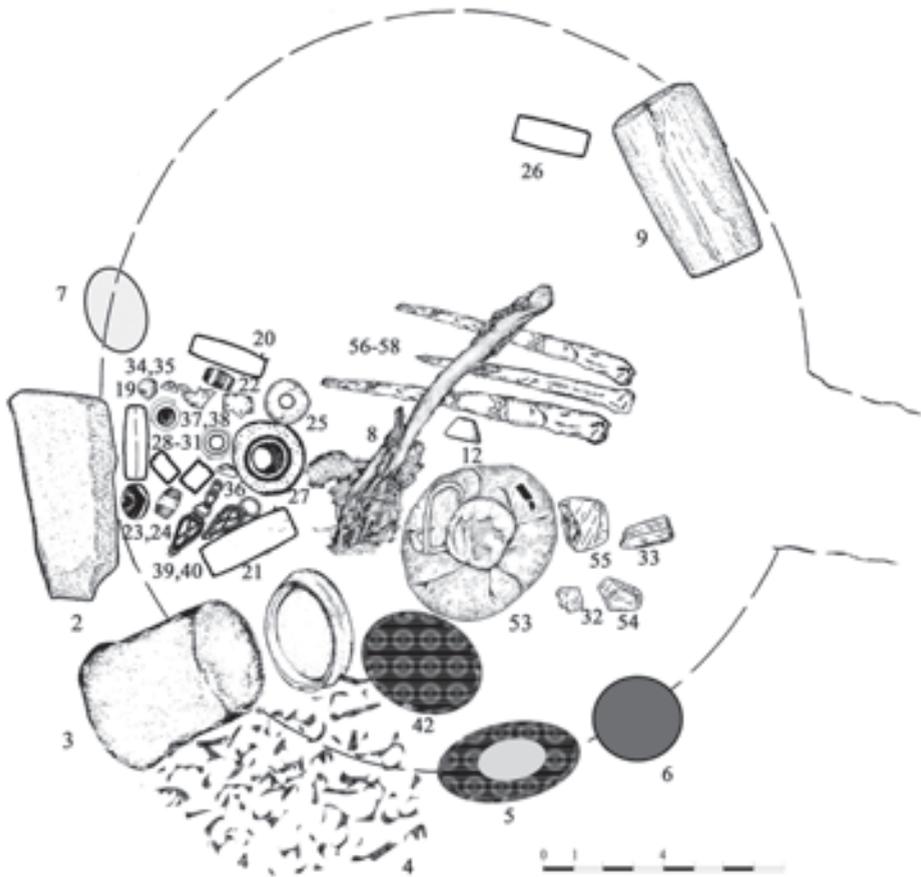
Rajan K., Athiyaman N. Traditional gemstone cutting technology of Kongu region in Tamil Nadu. **Indian Journal of History of Science**. 2004. № 39.4. P. 385–414.

Условные обозначения

14, 15, 24–26, 29, 30, 38, 32 – железные ин-струменты	33 – фрагмент янтарной бусины
16 – красная охра угловатой формы	34 – штырек минеральный
17 – предмет из 2 минералов	36 – мел подтреугольной формы
18, 19, 27, 35 – зубы человека	37 – фрагмент керамики
20 – деревянная палочка	39 – раковина <i>Girphaea</i>
21 – фрагмент золотого перстня	40, 41, 47 – желтая охра
22 – предмет из минеральной крошки	42 – предмет из минеральной крошки
23 – чехол из коры	43–45, 74, 75 – мел
	46 – фрагмент венчик

Рис. 1. Комплекс находок из погребения 1 кургана 30 могильника Филипповский I

Условные обозначения

2 – кремьень обработанный	26 – цилиндр сердоликовый
3 – сосудик серебряный с крышкой	27 – шлифовальное колесико
4 – предмет из минеральной крошки	28-31 – инструменты для полировки бус
5 – предмет из железной слюдки и красной охры	32 – заготовки бусины из перламутра
6 – войлочный шарик	34-36 – нашивки-полусферы золотые (3 шт.)
7 – красная охра	37, 38 – фрагменты фольги золотой (2 шт.)
8 – предмет из дерева, кожи и железа	39, 40 – фрагменты украшений (2 шт.)
9 – белемнит обработанный	42 – предмет из железной слюдки
12 – проиизь бирюзовая	53 – кожаный мешочек с сажей
19-21 – проиизы сердоликовые (3 шт.)	33, 54, 55 – заготовки бусин из горного хрусталя
22-24 – бусы агатовые (3 шт.)	56-58 – предметы железные (3 шт.)
25 – бусина из красного железняка	

Рис. 2. Комплекс находок из погребения 2 кургана 1 могильника Филипповский I

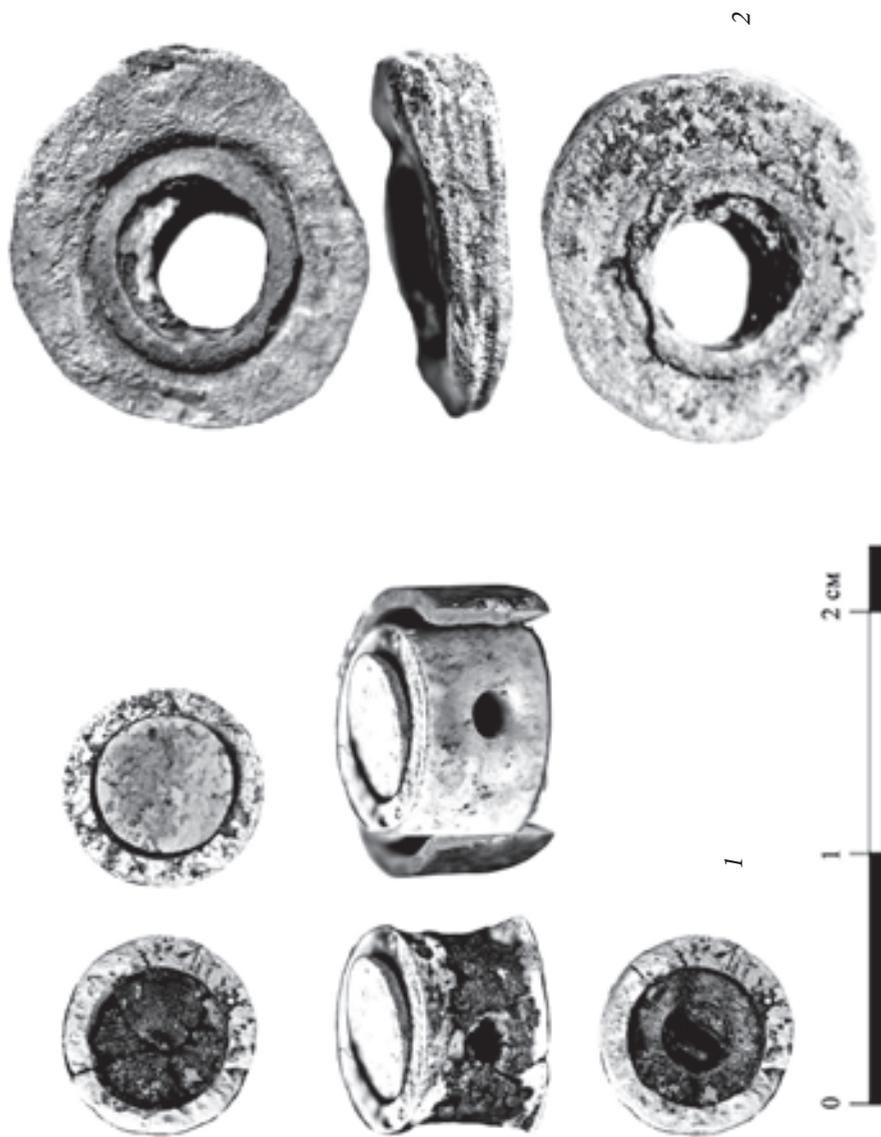

Рис. 3. Инструменты для полировки (1) и шлифовки (2) ювелирных изделий из камня и стекла из комплекса под зеркалом погребения 2 кургана 1 могильника Филипповский I

ЗАБЫТЫЕ ПРЕДМЕТЫ КРУГА ВАРВАРСКИХ ЭМАЛЕЙ ИЗ ХЕРСОНЕСА

С.В. ВОРОНЯТОВ

Статья посвящена публикации и атрибуции двух подвесок-лунниц из раскопок К.К. Косцюшко-Волюжинича в Херсонесе. Предметы относятся к средней стадии эволюции восточноевропейских украшений с выемчатыми эмалями (конец II – III в. н. э.). Предполагается, что кочевники позднесарматской культуры были посредниками, через которых предметы стиля варварских эмалей попадали из лесной и лесостепной зоны Поднепровья и Днепровского Левобережья на Крымский полуостров.

Ключевые слова: Херсонес, римское время, восточноевропейские выемчатые эмали, сарматы.

В историографии темы изучения предметов стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (II–IV вв. н. э.) с Херсонесом традиционно связана лишь одна парная находка [Спицын, 1903, с. 152, рис. 147; Шугаевский, 1911, с. 253, 254; Макаренко, 1928, с. 84, рис. 1; Корзухина, 1978, с. 77, 116, табл. 23, 1, 2]. Среди материалов раскопок некрополя города 1891 г. К.К. Косцюшко-Волюжиничем фигурируют две треугольные ажурные фибулы, украшенные гнездами с эмалью [ОАК за 1891 г., 1893, с. 139, № 153]. Необычные для античного памятника варварские украшения, обнаруженные в разграбленном смешанном комплексе и хранящиеся в собрании Государственного Эрмитажа [Залеская, 2006, с. 111], неоднократно привлекали внимание исследователей [Зубарь, 1982, с. 58; Щукин, 1988, с. 136, 137].

Однако в 2006 г. появилась работа о связях Херсонеса с племенами Восточной Европы в домонгольский период, коротко упоминающая еще два предмета из старых дореволюционных раскопок, схематичные изображения которых не оставляют сомнений в их принадлежности стилю варварских эмалей поздне-римского времени [Колесникова, 2006, с. 131, рис. 1, 7, 10]¹. Оба изделия хранятся в собрании музея-заповедника «Херсонес Таврический» и числятся в фонде бес-паспортных предметов из раскопок К.К. Косцюшко-Волюжинича в Херсонесе.

Первый предмет (инв. № 1/37041) представляет собой подвеску-лунницу с треугольным глухим корпусом, основание которого вогнуто внутрь (рис. 1, 1).

¹ Благодарю Д.А. Костромичёва, обратившего мое внимание на данную статью.

Лицевая сторона корпуса занята гнездом для эмали, повторяющим его форму. Левый конец лунницы утрачен, правый, с частью круглого гнезда, сохранился лишь частично. По нему можно реконструировать изначальный облик изделия. На концах лунницы располагались круглые диски с гнездами для эмали и с тремя выступами, которые также могли быть украшены гнездами эмали [Колесникова, 2006, с. 131, рис. 1, 7]. Ушко для подвешивания перетерто в верхней части. Отсутствие следов эмали и пористо-шероховатая поверхность лунницы, скорее всего, свидетельствуют о ее пребывании в огне, возможно, погребального костра.

Облик описанного украшения является довольно характерным для подвесок-лунниц стиля восточноевропейских выемчатых эмалей, и оно без труда вписывается в существующие классификации. Г.Ф. Корзухина лунницы данного типа определяет как маленькие и относит к категории подвесок [Корзухина, 1978, с. 47]. Следуя дробной типологии лунниц И.К. Фролова, херсонесский экземпляр нужно отнести к варианту А типа II, распространенному на территории Среднего Поднепровья [Фролов, 1980, с. 112–120]. Период появления и развития лунниц данного типа соответствует средней стадии (конец II – III в. н. э.) эволюции восточноевропейских украшений с выемчатыми эмалями по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому [Обломский, Терпиловский, 2007, с. 120–123].

Второй предмет (инв. № 5252) представляет собой значительный фрагмент также подвески-лунницы (рис. 1, 2) с небольшим треугольным глухим корпусом [Колесникова, 2006, рис. 1, 10]. Лицевая сторона корпуса украшена гнездом с частично сохранившейся красной эмалью. Ушко для подвешивания и левый конец лунницы обломаны. Сохранившийся правый конец оформлен в виде креста, три луча которого увенчаны «ромбическими» фигурами с тремя выступами-бусинами. Перекрестие и окончания трех лучей снабжены ромбическим и круглыми гнездами с красной эмалью. Замысловатая композиция на концах подвески-лунницы, несмотря на то что ни одного сквозного отверстия на ней нет, создает впечатление ажурности.

В подробной классификации лунниц И.К. Фролова необычная подвеска близка к вариантам А и Б типа V, наибольшее количество экземпляров которого (Букрин, Колоберда и др.) обнаружено в Средне-Днепровском регионе [Фролов, 1980, с. 114–118]. Датировку лунницы, вероятно, следует определять периодом, соответствующим концу средней стадии эволюции восточноевропейских украшений с выемчатыми эмалями (конец II – III в. н. э.) по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому [Обломский, Терпиловский, 2007, с. 120–123]. Можно также отметить, что рассматриваемая лунница пополняет собой число подобных изделий, которые за счет уникальных особенностей оформления не имеют абсолютных аналогий.

Забытые более чем на сто лет две херсонесские лунницы, несмотря на неизвестные обстоятельства обнаружения, несколько корректируют взгляд на

находку парных треугольных фибул с эмалью в разграбленной гробнице № 3 некрополя Херсонеса [ОАК за 1891 г., 1893, с. 139, № 153]. Эта находка по-прежнему остается необычной, но уже не уникальной для Херсонеса. Она обретает более определенный контекст, выражающийся пока слабоизученными историко-культурными процессами, на которых в свое время заострял внимание М.Б. Щукин [Щукин, 1988, с. 136, 137]. Поскольку и фибулы, и лунницы принадлежат к одному периоду существования и развития украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей, следует предполагать, что в Херсонес они попали при одних и тех же обстоятельствах. Возможно, это были некие связи территорий Прибалтики через лесную зону Восточной Европы с Причерноморьем [Щукин, 1988, с. 137; Щукин, 2002, с. 13]. Увеличивающееся количество пунктов обнаружения предметов стиля варварских эмалей на Крымском полуострове (Херсонес, Нейзац, Скалистое III, Чатыр-Даг и др.) добавляет вероятности этому предположению.

Но также нельзя исключать вариант связей далеких друг от друга территорий, при котором кочевники позднесарматской культуры были теми посредниками, через которых предметы стиля варварских эмалей попадали из лесной и лесостепной зоны Поднепровья и Днепровского Левобережья на Крымский полуостров. Позднесарматские комплексы Северо-Западного Причерноморья (Дивизия) и Нижнего Подонья (Валовый 1) [Воронятов, Раев (в печати)] дают повод реконструировать именно такой способ перемещения предметов круга варварских эмалей.

ЛИТЕРАТУРА

Воронятов С.В., Раев Б.А. Необычные предметы круга варварских эмалей из позднесарматского погребения могильника Валовый 1 на Нижнем Дону // *Germania-Sarmatia III* (в печати).

Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. СПб., 2006. 272 с.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев, 1982. 140 с.

Колесникова Л.Г. Связи Херсонеса-Корсуна с племенами Восточной Европы в домонгольский период // *Херсонесский сборник*. Вып. XV. Севастополь, 2006. С. 129–146.

Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. в Среднем Поднепровье // *Свод археологических источников*. Л., 1978. Вып. Е 1–43. Л., 122 с.

ОАК за 1891 г. СПб., 1893.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.)*. М., 2007. С. 113–141. (Раннеславянский мир. Вып. 10).

Макаренко М. Борзенські емалі й старі емалі України взагалі // *Чернігів та північне лівобережжя*. Київ, 1928. С. 80–100.

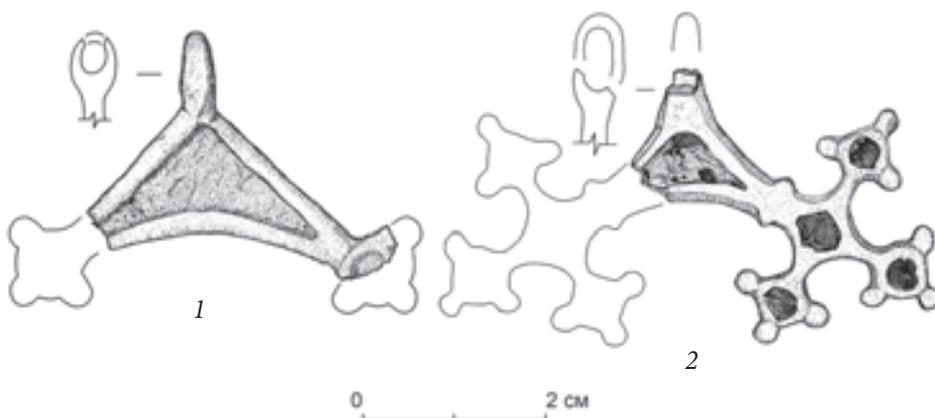
Спицын А.А. Предметы с выемчатой эмалью // Записки Русского археологического общества. Т. V. Вып. 1. СПб., 1903. 192 с.

Фролов И.К. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980. С. 111–124.

Шугаевский В. Татарская горка близ города Чернигова // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911. С. 244–258.

Шукин М.Б. Ажурные эмалевые фибулы из некрополя Херсонеса и некоторые вопросы балто-черноморских связей // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Тезисы докладов. Севастополь, 1988. С. 136–137.

Шукин М.Б. Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002. С. 7–15.

Рис. 1. Подвески-лунницы (1, 2) из фонда беспаспортных предметов из раскопок К.К. Косцюшко-Волюжинича в Херсонесе (рисунки автора по фотографиям, выполненным К.В. Зыковой)

СЛЕДЫ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА В ОКРУГЕ МЕОТСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА СРЕДНЕЙ КУБАНИ

Г.П. ГАРБУЗОВ

Сообщается о вероятных следах древнего землеустройства, обнаруженных на правом берегу Средней Кубани с помощью общедоступных космических снимков. Два ярких примера целостных межевых систем выявлены на спутниковых снимках окрестностей крупных меотских городищ вблизи города Усть-Лабинск. Найденные следы очень похожи на древнее межевание, уже известное по аэро- и космоснимкам района Ольвии и Таманского полуострова. Предполагается, что межевание вокруг меотских городищ могло быть начато в IV–III вв. до н. э. Данная гипотеза основана на информации об экономике Боспора и на большом сходстве межевых признаков, наблюдаемых на Средней Кубани, с типичным «греческим» межеванием Таманского полуострова.

Ключевые слова: меоты, меотские городища, космические снимки (космоснимки), древнее землеустройство, Боспорское царство, Таманский полуостров, Кубань.

В некоторых областях Северного Причерноморья на космо- и аэрофотоснимках хорошо различимы древние межевые системы. Помимо образцового по сохранности ортогонального землеустройства на хоре Херсонеса в Северо-Западном Крыму, обширные межевые системы другого типа, который можно назвать нелинейным (или неортогональным), выделяются по дистанционным данным в округе Ольвии и Березани, на пространстве от левого берега Тилигульского лимана до правого берега Бутского лимана¹, и на Таманском полуострове [Гарбузов, 2006; 2007; 2008]². К сожалению, землеустройство в последних двух областях, осуществлявшееся с помощью земляных конструкций

¹ Небольшие фрагменты такого межевания выделяются на космических снимках также и у античного Никония, севернее с. Роксоланы на левом берегу Днестровского лимана [Гарбузов, 2008, рис. 8].

² Можно было бы ожидать распространения подобного землеустройства и в остальной части исторического Азиатского Боспора, т. е. на территории так называемой Синдики (на левобережных равнинах черноморского русла Кубани, от Горгиппии до Семибратнего городища), однако автору до сих пор не удалось увидеть здесь таких признаков ни на космических снимках, ни на архивных аэрофотоснимках, хотя, надо признать, число просмотренных аэрофотоснимков не так велико, как бы того хотелось.

(рвов и валов), практически не изучалось полевыми методами – в отличие от основанного на каменных кладках ортогонального межевания в Северо-Западном Крыму. Причина этого кроется не столько в трудноуловимости элементов землеустройства на местности (межи из валов и рвов по большей части занимали самые плодородные земли, подвергающиеся постоянной распашке, и потому сейчас практически не заметны в рельефе местности), сколько в отсутствии приемлемой методики их полевого изучения¹.

Несмотря на отмеченную слабую полевою изученность неортогональных межевых систем, почти нет сомнений, что возникновение этого межевания связано с освоением греками территории вокруг городов и сельских поселений. В некотором смысле подобные межевые системы могут считаться (точнее, могли считаться, как станет ясно из последующего изложения) для степного Северного Причерноморья признаком греческой сельской территории античного времени. В пользу этого свидетельствуют важные косвенные обстоятельства: все известные межевые системы расположены в непосредственной близости от греческих поселений, на хоре крупных греческих полисов, и все они вписаны в сеть дорог, связывающих между собой поселенческие центры.

Что касается хронологии нелинейного межевания, то это непростой вопрос. Точно датировать землеустройство Таманского полуострова и округа Ольвии весьма трудно. Очевидно, что уже первые греческие колонисты имели наделы земли, но сложно установить, когда появилась та или иная межевая сеть, выделяемая на снимках в пределах хоры греческих городов. Для Азиатского Боспора, например, можно лишь с большой вероятностью предположить, что максимум размежеванной территории приходился на время расцвета товарного земледелия, т. е. IV в. до н. э. и, скорее всего, начало III в. до н. э.² Именно на это время приходится пик развития системы сельских поселений на Таманском полуострове (их число достигает 174 [Гарбузов, Завойкин, 2012, табл. 1]), и в это же время из письменных источников известно,

¹ До конца не ясен механизм устойчивого сохранения следов межевания данного типа, в течение десятилетий неизменно воспроизводящихся на различных снимках в условиях не только обычной, но и многократной плантажной вспашки. Одной из возможных причин этого может быть влияние древних межевых конструкций на глубинные почвенные процессы, проявляющееся в условиях засушливого климата. Это косвенно подтверждается тем, что в случаях округа Ольвии и Тамани, где шире всего представлены эти следы межевания, и почвенный покров, и климат довольно схожи.

² Представление о земельных отношениях и землепользовании в указанный период дает греческая надпись на фрагменте амфоры, найденная на вполне рядовом таманском сельском поселении Вышестеблиевская 3. В датируемой второй половиной IV в. до н. э. надписи речь идет о частновладельческом земельном участке и его продаже (точнее, запрете на его продажу) [Kashaev, Pavlichenko, 2015].

что большие объемы боспорского зерна экспортируются в Афины и другие греческие полисы. Развивая этот подход, т. е. допуская прямую зависимость между развитием поселенческой системы и площадью размежеванных земель, можно также предположить, что истоки специфического таманского землеустройства нужно искать где-то в третьей четверти VI в. до н. э., когда на Таманском полуострове вдруг появляется много сельских поселений, причем к концу указанного века их число резко увеличивается – с 28 до 68 [Завойкин, 2013, табл. 15]. Следовательно, разумно отнести начало массового межевания земель на Тамани к последней четверти VI в. до н. э.

С этого времени площадь межевания, скорее всего, постоянно увеличивалась – до тех пор пока не были поделены все пригодные для земледелия почвы. Произошло это, наиболее вероятно, к концу IV в. до н. э.¹ В дальнейшем, в связи с предполагаемым упадком боспорской хлебной торговли, часть земель могла не использоваться под зерновые и межевые системы, эти земли, по-видимому, развивались не экстенсивным, а интенсивным путем, отражая изменения в сельской экономике и перемены в земельных отношениях (на снимках межевых систем иногда хорошо заметны следы переделки ранее существовавшего землеустройства, вплоть до его замены другим). В связи с последним обстоятельством интересна найденная в Фанагории надпись, датируемая 151 г. н. э. (КБН № 976), где говорится о возврате земельных участков («земель») прежнему владельцу (святылищу), участки при этом были заново «собраны» и «приумножены» (что фактически равнозначно новому межеванию). Был ли сформировавшийся в античности культурный ландшафт связан с земледельческой практикой в последующие эпохи и менялся ли он в это время, сказать пока невозможно.

В Северном Причерноморье вне областей греческого освоения территории межевые системы, подобные тем, что выявлены на снимках в округе Ольвии и на Таманском полуострове, ранее никем еще не описывались. Проведенный автором анализ детальных космоснимков, имеющихся в базе данных интернет-ресурса Google Earth, позволил обнаружить слабо проявляющиеся, но несомненные следы типичного неортогонального межевания таманского (ольвийского) облика на Средней Кубани (рис. 1), в непосредственной близости от ряда крупных меотских городищ (области со следами межевания обозначены на схеме расположения городищ на правом берегу Средней Кубани, любезно предоставленной автору Б.А. Раевым, см. рис. 2)². Наиболее

¹ Из сообщения Диодора (Diod. XX. 25) следует, что в конце IV в. до н. э. боспорский правитель Евмел выделил, судя по всему на Азиатском Боспоре, 1000 земельных участков для жителей западно-черноморского города Каллатиса.

² У И.С. Каменецкого [Каменецкий, 1989, карта 16] на Средней Кубани выделены две отдельные локальные группы меотских памятников – Усть-Лабинская и Ладожская, однако в реальности меотские городища на правом берегу Кубани от ст. Васюринской до ст. Казанской располагаются практически непрерывно и относительно равномерно.

заметны эти признаки межевания на снимке от 3 октября 2007 г. у городища Спорное, находящегося на высоком правом берегу Кубани приблизительно в 4 км к востоку от г. Усть-Лабинска, и на снимке от 16 августа 2013 г. в непосредственной близости от городищ Тбилиское 11 и Тбилиское 12, в 3 км к востоку от ст. Тбилисской¹.

В первом случае межевание различимо на одном из полей площадью около 250 га в двух километрах к северу от городища Спорное, сразу за автодорогой Усть-Лабинск – Ладожская. Еще один фрагмент межевой системы просматривается здесь в 1,3 км к востоку от городища, на поле, частично вошедшем в кадр указанного снимка. Образец аналогичного, но еще более заметного на снимке межевания, отмеченный к востоку от ст. Тбилисской, фактически примыкает с севера к городищу Тбилиское 11 и занимает все поле площадью около 73 га, расположенное к северу от автодороги Тбилисская – Казанская (этот наиболее явный образец межевания показан в виде исходного снимка и в виде схемы-прорисовки на рис. 3).

С формально-пространственной точки зрения межевые признаки, заметные на космических снимках района Средней Кубани, довольно близки таманским или ольвийским. Признаки представляют собой светлые полосы шириной 12–16 м, окаймленные темным тоном, из них формируются участки разной площади, чаще всего неправильной формы. Сети из этих участков во многом похожи по пространственной организации, форме и размерам на те, которые наблюдаются, например, на Таманском полуострове. Более слабую выраженность местных следов межевания по сравнению с подобными признаками на таманских и ольвийских снимках можно объяснить иными почвенно-климатическими характеристиками данного региона².

Предположение о каком-то случайном возникновении наблюдаемых на Кубани признаков следует безусловно отклонить. Во-первых, это не единичные следы, а вполне связанные организованные межевые системы, подобные тем, что известны на Тамани и в округе Ольвии, которые, в свою очередь, никто не рискует считать игрой природы и которые несомненно являются следами древнего землеустройства. Во-вторых, в пользу неслучайного появления на снимках следов межевания говорит их соседство с одними из

¹ Такие же следы, но совсем малозаметные, выделяются на снимке от 12 мая 2007 г. у группы городищ Тбилиское 6; 7; 8; 9 и 13, к западу от ст. Тбилисской.

² Для Тамани характерны небольшое количество осадков, мягкая зима, высокая относительная влажность воздуха, зональным почвенным покровом являются черноземы южные (каштановые) карбонатные слабогумусные, на правобережье Средней Кубани в районе выявленного межевания представлены в основном черноземы типичные слабогумусные сверхмощные, климат здесь более континентальный, со значительно большим (в полтора раза) среднегодовым количеством осадков.

самых крупных меотских городищ. Размеры городища Спорное, например, более 1 км в длину вдоль берега Кубани, при распространении в напольную сторону на расстояние до 300 м. Само городище, насколько можно судить по снимкам, имеет весьма сложную структуру («цитадель» и несколько «предместий»), площадь «цитадели», по оценке в работе [Каменецкий, Романова, 2011, с. 50–51], составляет 2,6 га, всего городища в целом – около 132 га¹. Городище окружено могильниками, и, что опять же характерно и для крупных поселенческих центров Таманского полуострова, от него в стороны расходится множество дорог.

Интерпретировав вновь выявленные на Кубани признаки межевания как фрагменты систем древнего землеустройства типично «греческого» облика, приходится признать, что находятся они в довольно неожиданном месте и контексте. От выявленных систем межевания до восточной оконечности Таманского полуострова по прямой приблизительно от 190 (Спорное) до 230 км (Тбилисское 11), до предполагаемой восточной границы Боспорского государства, связываемой с укреплениями у х. Красная Батарей, от городища Спорное – около 160 км. Немаловажно также то, что примеров межевания как минимум два и разнесены они между собой на расстояние более чем 40 км.

Учитывая плотность расположения городищ в этом районе (49 на приблизительно 70 км от г. Усть-Лабинска до ст. Казанской, что дает в среднем менее полутора километров между центрами памятников, см. рис. 2)² и ограниченность (случайность) нашей выборки снимков, можно предположить, что в реальности обнаруженное нами межевание занимало если не всю полосу земли по правобережью Кубани между выявленными примерами (у Спорного видимое на снимке межевание задает минимальную ширину такой полосы в 4 км), то, вполне вероятно, значительную ее часть. По сути это же предположение, только гораздо более масштабное, было уже высказано в работе [Каменецкий, Романова, 2011]: количество одновременно проживающего населения на правобережных меотских городищах Усть-Лабинской группы памятников к концу ее существования (рубеж II–III вв. н. э.) здесь оценивается в 62 тыс. чел. (см. также [Каменецкий, 1989, с. 244]), Ладожской группы – более чем в 41 тыс. чел., исходя из этого рассчитывается полоса пахотной земли вдоль Кубани в пределах Усть-Лабинской и Ладожской групп городищ, требуемая для обеспечения зерном всех жителей городищ, – при

¹ См. вид на ров городища: [Лимберис, Марченко, 2010, рис. 2].

² Городища Усть-Лабинской группы продолжают и на запад от г. Усть-Лабинска через ст. Воронежскую до ст. Васюринской. Памятники выстроены на этом участке правого берега Кубани почти непрерывной цепью, причем три из них имеют еще большие размеры, чем городище Спорное, например, городище Воронежское 2 имеет площадь до 290 га, т. е. почти 3 кв. км [Каменецкий, Романова, 2011, с. 41, 50–51, рис. 6].

таком населении в минимальном варианте ширина полосы освоенной земли принимается авторами равной 16,5 км.

Вообще говоря, обычное для греческой сельской территории землеустройство должно было бы обозначать именно такую территорию, т. е. сигнализировать о развитой хоре греческого полиса(ов). С учетом указанной выше удаленности от Боспора и несомненного нахождения следов межевания среди одного из основных очагов меотской культуры предположение о существовании здесь оторванных от основной территории Боспора греческих полисов представляется слишком фантастическим. Связь землеустройства с какими-то колониями греческих земледельцев, находившимися в составе меотских поселений, также сложно представить – гораздо более ожидаемо было бы встретить у меотов греческих торговцев или ремесленников.

Соответственно, необходимо сделать следующий шаг и принять, что данное землеустройство, т. е. освоенная по греческому образцу территория, есть дело рук самих меотов. По археологическим данным известно, что земледелие было одним из основных занятий меотских племен [Анфимов, 1951; Смирнов, 1952, с. 10]. Из титулатуры боспорских правителей точно известно также о прямой подчиненности меотов Боспору [Горончаровский, Иванчик, 2010, с. 220], и в рассуждениях об экономике Боспора обычно принимается тезис, что меоты, в том числе из глубинных районов, производили какую-то долю боспорского зерна, шедшего на экспорт [Гайдукевич, 1949, с. 94 сл.; Блаватский, 1953, с. 181; Шелов-Коведяев, 1985, с. 169; Каменецкий, 2000, с. 123; Виноградов, 2005, с. 267; 2010, с. 316].

Но если с общеэкономической точки зрения большие размежеванные, т. е. несомненно возделываемые пространства плодородной земли (по всей вероятности, разделена была только пахотная земля)¹, выявленные у меотов, не вызывают особого удивления, то с точки зрения социальных отношений здесь есть вопросы: например, какую форму собственности предполагал этот раздел земли; соответствовали ли земельные отношения меотов греческим в такой же степени, в какой были похожи их системы землеустройства?

Отдельную проблему представляет собой датировка выявленного землеустройства. При рассмотрении «меотского» межевания почти единственным источником гипотез является возможность сравнивать его с межеванием на Тамани. Можно предположить, что кубанские примеры межевых систем были синхронны (скорее всего, с некоторым лагом) своим таманским прото-

¹ По бонитировочной шкале, созданной институтом КубаньНИИгипрозем (г. Краснодар), природное плодородие почв в районе выявленного межевания в целом на 25–30 % выше плодородия самых лучших таманских почв – при значительно более благоприятных, как уже отмечено, условиях выращивания зерновых с точки зрения обеспечения осадками.

типам, хотя, как уже отмечено выше, таманское межевание само датируется исходя скорее из умозрительных соображений, чем из твердо установленных фактов. Тем не менее подобная синхронизация указывает на IV–III вв. до н. э. как на время, когда меотское землеустройство должно было получить большое развитие или по крайней мере начало широко распространяться.

Городища Спорное и Тбилиское 11, рядом с которыми выявлены фрагменты землеустройства, раскопками не исследованы, известны они по разведкам. Согласно паспорту городища Спорное, хранящемуся в Управлении государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края, памятник датирован IV в. до н. э. – рубежом н. э. Раскопки связанного с городищем грунтового могильника Спорное 1, расположенного к востоку от памятника, выявили несколько погребений с амфорами IV в. до н. э. (см.: [Бочковой, Лимберис, Марченко и др., 2005], в этой же работе хронология самого городища дается в пределах IV в. до н. э. – III в. н. э.). Предполагаемая датировка Тбилиского 11 городища автору неизвестна¹. Соседствующее с востока с данным памятником городище Тбилиское 12 раскапывалось в 2005 г. под руководством Б.А. Раева. Само городище не дало материалов ранее II в. до н. э. (устное сообщение Б.А. Раева), но при изучении «цитадели» было выявлено раннемеотское погребение, относящееся, по-видимому, ко времени до возникновения городища и датируемое VI в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 89].

Некоторые из меотских городищ Средней Кубани упоминаются на хронологических картах, составленных И.С. Каменецким [Каменецкий, 1989, карты 20–22]. Ко времени (в том числе) IV–III вв. до н. э. здесь могут относиться городища Усть-Лабинское 1; 3; 4, Тбилиское 1; 6, Ладожское 3; 8 (отмечены также могильник городища Тбилиское 1 и могильники Усть-Лабинский 2; 4, Тбилиский 2). В целом это означает, что в представляющийся наиболее вероятным период межевания данная группа городищ уже в том или ином виде существовала. Учитывая все имеющиеся данные, предварительную дату появления меотских межевых систем действительно можно отнести к IV–III вв. до н. э., предполагая, что изначально это было какое-то первичное землеустройство, которое в дальнейшем могло развиваться и изменяться: как видно из опыта Боспора, размежеванные земли имеют свою историю.

¹ В 1989 г. городище было обследовано разведочным отрядом И.С. Каменецкого, но, к сожалению, у автора пока не было возможности ознакомиться с соответствующим отчетом (Каменецкий И.С. Разведки по Средней Кубани. Архив ИА РАН. Р-1. № 19056–19058. 1989 г.).

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов Н.В.* Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья // МИА. 1951. № 23. С. 144–154.
- Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. 208 с.
- Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // МИАК. 2005. С. 72–218.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 211–298.
- Виноградов Ю.А.* Некоторые современные тенденции в изучении экономики Боспорского государства IV в. до н. э. // АМА. 2010. Вып. 14. С. 308–319.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. 622 с.
- Гарбузов Г.П.* Древнее землеустройство нелинейного типа и характеристики современного ландшафта Таманского полуострова // ДБ. 2006. Т. 9. С. 36–66.
- Гарбузов Г.П.* Краткий обзор древнего землеустройства Таманского полуострова // ДБ. 2007. Т. 11. С. 59–85.
- Гарбузов Г.П.* Новые возможности сравнительного анализа региональных систем античного землеустройства // ДБ. 2008. Т. 12. Ч. 1. С. 148–161.
- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А.* Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI – V вв. до н. э.) и в составе державы Спартокидов (IV – начало III в. до н. э.) // ДБ. 2012. Т. 16. С. 114–149.
- Горончаровский В.А., Иванчик А.И.* Синды // Античное наследие Кубани. 2010. Т. 1. С. 219–234.
- Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. (Боспорские исследования, Supplementum 10). Симферополь; Керчь, 2013. 592 с.
- Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. 1989. С. 224–251.
- Каменецкий И.С.* Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар, 2000. 238 с.
- Каменецкий И.С., Романова Г.П.* Последствия обмеров меотских городищ // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (Методика полевых археологических исследований. Вып. 4). М., 2011. С. 40–70.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Меоты // Античное наследие Кубани. 2010. Т. 1. С. 186–217.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар, 2012. 312 с.
- Смирнов К.Ф.* Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. Вып. XLVI. 1952. С. 3–18.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. С. 5–187.
- Kashaev S.V., Pavlichenko N.* Letter on an ostracon from the settlement of Vyshesteblievskaya-3. **HYPERBOREUS**. 2015. Vol. 21. Fasc. 1. P. 61–79.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМА – Античный мир и археология, Саратов
- ДБ – Древности Боспора, Москва
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани, Краснодар

Рис. 1. Район расположения меотских городищ на Средней Кубани

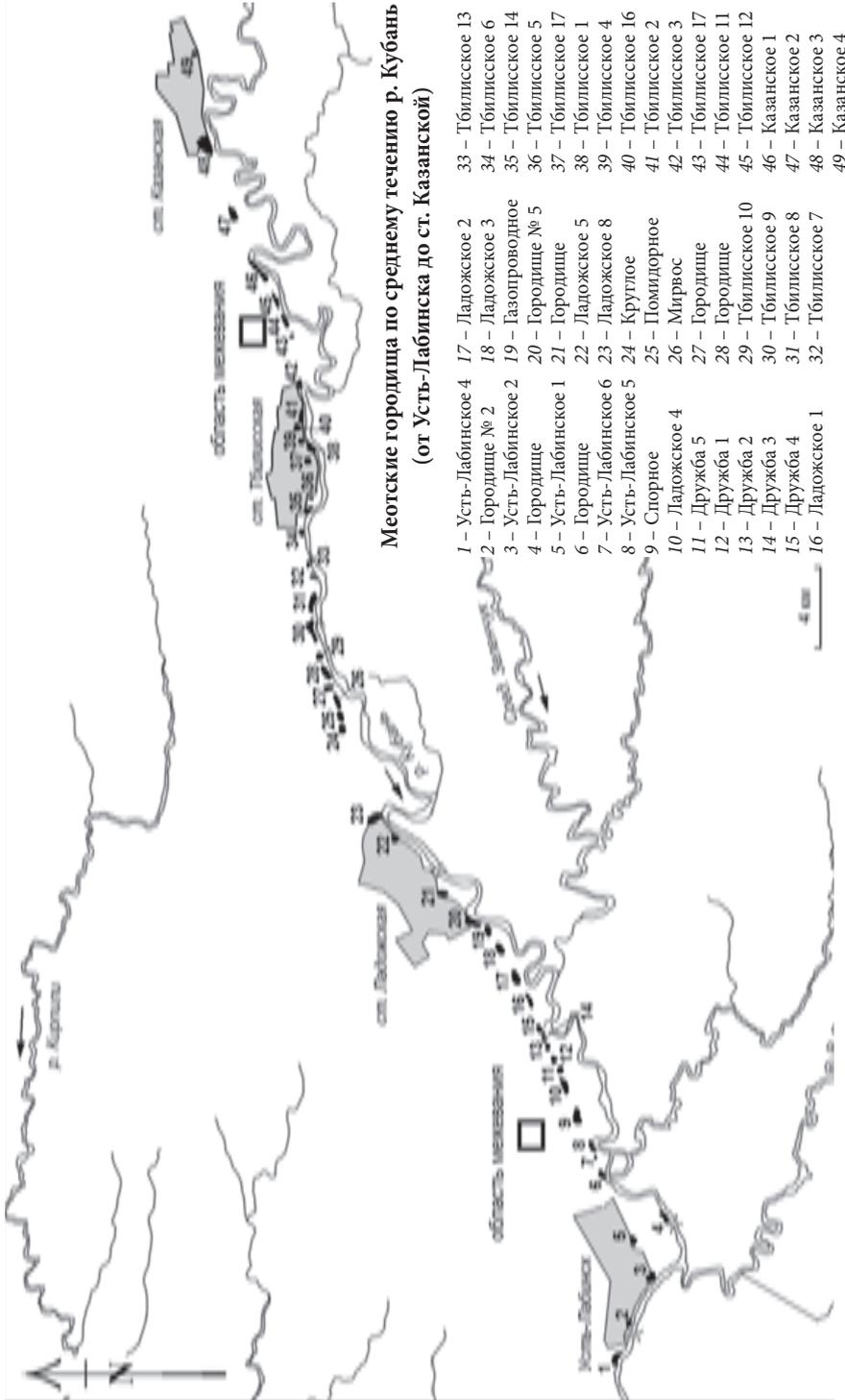

Рис. 2. Области выявленного межевания на карте меотских городищ, составленной Б.А. Раевым

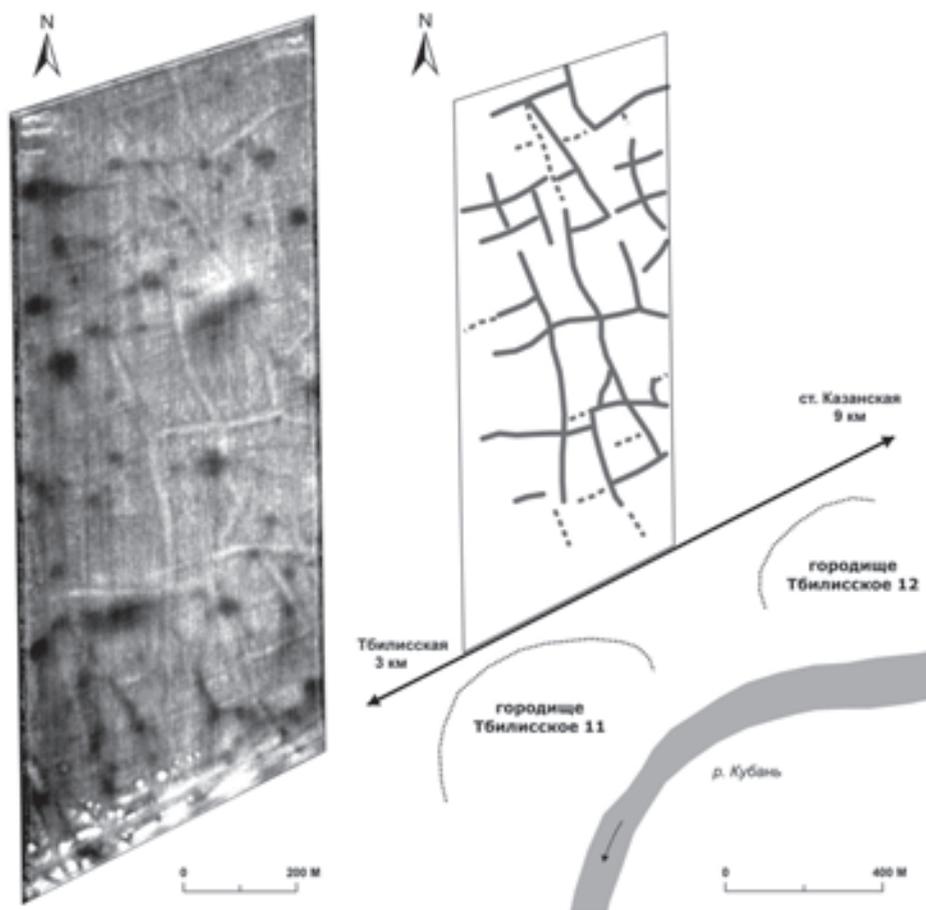

Рис. 3. Следы межевания у городищ Тбилисское 11 и Тбилисское 12 на космическом снимке GoogleEarth / DigitalGlobe от 16.08.2013

В.П. ГЛЕБОВ,
И.В. ТОЛОЧКО

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ОРУЖИЕМ НА НИЖНЕМ ДОНУ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО ЭЛЛИНИЗМА: ТАНАИС И САРМАТЫ

Статья посвящена находкам предметов вооружения в женских погребениях нижнедонских могильников – боспорского Танаиса и степных курганов раннесарматской эпохи. К особенностям Танаиса позднеэллинистического времени относится необычно высокая доля женских погребений с оружием. Предметы вооружения в женских погребениях нижнедонской раннесарматской культуры, вероятно, являются не столько свидетельством реального участия этих женщин в боевых действиях (хотя иногда это, безусловно, и могло иметь место), сколько показателем какого-то особого статуса этих женщин в роде или семье. Пока можно лишь обозначить проблему наличия в раннесарматской культуре женских (по антропологическим определениям) погребений с мужским инвентарем, в том числе с оружием. Вероятно, пришло время признать, что находки предметов вооружения в женских погребениях – не феномен, а закономерность, за которой стоят какие-то общие этапы развития древних обществ.

Ключевые слова: погребальный обряд, находки предметов вооружения, некрополи Боспора, раннесарматская археологическая культура.

Находки предметов вооружения в погребениях некрополей городов Северного Причерноморья – интересный и информативный источник для изучения проблем этнокультурных влияний в эпоху античности. Библиография, посвященная этой теме, довольно многочисленна. Как показывают исследования, наибольшее количество могил с оружием зафиксировано на раннем этапе (VI–V вв. до н. э.), но уже к IV в. до н. э. количество их значительно уменьшается, а в III–I вв. до н. э. почти сходит на нет. Рост числа погребений с оружием наблюдается в первых веках нашей эры, особенно во II–III вв. н. э. [Сокольский, 1954, с. 170–96; Масленников, 1990, с. 41–42, 57–58; Сорокина, Сударев, 2002, с. 238]. Однако некрополь Танаиса дает несколько иную картину: здесь наибольшее количество могил с предметами вооружения приходится как раз на III–I вв. до н. э.

В сравнении с материалами других боспорских городов комплекс вооружения жителей эллинистического Танаиса выглядит своеобразно. Среди его

особенностей можно назвать преобладание стрел, распространение копий, малое количество мечей. В некрополях боспорских городов в VI–III вв. до н. э., несмотря на локальные различия, в целом картина иная. Чаще всего встречаются мечи, резе копыя и стрелы [Сорокина, Сударев, 2002, с. 237–238].

К особенностям Танаиса относится и необычно высокая доля женских погребений с оружием – не менее 35–40 % от общего количества эллинистических захоронений с оружием. Преобладают в них стрелы, но есть и женское захоронение с копьем (погр. 50/НЗ–XVI/2002).

Находками оружия в боспорских некрополях эллинистического времени никто из исследователей специально не занимался (по крайней мере нам не известны подобные работы). Нет и специальных работ по изучению находок оружия в женских погребениях боспорских некрополей. В этом смысле некрополь Танаиса изучен лучше, чем большая часть грунтовых некрополей Боспора (см., например: [Глебов и др., 2005, с. 52–105; Glebov et al., 2005, S. 231–267]).

Различные предметы вооружения встречены в 20 из 94 погребений некрополя Танаиса эллинистической эпохи, исследованных к настоящему времени, то есть оружие содержали около 20 % захоронений¹. Наиболее частой находкой из предметов вооружения являются наконечники стрел, они встречены в четырнадцати погребениях. Копья найдены в восьми комплексах, причем в двух случаях это были наборы из двух копий, мечи – в пяти захоронениях. В одном погребении обнаружена бронзовая панцирная пластина.

Наконечники стрел. Среди наконечников преобладают железные трехлопастные, представленные двумя основными типами: втульчатые и черешковые. Примечательно, что втульчатые и черешковые стрелы никогда не сочетаются в одном погребении: в семи погребениях встречены втульчатые наконечники, в четырех – черешковые (по остальным комплексам со стрелами, происходящими из дореволюционных раскопок, есть только сведения о находках железных стрел без указания на характер насада).

Находки наконечников из другого материала крайне редки: в одном погребении (8/XVIII/1992) встречены два костяных наконечника (рис. 2, 11–12) и в двух захоронениях (1/НЗ/1996 и 9/НЗ/1996) – по одному бронзовому (рис. 3, 13). Костяные наконечники – один трехгранный со скрытой втулкой и опущенными жальцами, второй миниатюрный трехлопастный с выступающей втулкой – найдены в заполнении разрушенного грабителями погребения 8/XVIII/1992 вместе с железными втульчатými. Расположение колчаных наборов прослежено в 8 комплексах, чаще всего слева от костяка (5 случаев): вдоль бедренной кости (2), вдоль берцовых костей (2), вдоль предплечья (1). Справа от погребенного колчаные наборы зафиксированы лишь дважды, оба раза вдоль берцовых

¹ В нашу публикацию по ряду обстоятельств, к сожалению, не могли быть включены материалы погребений, раскопанных в Танаисе в 2012 г. Г.Е. Беспалым (им был открыт ряд грунтовых эллинистических захоронений с предметами вооружения).

костей. В одном комплексе из дореволюционных раскопок (могила 18, 1853 г., см.: [Авдиев, 1853, с. 85; Описание ... № 38, с. 108]) упомянута находка железных наконечников стрел в ногах погребенного без уточнения места.

Очевидно, что в некоторых погребениях наконечники стрел не являются оружием, дважды один или два наконечника встречены в неограбленных захоронениях совершенно невоинского облика; вероятно, здесь стрелы играли роль оберегов [Шевченко, 1993, с. 49]. В 8 комплексах стрелы представляли собой колчаные наборы. Остальные могилы, в которых найдены стрелы, пострадали от грабежа, но есть основания предполагать наличие и в этих погребениях колчаных наборов: обычно большое количество наконечников, присутствие других видов оружия. Стрелы всегда располагались в колчанах наконечниками вниз. Колчаны содержали от нескольких штук до двух – трех десятков стрел, лишь в одном погребении (42/XVIII/1992) количество наконечников в колчане было большим (88 шт.). Судя по остаткам, прослеженным в нескольких погребениях, колчаны были сделаны из дерева и кожи.

Наборы стрел из погребений некрополя Танаиса демонстрируют как боспорские, так и сарматские оружейные традиции. Если в распространении черешковых трехлопастных наконечников стрел следует видеть влияние нижнедонских сарматов, у которых такие стрелы в это время являются господствующим типом [Максименко, 1983, с. 104; Скрипкин, 1990, с. 135], то втульчатые железные трехлопастные наконечники стрел, видимо, представляют собой совершенно иную, не сарматскую традицию. Ко времени освоения сарматами Нижнего Подонья втульчатые наконечники стрел у них в основном уже вышли из употребления: находки колчаных наборов из втульчатых стрел в раннесарматский период на Дону единичны [Максименко, 1983, с. 43–49; Глебов, 2007, с. 91]. Вероятно, втульчатые железные трехлопастные наконечники в рассматриваемый период были характерны для комплекса вооружения боспорян. Такие наконечники часто встречаются в некрополях городов азиатского Боспора [Сокольский, 1961, с. 59; Сорокина, 1977, с. 25]. Вызывает интерес находка бронзового наконечника в колчане с втульчатыми железными стрелами в погребении 1/НЗ/1996, относящемся, вероятно, ко времени около второй половины II в. – I в. до н. э. Происхождение его определить трудно. Нижнедонские сарматы в это время уже почти не использовали бронзовые наконечники: колчаные наборы, состоящие из бронзовых стрел, у них отсутствуют, известны очень редкие находки единичных бронзовых наконечников в колчанах с железными черешковыми стрелами [Мошкова, Фёдорова-Давыдова, 1974, с. 67–68, табл. XXIII, 9].

В большинстве случаев бронзовые наконечники в сарматских погребениях представлены архаичными экземплярами скифского времени, они являются амулетами. В Нижнем Поволжье известны раннесарматские комплексы с колчаными наборами из бронзовых наконечников стрел, но исследователи не могут прийти к единому мнению о хронологии этих памятников.

По мнению В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина, бронзовые стрелы датируются временем не позднее III в. до н. э. [Клепиков, 2002, с. 42; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 66]. В.Ю. Зуев считает, что бронзовые наконечники стрел бытуют у сарматов и во II–I вв. до н. э. [Зуев, 1999, с. 321–322]. Таким образом, ближайшим регионом, где в последние века до нашей эры еще бытуют бронзовые наконечники стрел, является сарматское Нижнее Поволжье. Вероятно, такие наконечники могли попасть к жителям Танаиса и других городов Боспора только оттуда. Помимо Танаиса, находки бронзовых втульчатых наконечников стрел известны в Пантикапее в слоях III–I вв. до н. э. и даже первых веков нашей эры [Блаватский, 1962, с. 19, 24–27, рис. 15].

Костяные наконечники стрел изредка встречаются в погребениях кочевников на протяжении всего раннего железного века. Формы их обычно индивидуальны, размеры сильно варьируют [Скрипкин, 1990, с. 73–74; Клепиков, 2002, с. 47–48]. Отметим, что наш экземпляр с выступающей втулкой представляет собой редкий тип, поскольку обычно преобладают наконечники со скрытой втулкой или с черешками.

Наконечники и втулки копий. Все сохранившиеся наконечники копий – железные, с узким линзовидным в сечении пером, как правило, ланцетовидной формы (из-за плохой сохранности форма пера не всегда ясна). Втулка короткая, нередко имеет кольцевидное утолщение (муфту) у края. На одном из экземпляров (погребение 8/XVIII/1992) зафиксирована система крепления наконечника к древку при помощи железных гвоздей через отверстия во втулке (рис. 2, 3). Длина наконечников составляла от 26 см до 32–35 см.

Пять копий были снабжены подтоками (см., например: рис. 2, 2, 10; рис. 9, 2). По форме они близки рюмковидным подтокам: слегка заужены в средней части и расширены в нижней. Они отличаются от классических рюмковидных лишь более вытянутыми пропорциями. Длина втулок составляла от 13,5–14 см до 16–17 см.

Положение копий удалось проследить в 4 комплексах. В погребении 42/XVIII/1992 два подтока с остатками древков лежали вдоль правой ноги погребенного. В погребении 50/НЗ–XVI/2002 наконечник копья располагался также справа от погребенного вдоль костей предплечья острием в сторону ног, подток копья находился между берцовыми костями – вероятно, копье было положено в могилу сломанным. В двух ограбленных погребениях копья (погр. 13/НВ/1987, погр. 8/XVIII/1992 (в этом захоронении было два копья)), сохранившиеся *in situ*, находились под южной стенкой могилы или камеры подбоя остриями к востоку. Копья в обоих этих захоронениях располагались слева от погребенных. В «погребении над гробницей 5», происходящей из раскопок Н.И. Веселовского, наконечник копья был «воткнут в засыпь могилы» (возможно, первоначально находился на перекрытии могильной ямы) [Хутор Недвиговка ... 1908, 8; ОАК за 1908 г., л. 124; Веселовский, 1909, с. 249].

Судя по расположению в погребениях, длина копий из погребений 8/XVIII/1992 и 13/НВ/1987 не могла быть более 2,8 м и 2 м соответственно, в погребении 42/XVIII/1992 – не более 1,5 м. Хотя нельзя исключить вероятность того, что копия могли быть преднамеренно сломаны, как в погребении 50/НЗ–XVI/2002. Таким образом, большинство копий представляли собой оружие небольшой или средней длины (1,5–2 м) с некрупными наконечниками. Такие копия нейтральны в этнокультурном отношении. Скорее всего, танаисские копия представляют собой оружие пехотинцев или, что менее вероятно, легковооруженных всадников, пригодное как для ближнего боя, так и для метания [Ростовцев, 1914, с. 311, табл. LXXXV, 3; Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1981, с. 101–105, рис. 3]. Комплекты из нескольких копий одинакового размера обычно считаются метательным вооружением [Нефёдкин, 2002а, с. 72]. Мнение о том, что подтоки не свойственны для метательных копий [Нефёдкин, 2002б, с. 91], не подтверждается на археологическом материале Северного Причерноморья и евразийских степей: здесь в наборах с большими копиями часто встречаются явно метательные копия меньших размеров с подтоками [Лукашёв, 1979, с. 160–162, рис. 1, 5–10; Максименко, 1983, с. 107, рис. 13; Парусимов, 1994, с. 110–113, рис. 3, 5, 8, рис. 4, 2; Симоненко, 2001, с. 92–93, рис. 1, 2]. Любопытно, что традиция снабжать копьё подтоком широко распространяется в IV–III вв. до н. э., но во II–I вв. до н. э. почти сходит на нет [Хазанов, 1971, с. 49; Клепиков, 2002, с. 35].

Мечи. Из всех мечей полностью сохранился только один, это короткий (40 см) меч с прямым навершием и узким прямым перекрестьем из погребения 42/XVIII/1992. Меч находился у правого бедра погребенного.

Клинковое оружие этого вида считается раннесарматским (прохоровским) наряду с экземплярами с прямыми перекрестьями и серповидными навершиями.

У номадов Южного Приуралья и Нижнего Поволжья такие мечи появляются в развитии IV в. до н. э., получают распространение в конце IV в. – начале III в. до н. э. [Васильев, 2001, с. 44–45; Клепиков, 2002, с. 28–29]. Но из-за неудобной конструкции рукояти этот тип мечей существует недолго: у сарматов, заселивших степи Нижнего Подонья приблизительно на рубеже III–II вв. до н. э., их уже нет (по крайней мере пока не зафиксировано ни одной находки). Возможно, меч из Танаиса представляет собой архаичный экземпляр, сохранившийся у сарматов и попавший от них к жителям Танаиса во II–I вв. до н. э. Хотя не исключено и то, что он мог появиться в Танаисе еще в III в. до н. э., когда такие мечи были в ходу у сарматов Поволжья и Приуралья. Это могло произойти в результате каких-то контактов с восточными кочевниками (вероятно, набега их на Танаис). Нельзя исключить и возможность того, что меч был сделан в II–I вв. до н. э. в подражание более древним формам оружия, но это маловероятно.

Мечи и кинжалы с рукоятью-штырем без перекрестья известны на всех этапах сарматской истории, бытуют они и в раннесарматское время параллель-

но с оружием с серповидным и кольцевидным навершием [Скрипкин, 1990, с. 132–133]. Применяли такое оружие также и боспоряне, видимо, заимствовав его у сарматов [Сокольский, 1954, с. 152].

Данные о встречаемости различных видов оружия в одном комплексе приведены в таблице 1.

Таблица 1

РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ОРУЖИЯ, ВСТРЕЧАЕМЫЕ
В ОДНОМ КОМПЛЕКСЕ (НЕКРОПОЛЬ ТАНАИСА)

Найденные виды оружия	Кол-во, экз.	Местонахождение
Меч – стрелы – копьё / два копьё	2	погр. 42/XVIII/1992; погребение, открытое Смычковым в 1908 г.
Копьё / два копьё – стрелы	3	погр. 19/НВ/1987; погр. 8/XVIII/1992 – женское; погр. 9/НЗ/1996
Меч – стрелы	1	погр. 12/НЗ-XVI/2002
Меч	2	погр. 2 из раскопок Веселовского в 1909 г.; «яма для сожжения, поблизости от урны 3» из раскопок Веселовского в 1908 г.
Копьё	3	погр. 13/НВ/1987; погр. 50/НЗ-XVI/2002 – женское; «погребение над гробницей 5» из раскопок Веселовского в 1908 г.
Стрелы	8	погр. 24/НЗ-XVI/2002; погр. 34/НЗ-XVI/2002; погр. 1/НЗ/1996; погр. 4/НЗ/1996 – женское; погр. 23/НЗ/1996 – женское; погр. 25/НЗ/1997; могила 18 из раскопок Авдиева в 1853 г.; «небольшая гробница» из раскопок Хицунова в 1870 г.

Итак, в сравнении с материалами других боспорских городов комплекс вооружения жителей эллинистического Танаиса выглядит своеобразно. Среди его особенностей можно назвать преобладание стрел, большую распространенность копий, малое количество мечей. В некрополях боспорских городов в VI–III вв. до н. э., несмотря на локальные различия, в целом картина иная. Чаще всего встречаются мечи, реже копьё и стрелы [Сорокина, Сударев, 2002, с. 237–238].

К особенностям Танаиса относится необычно высокая доля женских погребений с оружием – не менее 35–40 % от общего количества эллинистических захоронений с оружием. Преобладают в них стрелы, но есть и женское захоронение с копьём (погр. 50/НЗ-XVI/2002).

Как мы полагаем, нет оснований считать посмертное вооружение танаисских женщин непременно сарматским влиянием. Традиционную гипотезу

о принадлежности женских погребений с оружием только савроматам или сарматам давно пора признать устаревшей. В настоящее время такие захоронения известны в немалом количестве практически у всех варваров Северного Причерноморья любого периода античной эпохи, встречаются они и у боспорян, хотя значительно реже [Масленников, 1990, с. 34]. Вероятно, пришло время признать, что это не феномен, а закономерность, за которой стоят какие-то общие этапы развития древних обществ. Мы оставляем открытым вопрос о функциональности оружия в женских погребениях. Отметим лишь, что предметы вооружения встречены в погребениях женщин не только взрослого (*adultus*, 25–35 лет), но и зрелого (*maturus*, 35–55 лет) возраста, реальное участие которых в военных действиях представляется сомнительным. В то же время у кочевников широко известны такие примеры. Наличие посмертного вооружения в погребениях женщин из кочевых племен, вероятно, могло быть связано как с участием их в набегах на соседние земли и в защите собственного племени, так и с их прижизненным статусом. В кочевнических погребениях находки оружия фиксируются предположительно прежде всего у тех женщин, которые к моменту смерти не находились под властью мужчины (еще не вышли замуж или уже овдовели) [Захаров, 2000, с. 37–38].

В паноплии жителей Танаиса отчетливо прослеживаются сарматские мотивы: черешковые наконечники стрел, некоторые типы мечей. Следует заметить, что на основании находок сарматского оружия нельзя говорить о вливании сарматских групп в состав населения Танаиса в последних веках до нашей эры: танаисские комплексы с предметами вооружения сарматских типов ничем более не выделяются из массы погребений эллинистического времени.

Оседание степняков в Танаисе в рассматриваемый период не зафиксировано никакими источниками, седентаризация и проникновение кочевников в Танаис имели место лишь в позднесарматскую эпоху, не ранее середины – второй половины II в. н. э. [Безуглов, Гугуев, 1988, с. 24; Толочко, 2004, с. 217–220].

Разумеется, сарматское влияние на военное дело и вооружение боспорских греков не является открытием. Но обычно этот факт традиционно сводится к заимствованию боспорянами тактики и вооружения сарматских катафрактариев в первых веках нашей эры. В нашем же случае речь идет о довольно широком распространении в Танаисе в более ранний период сарматского вооружения, не связанного с катафрактариями. Представляется, что оружие из Танаиса следует рассматривать в контексте боспорской военной доктрины последних веков до нашей эры – первых веков нашей эры. Исследователи отмечают повышение роли конницы и легковооруженных стрелков и метателей в армиях греческих государств Северного Причерноморья. Это было необходимо для успешного противодействия подвижному и обычно легковооруженному противнику, какими были местные кочевые и оседлые варвары [Блаватский, 1954, с. 80–81, 141–147; Сокольский, 1954, с. 146–147]. Но основой боевых порядков по-прежнему оставалась пехота, которая в последних веках

до нашей – первых веках нашей эры превратилась из классической фаланги в разреженный строй почти бездоспешных воинов, вооруженных большими овальными щитами, несколькими короткими копьями для метания и мечом для ближнего боя [Нефёдкин, 2002а, с. 74–77].

Главной ударной силой являлась конница, вооруженная на варварский манер [Блаватский, 1954, с. 81; Боспорские ... 1990, кат. 43–53]. В первые века нашей эры благодаря появлению катафрактариев роль ее еще более возросла. Легковооруженные стрелки и метатели выполняли задачи прикрытия флангов, ведения заградительного огня и др.

Неизвестно, приходилось ли гражданам Танаиса – сравнительно небольшого города с малочисленным населением, обособленного от основной территории Боспорского царства, – сражаться в боевом построении с каким-либо неприятелем в открытом поле. Но то, что их военное дело развивалось под влиянием Боспора, не подлежит никакому сомнению. Набор вооружения из некрополя Танаиса, на наш взгляд, полностью подтверждает эту точку зрения: из всех вышеперечисленных предметов боспорской паноплии здесь отсутствуют только щиты, но они зачастую изготавливались из дерева и кожи без металлических деталей [Толстиков, 1976, с. 87–89], поэтому могли не сохраниться в могилах. Преобладание метательного оружия говорит о том, что жители Танаиса отдавали предпочтение дистанционному бою. Пристрастие к дальнему бою считается характерной чертой военного дела боспорян в рассматриваемый период [Нефёдкин, 2002а, с. 77].

Итак, комплекс вооружения жителей Танаиса может быть охарактеризован как боспорский, подвергшийся сильному сарматскому влиянию. Главной причиной столь частых находок предметов вооружения в некрополе Танаиса в период спада на Боспоре традиции помещения в могилу оружия, по видимому, является обособленность города от остального греческого мира Северного Причерноморья, его существование в постоянном варварском окружении. Присутствие оружия в женских могилах в Танаисе может быть связано с реалиями жизни небольшого боспорского города в условиях пограничной действительности. Как известно, наиболее «воинственными» в разных странах мира традиционно считались женщины – жительницы пограничных районов [Цыбулькина, 2006а, с. 16].

Однако реконструкция отношений Танаиса и сарматов в III–I вв. до н. э. как permanently враждебных выглядит слишком упрощенной.

Этнополитическая ситуация в Нижнем Подонье в рассматриваемый период, вероятно, выглядела следующим образом. Танаис вместе с Елизаветовским эмпорием в начале III в. до н. э. выводится в устье Дона «эллинами, владевшими Боспором». Возможно, эта акция была совершена с целью заманить в торговле с нижнедонскими кочевниками Елизаветовское варварское городище, погибшее приблизительно на рубеже IV–III вв. до н. э. [Копылов, 2002, с. 232]. Но в результате каких-то катаклизмов в 70–60-х гг. III в. до н. э.

Елизаветовский эмпорий гибнет, примерно в это же время исчезают и памятники номадов [Полин, 1992, с. 68–69; Глебов, 2002, с. 190–192]. Танаис, как-то переживший эту катастрофу, остается, вероятно, единственным населенным пунктом на краю опустевшей степи [Полин, 1992, с. 69; Глебов, 2002, с. 192].

Новая волна кочевников – носителей раннесарматской культуры приходит в Нижнее Подонье не ранее конца III в. или начала II в. до н. э. [Максименко, 1983, с. 49; Глебов, 2007а]. Однако некоторые рассмотренные нами артефакты, неизвестные у донских сарматов, но характерные для кочевников Нижнего Поволжья III в. до н. э. (меч с прямым перекрестьем и прямым навершием, возможно, бронзовый наконечник стрелы), вероятно, отражают контакты населения Танаиса с сарматами еще до освоения последними нижнедонских степей. Эти вещи могли попасть в Танаис в качестве трофеев в результате столкновений с военными отрядами сарматов, приходивших, видимо, из Нижнего Поволжья. Однако, поскольку Танаис на протяжении всего III в. до н. э. существовал без серьезных укреплений, вряд ли эти набеги представляли значительную и постоянную опасность. Цитадель Танаиса – четырехугольник мощных стен – строится в самом конце III в. – начале II в. до н. э. [Шелов, 1970, с. 112; Арсеньева, Ильяшенко, 2001, с. 109]. Такое совпадение едва ли может быть случайностью, наиболее вероятно, что это мероприятие является следствием появления масс кочевников, создавших угрозу для самого существования города. Впрочем, эта опасность, видимо, не реализовалась: археологических следов масштабных военных столкновений в Танаисе в этот период не зафиксировано. Показательно, что оборонительный ров западного пригорода, вырытый на рубеже III–II вв. до н. э., впоследствии заплывает землей, засыпается мусором и ни разу не обновляется. Кроме этого, по сообщению Страбона, Танаис в последних веках до нашей эры являлся крупным торговым центром европейских и азиатских кочевников, с одной стороны, и боспорских купцов – с другой (XI, II, 3).

Таким образом, можно предполагать, что взаимоотношения Танаиса и сарматов были враждебными только на раннем этапе, когда город подвергался набегам. Потом, вероятно, возникла опасность и более серьезных нападений. Затем последовал период стабилизации, отношения между номадами и населением Танаиса стали в целом мирными, основанными на взаимовыгодной торговле. Но идеализировать эту картину, конечно, не стоит, номады были потенциально небезопасны для оседлого населения даже во времена мирных отношений между соседями. Здесь уместно вспомнить характеристику, данную сарматам римским писателем Флором: «Они коснеют в таком варварстве, что даже не понимают мира» (II, 29). Так что у жителей Танаиса, несомненно, были все основания держать под рукой оружие даже в периоды стабилизации отношений между городом и сарматами, тем более если верно предположение Д.Б. Шелова о независимости Танаиса в III–I вв. до н. э. от метрополии [Шелов, 1970, с. 195–197], рассчитывать они должны были только на свои силы.

В I–II вв. н. э. ситуация в Танаисе меняется. В процентном отношении количество погребений с оружием сокращается до 12,7 %, причем в большинстве могил оружие представлено лишь несколькими наконечниками стрел [Толочко, 2004, с. 122, 146]. На наш взгляд, причин этому могло быть несколько, в том числе приток в Танаис после полемонова разгрома нового населения с Боспора [Шелов, 1972, с. 56, 233; Яценко, 2001, с. 86; Толочко, 2004, с. 115], уже не практиковавшегося обычай помещения оружия в могилу. Но главной причиной, по-видимому, было присоединение Танаиса к Боспорскому царству, что обеспечивало городу гарантии безопасности и военной защиты в случае конфликтов с местными варварами. По мнению Н.П. Сорокиной и Н.И. Сударева, исчезновение оружия из могил в некрополях большинства городов в конце IV в. до н. э. также связано с вхождением их в состав Боспорского царства [Сорокина, Сударев, 2002, с. 238].

Следует отметить, что комплекс вооружения ранних сарматов коренным образом отличается от танаисского. Предметы вооружения встречены в 28 % погребений раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н. э. (в действительности погребений с предметами вооружения несколько больше, однако захоронения с единичными наконечниками стрел не включены в выборку).

Основной категорией вооружения нижнедонских ранних сарматов, судя по находкам в погребениях, являлись короткие мечи – 61 % от общего количества погребений с оружием и стрелы (колчаные наборы) – 14 %, сочетание меча и колчана зафиксировано в 23 % погребений. Находки длинных мечей редки, комплект из длинного и короткого мечей встречен только один раз, копья и дротики распространены очень мало, из защитного вооружения известны только импортные шлемы. Короткие мечи в большинстве случаев были положены справа от погребенного, обычно вдоль бедра, длинные – как справа, так и слева, колчаны чаще всего находились слева от погребенного. Наблюдается тяготение оружия к погребениям мужчин молодого и зрелого возраста, реже – подросткового и пожилого возраста [Глебов, 2007, с. 88–96].

Похожая картина наблюдается в это время и в других сарматских регионах: в погребениях абсолютно преобладают мечи и стрелы; копья, дротики и предметы защитного вооружения редки [Скрипкин, 1997, с. 185; Васильев, 2001, с. 90–92; Симоненко, 2010, с. 237].

Наиболее полные сведения о вооружении сарматов II–I вв. до н. э. были приведены Страбоном при описании сарматского племени роксоланов: «они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служат копья (λόυχη – короткое копье), лук и меч. Подобным образом вооружено и большинство других варваров» (Страбон. «География». VII, III, 17).

Таким образом, по данным археологии и письменных источников, сарматские вооруженные силы описываемого периода представляли собой конное, преимущественно легковооруженное войско. Судя по редкости длинных мечей, единичности штурмовых копий и отсутствию защитных доспехов, тяжелово-

оруженная кавалерия типа катафрактариев как род войск на этом этапе сарматской истории отсутствовала. Весьма проблематично и наличие у сарматов пехоты. Из сообщения Аппиана известно, что в войне Фарнака с узурпатором Асандром в 47 г. до н. э., где на стороне Фарнака выступали скифы и сарматы, в решающей битве они были побеждены «из-за недостатка в лошадях и неумения сражаться пешим строем» (Аппиан. «Митридатовы войны». 120). По мнению исследователей, пехота у сарматов могла набираться из обедневших номадов, вынужденных осесть на землю, либо из зависимых оседло-земледельческих племен [Хазанов, 1971, с. 86; Нефёдкин, 2001, с. 204]. Однако в Нижнем Подонье во II–I вв. до н. э. нет следов седентаризации сарматов.

Тактика легковооруженных номадов, вероятно, строилась на сочетании дистанционного и ближнего (возможно, спешенного, судя по длине мечей) боя [Горелик, 1993, с. 73–74; Васильев, 2001, с. 92]. Характерными чертами этой тактики (так называемой скифской) считаются подвижность, маневренность, внезапные нападения и быстрое отступление в случае неудачи, обязательный массированный обстрел противника из луков с целью измотать и обратить в бегство или хотя бы ослабить и расстроить его ряды перед вступлением в ближний бой [Блаватский, 1954, с. 22; Горелик, 1993, с. 73]. По мнению некоторых исследователей, сарматы знали такие военные построения, как лава и «карусель», и, возможно, могли вести эшелонированный бой. Тем не менее без «ударного кулака» тяжеловооруженной конницы они не могли успешно противостоять противнику, знающему военный строй и располагающему тяжеловооруженной кавалерией или пехотой [Хазанов, 1971, с. 68–69; Васильев, 2001, с. 93]. Так, легковооруженные роксоланы царя Тасия в столкновении с фалангой понтийского полководца Диофанта, несмотря на численное превосходство, оказались бессильны против сомкнутого строя тяжеловооруженной пехоты и были наголову разгромлены (Страбон. «География». VII, III, 17).

Кардинальные изменения в вооружении и тактике боя сарматов происходят, согласно сведениям письменных источников, в среднесарматское время [Перевалов, 1999, с. 65–67]. Рассказывая о вторжениях сарматов в Закавказье в 35 г. н. э. и в Мезию в 69 г. н. э., Тацит описывает совершенно иной комплекс вооружения: длинные копья, длинные двуручные мечи, наборные панцири из железных пластин или твердой кожи, луки используются мало, щиты отсутствуют. Тактика сарматов заключается в лобовой кавалерийской атаке: «не допускать в битве метания стрел, а предупредить врага смелым натиском и вступить в рукопашную» (Тацит. «Анналы». VI, 35), «... когда (сарматы) появляются конными отрядами, вряд ли какой строй им может противиться» (Тацит. «История». I, 79).

Представление о «сарматских амазонках» основывается на сообщениях античных авторов и на якобы большом количестве у савроматов и сарматов женских погребений с оружием.

Однако анализ античной письменной традиции показывает, что сведения о савроматских и сарматских женщинах-воительницах имеют легендарно-

мифологический характер и не отражают реалий быта кочевников (обзор версий и литературы на эту тему см.: [Богаченко, 2011, с. 78–102]). Оформившись в V–IV вв. до н. э. (Геродот. «История». IV, 110–117; псевдо-Гиппократ «О воздухе, водах и местностях». 24), трафаретное описание савромато-сарматских амазонок позже превратилось в «кочующий сюжет» и, повторяясь у разных писателей как дань уважения авторитетам, дожило до раннего Средневековья. Показательно, что у авторов «прикладных» трудов по географии и истории, которых интересовали реальные события или быт и расселение племен кочевников (Тацит, Страбон), а не пересказ легендарных сведений, об амазонках нет ни единого упоминания.

Б.Н. Граков в своей известной работе [Граков, 1947, с. 106–124] связал большое количество погребений вооруженных женщин на савромато-раннесарматском этапе с пережитками матриархата у сарматов. Термины «матриархат», «материнский род» и пр. в применении к общественному строю савроматов и сарматов вызвали активную дискуссию, но представление о савроматских и сарматских женщинах как о воительницах и жрицах надолго утвердилось в отечественной литературе [Виноградов, 1963, с. 96; Смирнов, 1964, с. 205; Хазанов, 1970; Смирнов, 1971]. Лишь с начала 1990-х гг. в результате дальнейшей разработки этой темы начало складываться мнение, что и роль женщины в савромато-сарматском обществе, и количество женских погребений с оружием у савроматов и сарматов были значительно преувеличены [Мирошина, 1990; Мышкин, 2001, с. 149; Стрижак, 2008, с. 18–21; Симоненко, 2010, с. 251–252].

Отбор и статистическая обработка женских захоронений с оружием в нашем исследовании осложнены тем обстоятельством, что антропологические определения были проведены далеко не для всех погребений нижнедонской раннесарматской культуры. В ряде случаев определение пола и возраста по костям скелета производилось опытными археологами-полевыми (В.П. Шилов, Е.И. Беспалый, И.Н. Парусимов и др.), по мнению Е.Ф. Батиевой, достаточно квалифицированно¹.

ЖЕНСКИЕ РАНЕСАРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ОРУЖИЕМ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ²

1) *Северо-Западный I, курган 1, погребение 8* [Власкин, 2000, с. 12, рис. 3, 6; рис. 4, 1–6] (рис. 11, 1–6) – впускное погребение в узкой подпрямоугольной яме, двое погребенных: женщина старше 40 лет и ребенок 2–3 лет (определение Е.Ф. Батиевой) лежали вытянуто на спине черепами к ЮЮВ, в деревянном гробу, короткий (48 см) железный меч с серповидным навершием и прямым пере-

¹ Авторы выражают благодарность Е.Ф. Батиевой за помощь и информацию об антропологических определениях некоторых из рассматриваемых комплексов.

² В эту выборку не включены захоронения с единичными наконечниками стрел (как правило, являющимися не оружием, а, возможно, амулетами, причиной смерти и др.).

крестьем (кончик клинка обломан в древности и положен между ног погребенной, ближе к правому колену) – вдоль правого бедра женщины, лепной сосуд и кости ног барана в сопровождении железного ножа – в ногах погребенных, на груди ребенка были найдены три стеклянные бусины и бронзовая пронизь.

2) *Подгорненский I, курган 1, погребение 14* (раскопки С.А. Науменко, 1988 г.) (рис. 12, 1–10) – впускное ограбленное погребение в яме с заплечиками, в заполнении и на дне были обнаружены кости трех погребенных: двух женщин 35–40 лет и ребенка 6–7 лет (определение Е.Ф. Батиевой), часть скелета одной из женщин сохранилась *in situ*, она лежала вытянуто на спине черепом к Ю, весь инвентарь находился в заполнении: фрагмент клинка и рукояти железного меча без перекрестья (длина фрагмента 11 см), лепной сосуд, пряслице, фрагменты зеркала, костяная ложечка, железный нож, бусы.

3) *Подгорненский IV, курган 6, погребение 7* (раскопки С.А. Науменко, 1987 г.) (рис. 13, 1–22) – ограбленное погребение в яме с заплечиками, в заполнении были найдены кости женщины 20–35 лет, на дне кости ребенка 3–5 мес. (определение Е.Ф. Батиевой), лежавшего на спине черепом к югу, весь инвентарь находился в заполнении: фрагмент клинка железного меча (длина 14 см) со следами древесины от ножен, фрагменты железных черешковых трехгранных и трехлопастных наконечников стрел, лепной сосуд, пряслице, бусы, золотая височная подвеска, фрагменты зеркала, железный нож, железная игла, фрагменты железных и бронзовых предметов, фрагменты керамики.

4) *Западенский, курган 1, погребение 13* [Беспалый, 2002, с. 113, рис. 3, 1–4] (рис. 4, 5–8) – впускное погребение в узкой подпрямоугольной яме, погребенная – женщина 30–35 лет (определение Е.И. Беспалого), лежала вытянуто на спине черепом к ЮЮВ, инвентарь: короткий железный меч с овальным навершием и прямым перекрестьем (нижняя часть клинка утрачена в древности, общая длина сохранившегося фрагмента 31 см) – вдоль правого предплечья и бедра, железный нож – между клинком меча и бедром, овальная пряжка с подвижным язычком – на крестце, остатки деревянного сосуда – в ногах.

5) *Высочино V, курган 2, погребение 1* (раскопки Е.И. Беспалого, 1982 г.) (рис. 14, 1–4) – впускное погребение, яма не прослежена, погребенная – взрослая женщина (определение Е.И. Беспалого, уточнение Е.Ф. Батиевой – старше 20 лет), лежала вытянуто на спине черепом к ЮЮЗ в деревянной раме, инвентарь: короткий (43 см) железный меч с серповидным навершием и прямым перекрестьем – вдоль правого бедра, рукоять под кистью правой руки, клинок частично под бедренной костью, кольцевая пряжка с подвижным язычком – справа от таза, фрагмент бронзового зеркала – у левого плеча, кремьень – на лобковых костях, у левого бедра и колена находился лепной сосуд, на котором располагалось деревянное блюдо с лопаткой барана.

6) *Кастырский V, курган 3, погребение 3* (раскопки В.Г. Житникова, 1986 г.) (рис. 15, 1–14) – впускное погребение в подпрямоугольной яме с одним за-

плечиком, двое погребенных: мужчина 20–25 лет и женщина 20–25 лет (определение Е.Ф. Батиевой), лежали вытянуто на спине черепами к ЮЮЗ, инвентарь женщины: фрагмент железного меча с кольцевым навершием и прямым перекрестьем – рукоять и часть основания клинка (размеры сохранившейся части около 15 см) – между предплечьем правой руки и туловищем, навершием в сторону таза, кремень и фрагменты железного кольца (пряжка? огниво?) – на костях правого предплечья, между рукоятью меча и правым крылом таза, железный нож – между локтем левой руки и туловищем, кружальный сероглиняный кувшин – между колен; инвентарь мужчины: фрагмент клинка и рукояти меча без перекрестья (длина фрагмента 19,5 см) – вдоль голени левой ноги, две железные кольцевые пряжки с подвижными язычками и железный нож также в районе левой голени, набор железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (не менее 8 шт.) и массивное железное кольцо – между стоп, кремень и кусочки желтого вещества – у правого колена с внутренней стороны.

7) *Алитуб, курган 3 («Крестовый»), погребение 20* [Захаров, 2000, с. 27–45, рис. 1–2] (рис. 16, 1–28) – впускное погребение, яма не прослежена, погребенная – взрослая женщина (определение В.П. Шилова, уточнение М.А. Балабановой – 45–55 лет), лежала вытянуто на спине черепом к СЗ, инвентарь: железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел (более 70 шт.) в берестяном колчане – вдоль левой голени, бронзовое колечко – у нижнего края колчана, бронзовая сковорода типа «Айлесфорд», бронзовый котел, смятый в древности, ребра и лопатка лошади в сопровождении железного ножа – у правой стопы, бронзовое кольцо с шишечками, несколько крупных бусин из стекла, горного хрусталя, камня, фрагмент стеклянного канфара, железные наконечники ремней, серебряные подвески плохой сохранности, архаичный бронзовый наконечник – между правым локтем и туловищем, остатки двух железных стержней (игл?) – с внутренней стороны правого предплечья, бронзовое зеркало – у правого колена, керамическое пряслице – у правого бедра, кружальный сероглиняный сосуд, розовоглиняный унгентарий, лепной сосуд с гальками, кусками песчаника и золой, железный нож и обломки шила – за черепом, бронзовая ленточка, свернутая посередине в кольцо – на верхней челюсти, кусочки реальгара – слева у черепа и между бедренными костями, золотые серьги – у височных костей, золотая гривна – на шее, бусы из горного хрусталя, сердолика, гагата, известняка, золотые штампованные бляшки – в районе шеи, пояса и у запястий, стеклянные бусы с внутренней позолотой – у щиколоток, кроме того, из погребения происходят фрагмент черешка железного орудия и железный предмет неясного назначения.

8) *Золотые Горки IV, курган 9, погребение 3* [Труды ... 2002, с. 16, рис. 35, 1–10] (рис. 17, 1–9) – впускное погребение в подбойной могиле, двое погребенных, мужчина и женщина (определение И.Н. Парусимова), лежали вытянуто на спине черепами к ЮЮЗ, инвентарь женщины: набор железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (46 шт.), костяная «проколка», кости ног

барана в сопровождении железного ножа – за черепом, фрагменты железной пряжки(?) – под левым локтем, фрагмент еще одного железного ножа – под правым крылом таза; инвентарь мужчины: железный наконечник копья – за черепом, острием к торцевой стенке ямы; помимо этого в погребении были найдены: 2 железные черешковые трехлопастные наконечники стрел – между погребенными в районе бедер, оселок, бронзовая кольцевая пряжка с неподвижным язычком и две бронзовые бляшки – в ногах погребенных.

9) *Кулешовка, курган 1, погребение 17* (раскопки Е.И. Беспалого, 1982 г.) (рис. 18, 1–6) – впускное погребение в подбойной могиле, погребенная – взрослая женщина (определение Е.И. Беспалого)¹, лежала вытянуто на спине черепом к ЮВ, инвентарь: короткий (33 см) железный меч с серповидным навершием без перекрестья – вдоль правого бедра, рукоять – под правой рукой, набор железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (около 30 шт.) – на левой берцовой кости, костяная «проколка» – между берцовыми костями, рядом с наконечниками стрел, фрагменты бронзового зеркала – в районе правого локтя, «мегарская» чаша – между стоп.

10) *Сагванский I, курган 12, погребение 2* (раскопки Зельдиной В.Я., 1978 г.) (рис. 19, 1–12) – впускное погребение в яме с заплечиками, погребенная – женщина зрелого возраста (определение Г. Романовой), лежала вытянуто на спине черепом к ЮЮВ, инвентарь: короткий железный меч без навершия с прямым перекрестьем, сломан в древности, кончик клинка утрачен в древности, на лезвии следы деревянных ножен, длина около 40 см – вдоль правого бедра; железный наконечник копья (деформирован или сломан в древности) – за черепом справа в углу ямы, стоял, опираясь на дно и стену ямы; железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (не менее 3 шт.) с остатками древков – между предплечьем левой руки и туловищем; фрагмент бронзового зеркала и оселок – у левого колена; фрагменты железного ножа – под кистью левой руки; кости передней ноги и рёбра барана – под стенкой ямы; кремь и фрагменты железного предмета (кресало?) – возле рукояти меча; остатки пучка деревянных палочек – у левого бедра; бронзовый котелок, смятый в древности, крупный сероглиняный кружальный кувшин, обломки костей барана – в заполнении могилы (находились на перекрытии?).

11) *Новопалестинский I, курган 1, погребение 2* [Власкин, 2005, с. 154–157, рис. 2, 3–12] (рис. 20, 1–8) – впускное погребение в узкой подпрямоугольной яме, погребенная – женщина(?) 40–45 лет (определение Е.Ф. Батиевой), лежала вытянуто на спине черепом к ЗЮЗ, инвентарь: два железных наконечника копья с остатками древесины во втулках – между левой ногой и стенкой ямы, остриями в сторону стоп, железный двухлопастный втульчатый наконечник дротика с остатками древка внутри втулки и набор железных втульчатых

¹ Определение Е.Ф. Батиевой: женщина(?) 35–40 лет, определение М.А. Балабановой: мужчина 50–60 лет.

трехлопастных наконечников стрел (не менее 41 шт.) – у левого тазобедренного сустава (часть наконечников была обнаружена в заполнении могилы, один – в районе левого плеча), кружальный сероглиняный сосуд – в ногах, железный колчаный крюк, костяная ворворка, деревянный стержень (фрагмент лука?) – в заполнении могилы.

Еще несколько комплексов, в инвентаре которых сочетаются женские и мужские (в т. ч. предметы вооружения) вещи, которые трудно отнести к мужским или женским без проведения антропологических определений: Балабинский II, курган 1, погребение 26 (наряду с мечом и оселком – фрагмент зеркала и алебастровый сосудик), Пирожок, курган 6, погребение 5 (наряду с мечом и пряжкой – пряслице и курильница (?)), Тузлуки II, курган 2, погребение 3 (наряду с мечом и наконечниками стрел – большое количество бисера в районе шеи) и др. Но даже с учетом этих погребений число женских захоронений с оружием не превысит 8–10 % от общего количества погребений с оружием, 5–6 % – от общего количества женских погребений, 2 % – от общего количества погребений нижнедонской раннесарматской культуры II–I вв. до н. э.

Предварительно женские погребения с оружием могут быть разбиты на группы:

- погребения с женским инвентарем и предметами вооружения: Алитуб, курган 3 («Крестовый»), погребение 20, Подгорненский IV, курган 6, погребение 7, Подгорненский I, курган 1, погребение 14;
- погребения с мужским инвентарем: Северо-Западный I, курган 1, погребение 8, Западенский, курган 1, погребение 13, Кастырский V, курган 3, погребение 3, Золотые Горки IV, курган 9, погребение 3, Новопалестинский I, курган 1, погребение 2;
- погребения, в инвентаре которых сочетаются «мужские» и «женские» вещи¹: Высочино VI, курган 2, погребение 1; Кулешовка, курган 1, погребение 17, Сагванский I, курган 12, погребение 2 (здесь следует заметить, что «мужские» вещи, как правило, преобладают, а «женские» вещи представлены фрагментами зеркал – категория погребального инвентаря, встречающаяся и в мужских погребениях, хотя и несравненно реже, чем в женских).

Вопреки мнению о том, что сарматские женщины-воительницы в ходе боевых действий выступали главным образом как лучницы [Хазанов, 1970,

¹ Не имея возможности подробного рассмотрения темы выделения специфических «мужских» и «женских» наборов вещей, отсылаем читателя к работам М.А. Очир-Горяевой [1987, с. 45–47], В.Н. Мышкина [2001, с. 144–146], М.С. Стрижак [2006, с. 36–43]. Заметим, что в сравнении с «мужскими» и «женскими» наборами погребального инвентаря у кочевников савроматского времени у нижнедонских ранних сарматов, при общей близости савроматских и раннесарматских наборов, имеется своя специфика: к «мужскому» набору вещей здесь могут быть отнесены предметы вооружения, пряжки, костяные «проколки», оселки, к «женскому» – зеркала, курильницы, костяные ложечки, пряслица, большие наборы бус и бисера, другие украшения: браслеты, перстни, гривны и т. п. [Глебов, 2007, с. 36–38].

с. 141–142], значительного преобладания стрел над другим оружием в рассмотренных женских захоронениях не наблюдается. В группе женских погребений с оружием прослеживается то же соотношение предметов вооружения, что и у мужчин: чаще всего мечи (5 случаев), реже мечи и стрелы (2 случая) или только стрелы (2 случая), расширенные наборы вооружения: меч – копьё – стрелы (1 случай), два копья – стрелы – дротик (1 случай).

Необходимо отметить, что предметы вооружения часто сопутствуют женщинам уже далеко не «призывного» возраста, которых трудно представить с мечами наголо в первых рядах атакующей конной лавы: Северо-Западный I, курган 1, погребение 8 – старше 40 лет (с возрастными и ревматическими изменениями на позвонках и тазовых костях), Подгорненский IV, курган 1, погребение 14–35–40 лет, Алитуб, курган 3, погребение 20–45–55 лет, Новопалестинский I, курган 1, погребение 2–40–45 лет.

Итак, женские погребения с предметами вооружения в раннесарматской культуре Нижнего Подонья II–I вв. до н. э. весьма немногочисленны, к тому же нужно учесть, что в некоторых случаях имеются разногласия или сомнения в определении погребенных как женщин (Кулешовка, курган 1, погребение 17, Новопалестинский I, курган 1, погребение 2). Таким образом, археологические данные не позволяют говорить о прослойке «военизированных» женщин в сарматском обществе этого периода.

Предметы вооружения в женских погребениях нижнедонской раннесарматской культуры, скорее всего, являются не столько свидетельством реального участия этих женщин в боевых действиях (хотя иногда это, безусловно, и могло иметь место), сколько показателем какого-то особого статуса этих женщин в роде или семье. Пока можно лишь обозначить проблему наличия в раннесарматской культуре женских (по антропологическим определениям) погребений с мужским инвентарем, в том числе с оружием.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеев А.А. Ведомость раскопкам, произведенным в недвиговских насыпях // Архив ИИМК. 1853. Ф. 9. Арх. 25. С. 83–86.

Арсеньева Т.М. Некрополь римского времени у деревни Ново-Отрадное // Советская археология. 1963. № 1. С. 192–203.

Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М. Исследования на территории хутора Недвиговка в 2000 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2001. Вып. X. С. 103–110.

Бадалянц Ю.С. Новые хронологические соответствия личных имен на родоских амфорах // Советская археология. 1980. № 2. С. 161–166.

Безуглов С.И., Гузев В.К. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I–III вв. н. э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988. С. 19–27.

Беспалый Е.И. Раскопки Новочеркасской экспедиции в 1990–1991 гг. // Аксайские древности. Ростов н/Д, 2002. С. 111–188.

Беспалый Г.Е. Технический отчет о раскопках западного некрополя Танаиса в 2012–2013 гг. Ростов н/Д, 2013.

Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Пантикалея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // *Материалы и исследования по археологии.* 1962. Вып. 103. С. 6–85.

Богаченко Т.В. Женщины-воительницы южнорусских степей: исторические основы сказаний. Saarbrücken, LAP Lambert academic Publishing GmbH & Co, KG, 2011.

Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э. – III в. н. э. Л., 1990.

Василев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала. Уфа, 2001.

Веселовский Н.И. Танаис младший // *Гермес.* 1909. № 6 (32). С. 246–252.

Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

Власкин М.В. Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I // *Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона.* Ростов н/Д, 2000. Вып. 1. С. 9–26.

Власкин М.В. Археологические исследования могильника Новопалестинский I // *Археологические записки.* Ростов н/Д, 2005. Вып. 4. С. 153–164.

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (Морфология). М., 2003.

Глебов В.П. Еще раз о проблеме III в. до н. э. // *Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища.* Ч. 2. СПб., 2002. С. 186–197.

Глебов В.П. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории».* Краснодар, 2004. С. 127–133.

Глебов В.П. Вооружение и военное дело кочевников Нижнего Подонья раннесарматского времени // *Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология. Доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории».* Челябинск, 2007. С. 88–98.

Глебов В.П. Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // *Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов.* Волгоград, 2007а. Вып. II.

Глебов В.П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 26 с.

Глебов В.П. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н. э. // *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории».* Ростов н/Д, 2011. С. 34–48.

Глебов В.П., Ильяшенко С.М., Толочко И.В. Погребение с оружием эллинистического времени из некрополя Танаиса // *Древности Боспора. М.: Таус,* 2005. Вып. 8. С. 52–98.

Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. М., 1993. 349 с.

Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // *Вестник древней истории.* 1947. № 3. С. 100–121.

Дворниченко В.В., Фёдоров-Давыдов Г.А. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области // *Краткие сообщения Института археологии.* 1981. Вып. 168. С. 100–105.

Зайцев Ю.П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998. С. 52–60.

Захаров А.В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д, 2000. Вып. 1. С. 27–45.

Зуев В.Ю. О путях решения «проблемы III в. до н. э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // Stratum plus: «Скифский квадрат». 1999. Вып. 3. С. 305–324.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов н/Д, 1992.

Ильюков Л.С. Курган с погребениями раннесарматского времени // Материалы по археологии волго-донских степей. Волгоград, 2001. С. 198–207.

Ильюков Л.С., Толочко И.В. Танаисская гробница 1908 г. (находка А. Смычкова) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 2. С. 293–297.

Каталог выставки новых поступлений отдела археологии (1970–1980 гг.). Новочеркасск, 1981.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград, 2002.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002. С. 47–81.

Копылов В.П. Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII – первой трети III вв. до н. э. // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002. С. 229–235.

Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) // Свод археологических источников. 1970. Вып. Д 1–27.

Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В. Отчёт о работе Краснодарской археологической экспедиции в зоне строительства базы СУГ на Тамани в 1993 году // Архив Кубанского центра археологических исследований / Кубанский государственный университет. Краснодар, 1993.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории // Понтийские греки. Краснодар, 1997. С. 46–57.

Лукашёв А.В. Раннесарматский комплекс из Журова кургана // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. С. 160–164.

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д, 1983.

Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6. Ростов н/Д, 1998.

Мартынов А.А. Записки о местностях в войске Донском и вещественностях там открытых, заслуживающих внимания антиквариев и историков, с присовокуплением преданий. Составлены войска Донского полковником Алексеем Мартыновым в 1842–1847 гг. на Дону // Дон. Вып. 7–12. Новочеркасск, 1887.

Марченко И.Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // Материалы и исследования по археологии. 1956. Вып. 57. С. 102–127.

Марченко И.Д. Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее // Советская археология. 1971. № 2. С. 148–156.

Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1990.

Мирошина Т.В. Амазонки у сарматов и проблема матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 159–176.

Мошкова М.Г., Фёдорова-Давыдова Э.А. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. Ч. I. М., 1974. С. 21–121.

Мышкин В.Н. Воинский инвентарь в «савроматских» погребениях Самаро-Уральского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 142–151.

Нефёдкин А.К. Комплектование и состав войска сарматов и аланов в I–IV вв. по данным античных источников // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 2. СПб., 2001. С. 201–212.

Нефёдкин А.К. Воины с тремя копьями на надгробиях I–II вв., или К вопросу о тактике боспорской пехоты // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002а. С. 67–78.

Нефёдкин А.К. Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы // Вестник древней истории. 2002б. № 1. С. 87–96.

Отчет Императорской археологической комиссии (ОАК) за 1908 г. СПб., 1912.

Отчет Императорской археологической комиссии (ОАК) за 1909 и 1910 гг. СПб., 1913.

Опись предметам, найденным на месте древнего Танаиса и в его окрестностях и препровожденных в Санкт-Петербург // Архив ИИМК. Ф. 9. Архив № 25. С. 106–114.

Очир-Горяева М.А. Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI–IV вв. до н. э. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987. С. 35–53.

Парусимов И.Н. Курган скифской доби з могильника Колдирі // Археологія. 1994. № 1. С. 110–114.

Первалов С.М. Сарматский контоc и сарматская посадка // Российская археология. 1999. № 4. С. 65–77.

Петерс Б.Г. Военное дело // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. С. 187–197.

Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.

Симоненко А.В. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н. э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград, 2001. С. 92–106.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. 328 с.

Скрипкин А.С. Два погребения раннего железного века из Прикубанья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 218–224.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Скрипкин А.С. Анализ сарматских погребальных памятников III–I вв. до н. э. // Раннесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М., 1997. Вып. II. С. 131–212.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Смирнов А.П. К вопросу о матриархате у савроматов // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 188–190.

Сокольский Н.И. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии СССР. 1954. Вып. 33. С. 123–196.

Сокольский Н.И. Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1961 г. // Архив ИА РАН. 1961. Р-1 № 2290.

Сорокина Н.П. Отчет о работе Ахтанизовского отряда Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1977 г., Темрюкский район, поселок «За Родину» // Архив комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. 1977. Арх. № 31.

Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Оружие из некрополя Кеп // Древности Боспора. Вып. 5. М., 2002. С. 234–239.

Стрижак М.С. К вопросу о дифференцировании женских и мужских комплексов в «савроматской» культуре на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград, 2006. С. 35–49.

Стрижак М.С. Соотношение исторических савроматов и «савроматской» археологической культуры: к историографии проблемы // Российская археология. 2008. № 4. С. 15–22.

Толочко И.В. Некрополь Танаиса (начало III в. до н. э. – V в. н. э.): опыт сравнительного изучения: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

Толстиков В.П. Надргробие воина с Ахтанизовского лимана // Вестник древней истории. 1976. № 1. С. 80–90.

Толстиков В.П., Журавлёв Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь, 2003. С. 289–314.

Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Азов, 2002. Вып. 6. 31 с.

Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // Вестник древней истории. 1970. № 2. С. 138–148.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Хутор Недвиговка // Архив ИИМК. Ф. 1/1908. Арх. № 60.

Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.

Шевченко Н.Ф. Стрелы у сарматских племен Прикубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993. С. 38–198.

Шевченко Н.Ф. Некоторые аспекты боспоро-сарматских отношений в Восточном Приазовье (III в. до н. э. – II в. н. э.) // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар, 1993. С. 31–44.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М., 1970.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон первые века н. э. М., 1972.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.

Яценко В.В. Случайные находки (1998–2000 гг.) монет из Танаиса // Донская археология. 2001. Вып. 3–4. С. 83–125.

Domžalski K., Zin'ko V. Roman Fine pottery from rescue excavations conducted outside the defensive walls of the town of Nymphaion in 1995. *Archeologia*. L. Warszawa, 1999. S. 73–82.

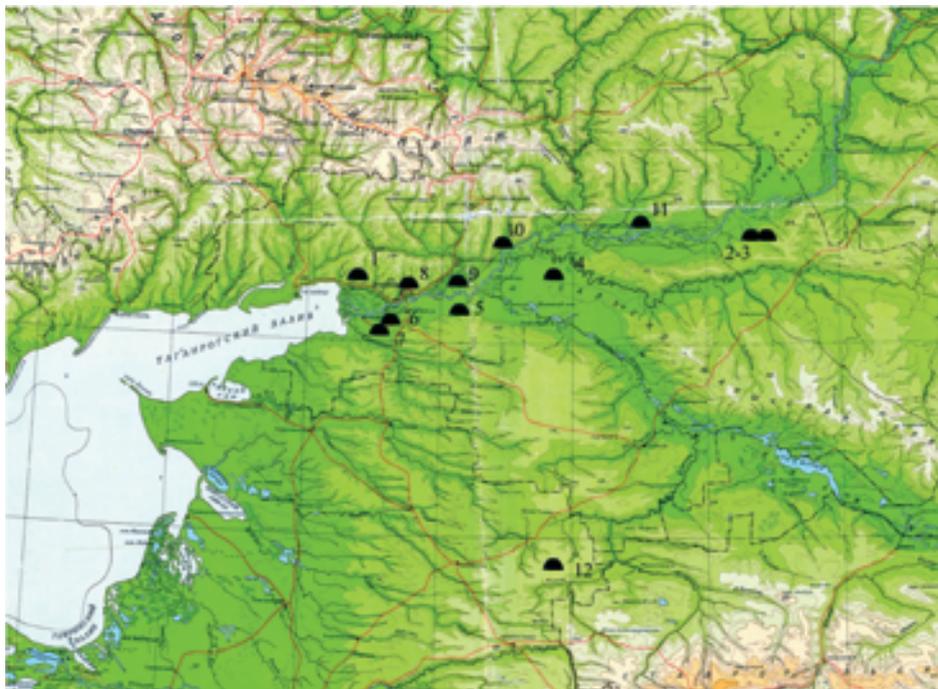
Finkelstejn G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes àmphoriques rhodiens, de 270 a 108. J.–C. environ. BAR International Series 990. (2001).

Glebov V.P., Il'jashenko S.M., Toločko I.V. Waffen aus hellenistischen Gräbern in der Nekropole von Tanais. *Eurasia Antiqua*. 2005. 11. S. 231–267.

Grace V. The Middle Stoa dated by Amphora Stamps. *Hesperia*. 1985. 54. P. 1–54.

Raev B.A. Bronze vessels of the La-Tène-Period from Sarmatia. **Akten der 10. Internationalen Tagung über Antike Bronzen.** Stuttgart, 1984. S. 347–353.

Rotroff S.I. Hellenistic pottery. Athenian and imported Wheelmade Table Ware and related material. Vol. XXIX. Princeton, 1997. (The Athenian Agora).

Рис. 1. Локализация женских погребений с оружием на Нижнем Дону в эпоху позднего эллинизма:

- 1 – некрополь Танаиса;
- 2, 3 – курганные могильники Подгорненский I и IV;
- 4 – курганный могильник Сагванский I;
- 5 – курганный могильник Алитуб;
- 6 – курганный могильник Кулешовка;
- 7 – курганный могильник Высочино V;
- 8 – курганный могильник Северо-Западный I;
- 9 – курганный могильник Западенский;
- 10 – курганный могильник Золотые Горки IV;
- 11 – курганный могильник Кастырский V;
- 12 – курганный могильник Новопалестинский I

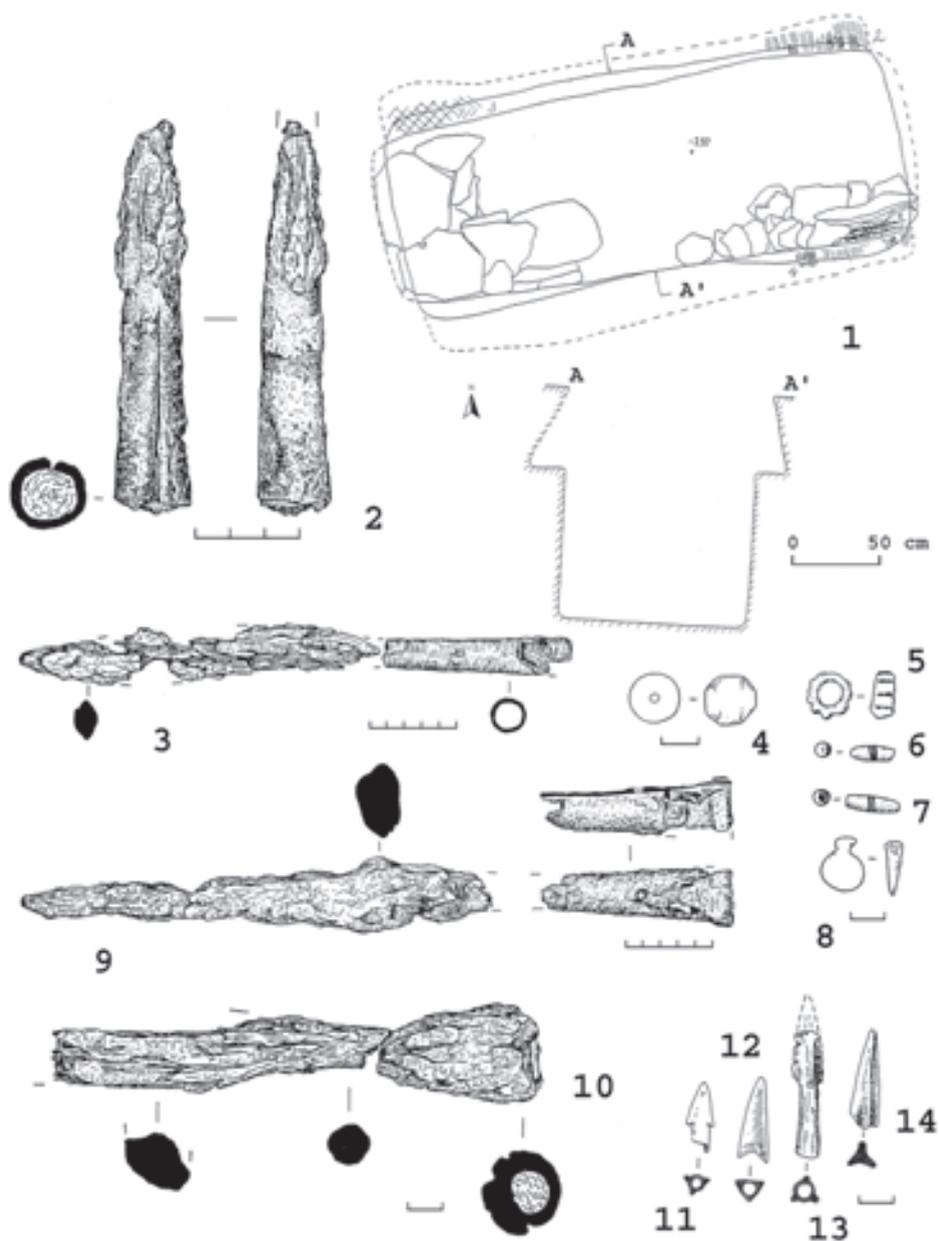

Рис. 2. Некрополь Танаиса, погребение 8/XVIII/1992, план и находки из погребения

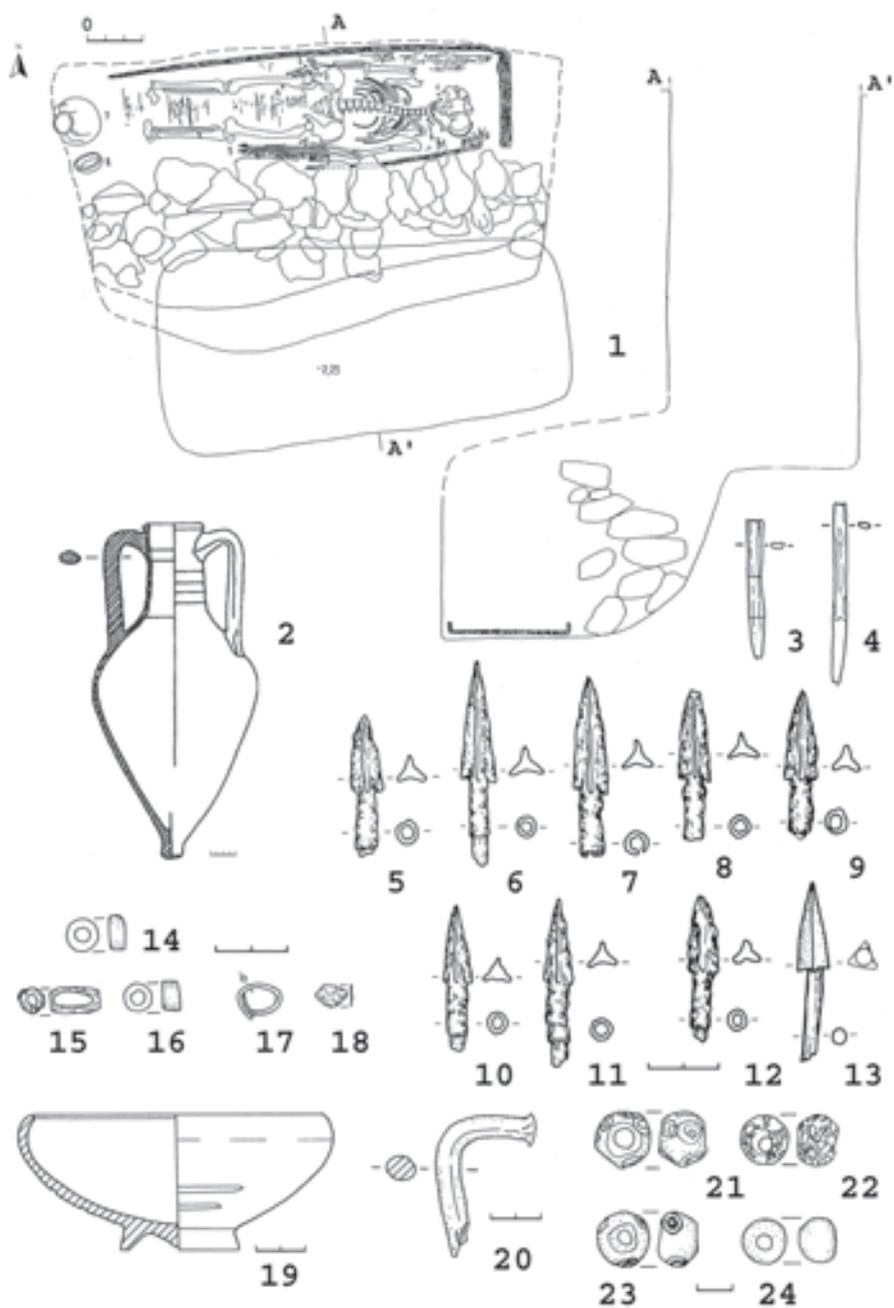

Рис. 3. Некрополь Танаиса, погребение 1/НЗ/1996, план и находки из погребения

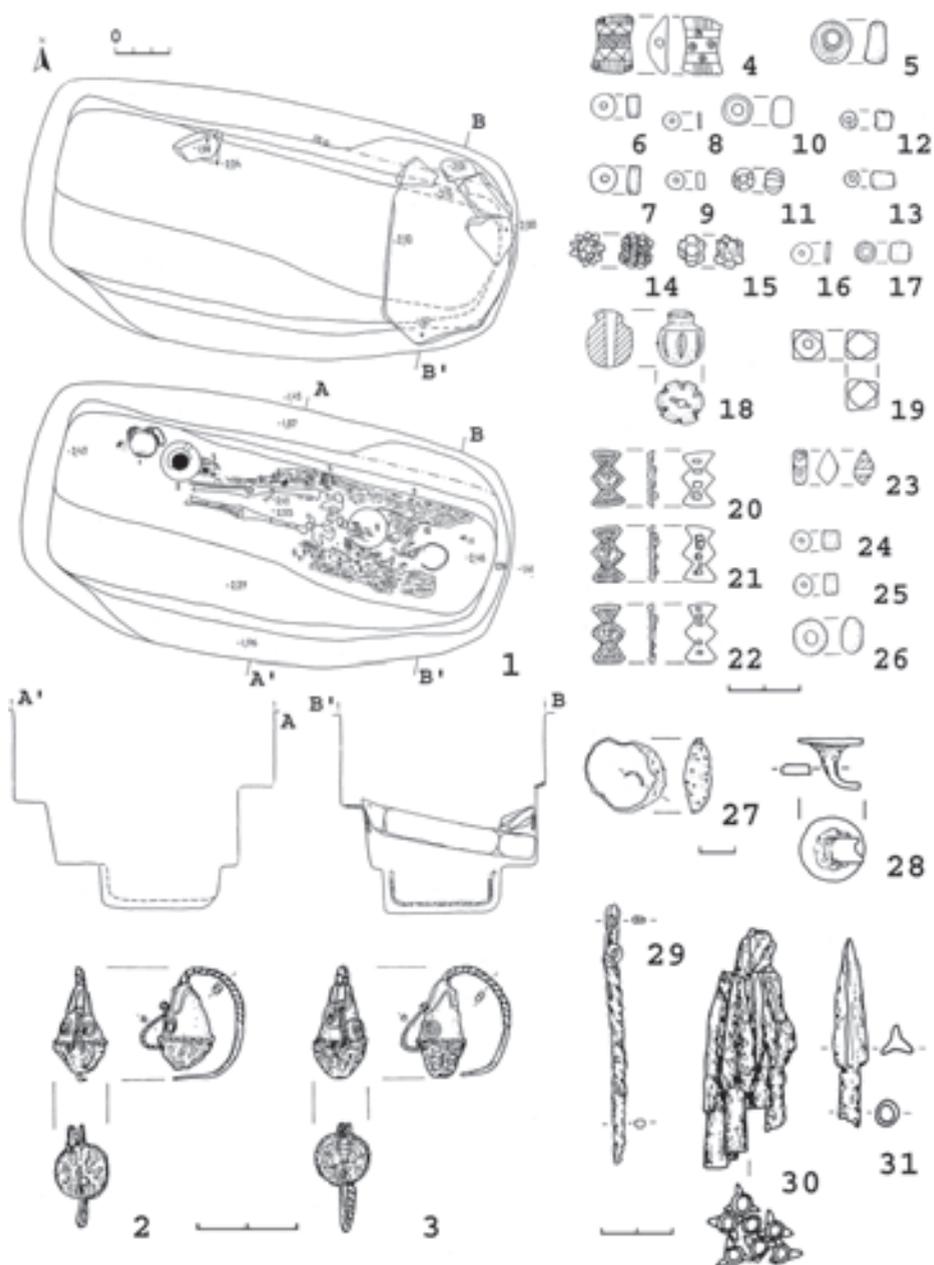

Рис. 4. Некрополь Танаиса, погребение 4/НЗ/1996,
план и находки из погребения

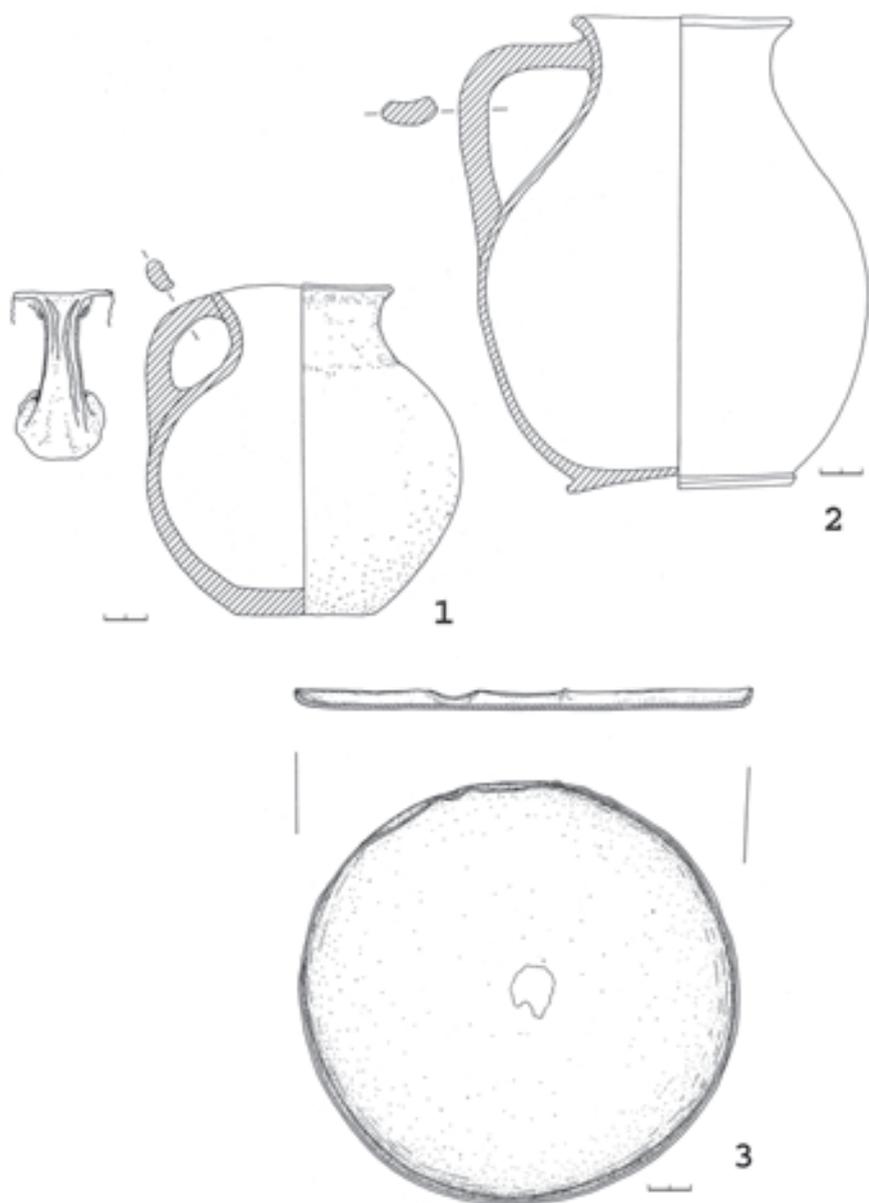

Рис. 5. Некрополь Танаиса, погребение 4/НЗ/1996, находки из погребения

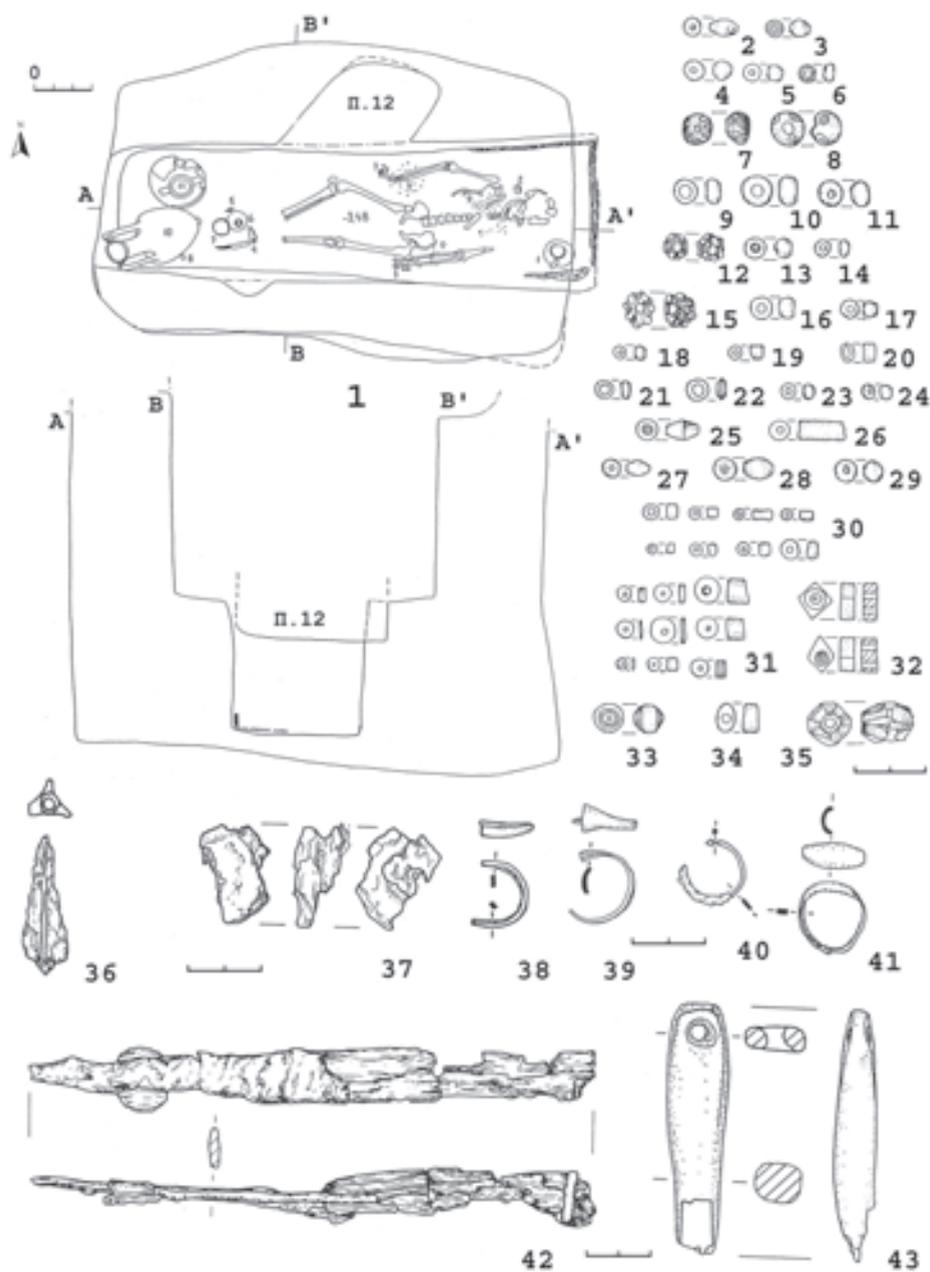

Рис. 6. Некрополь Танаиса, погребение 23/НЗ/1996,
план и находки из погребения

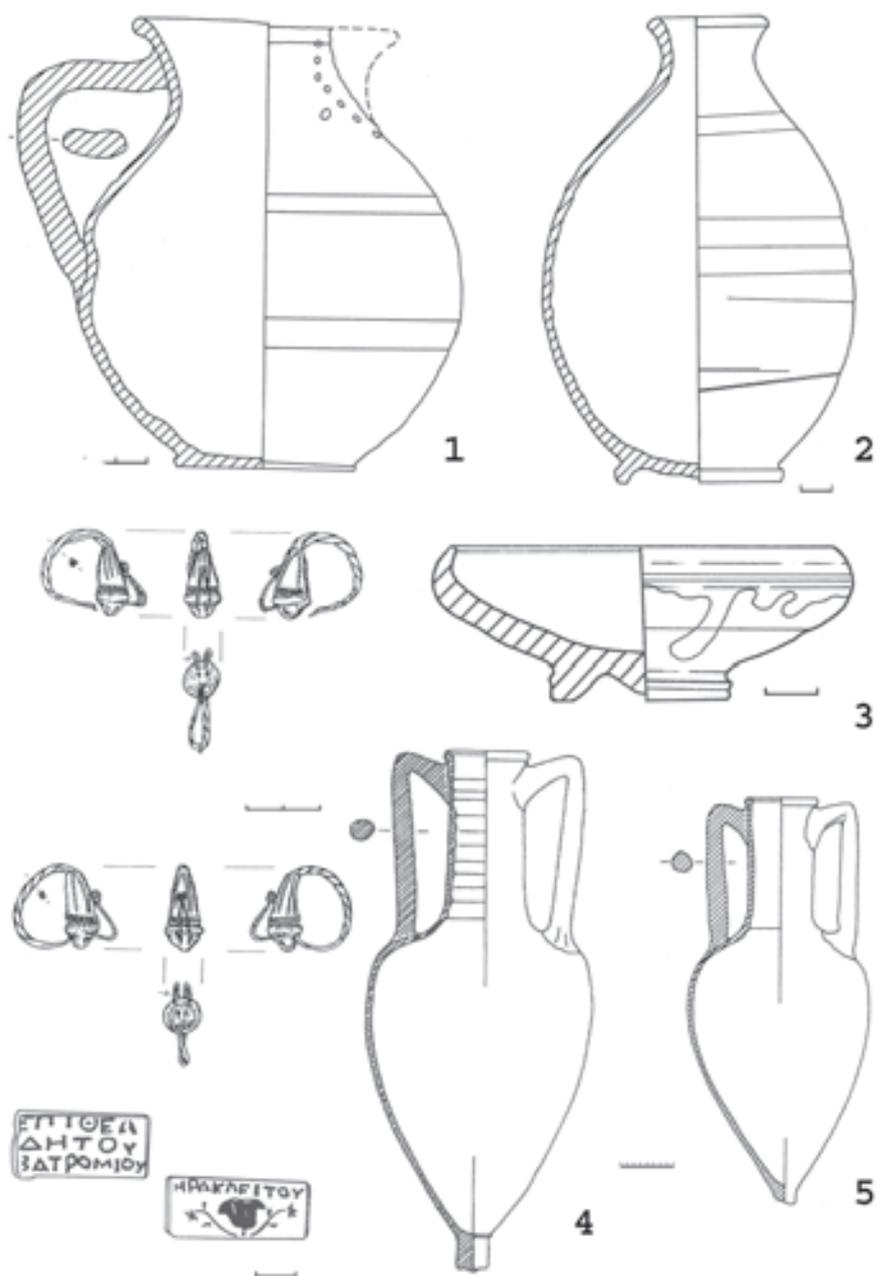

Рис. 7. Некрополь Танаиса, погребение 23/НЗ/1996, находки из погребения

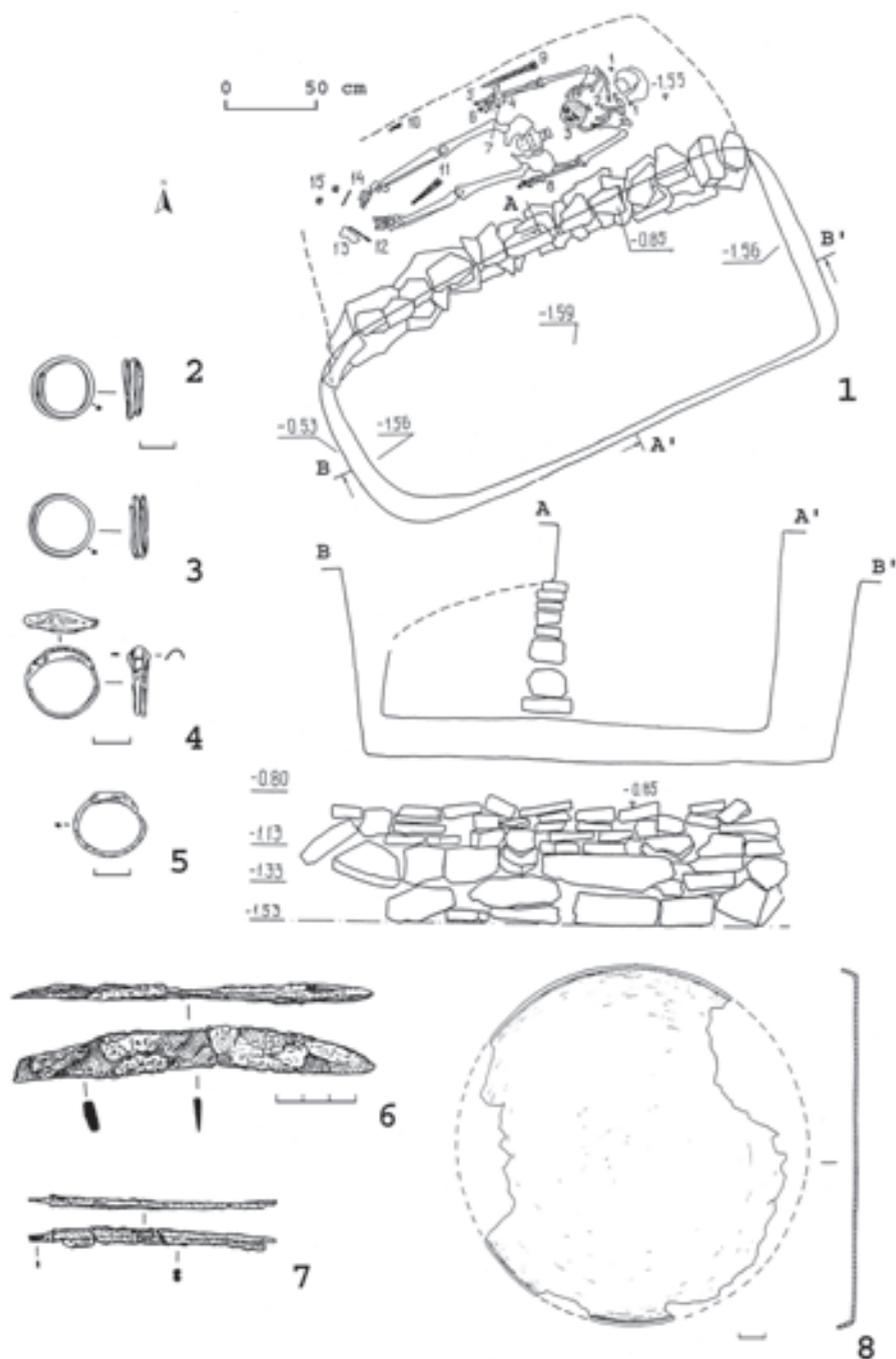

Рис. 8. Некрополь Танаиса, погребение 50/НЗ-ХVI/2002, план и находки из погребения

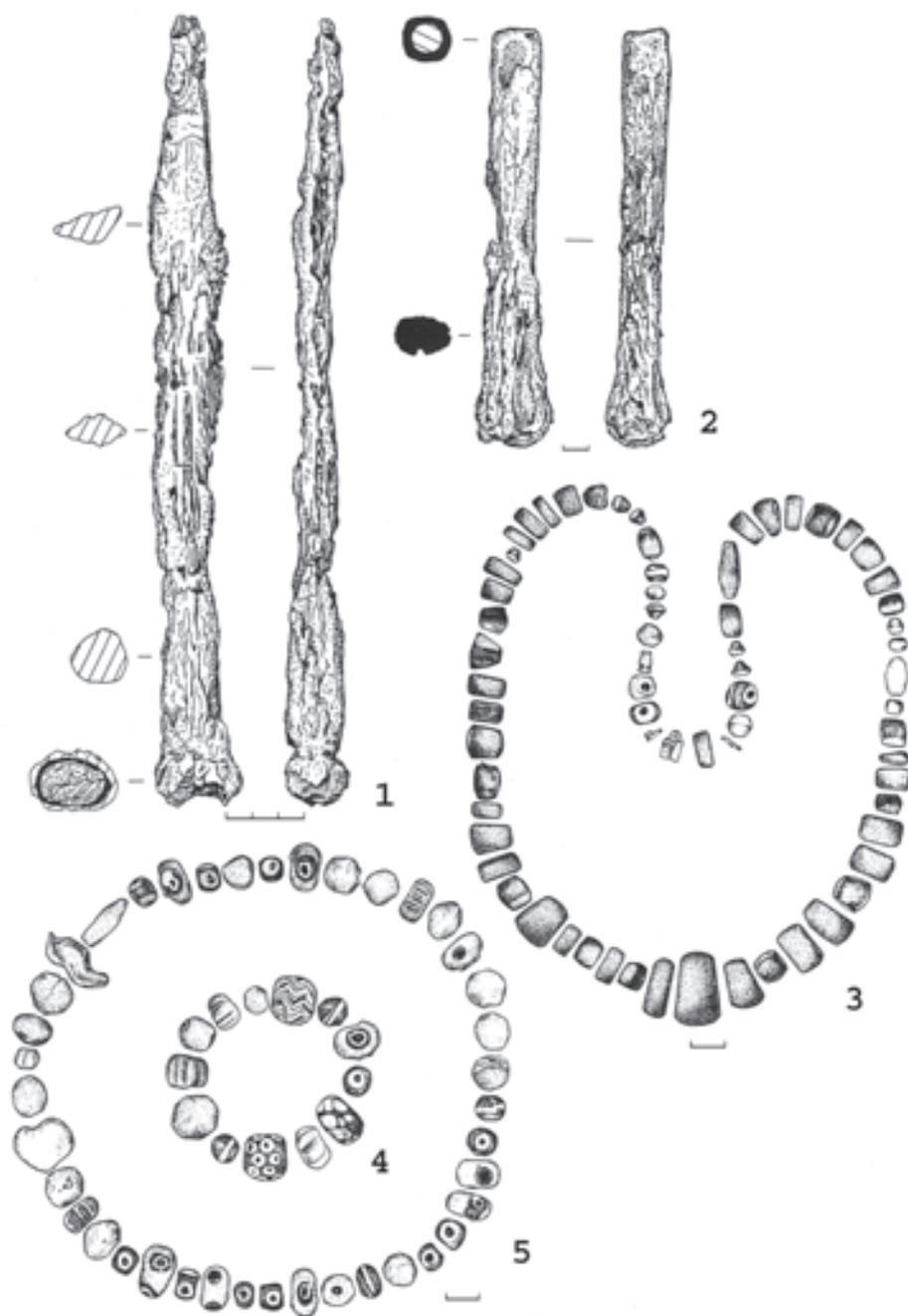

Рис. 9. Некрополь Танаиса, погребение 50/НЗ-ХVI/2002, находки из погребения

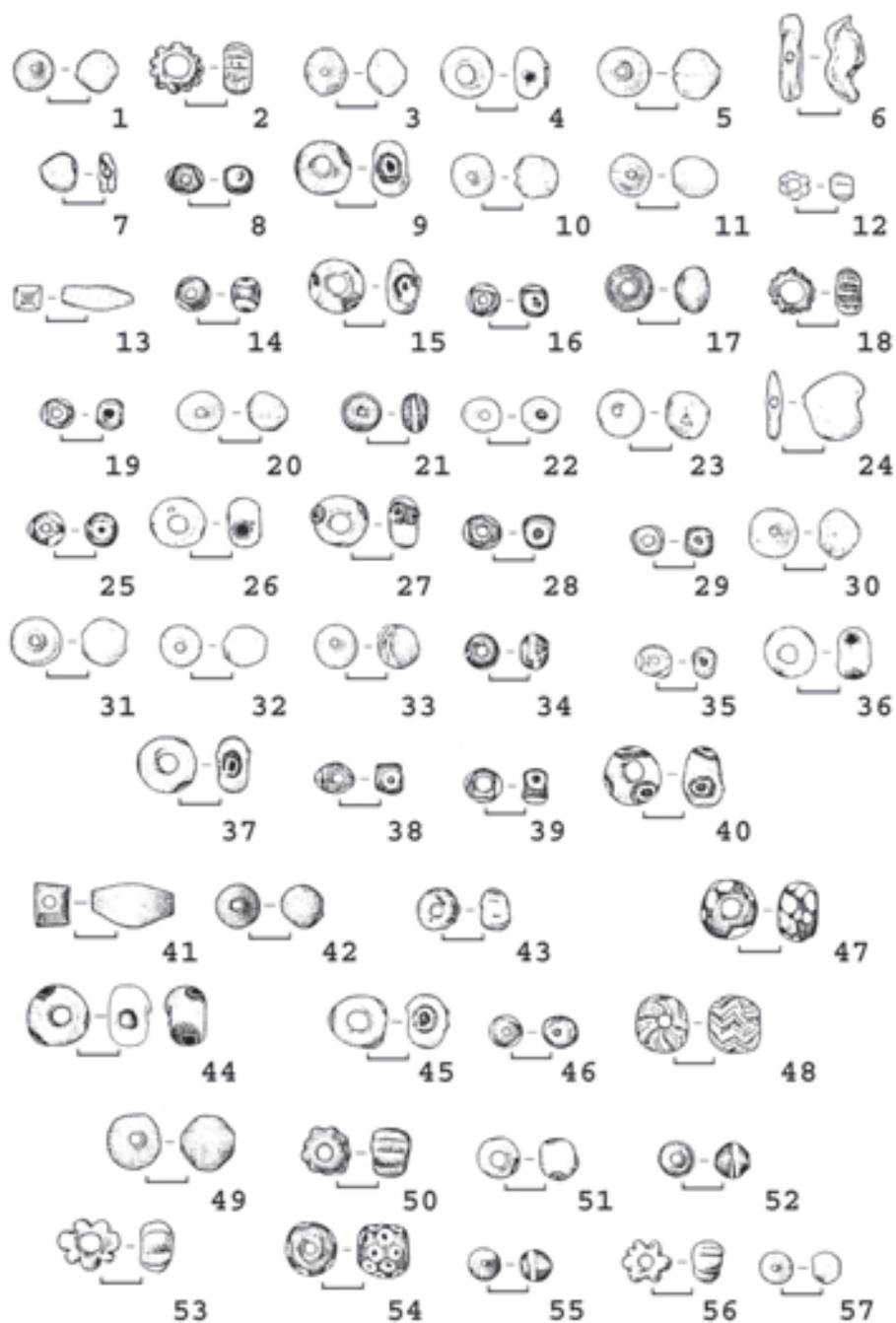

Рис. 10. Некрополь Танаиса, погребение 50/НЗ-ХVI/2002, находки из погребения

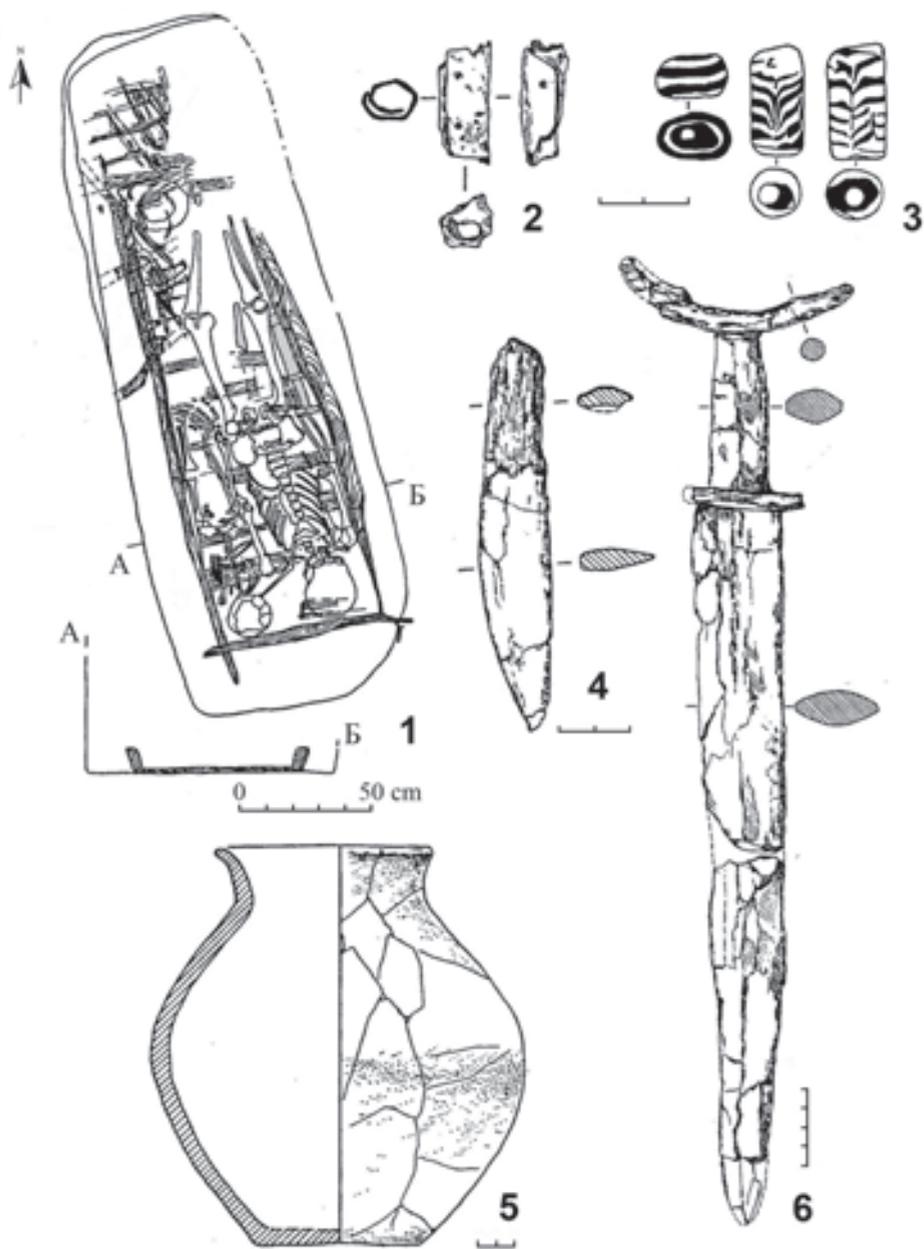

Рис. 11. Курганный могильник Северо-Западный I, курган 8, погребение 8, план и находки из погребения

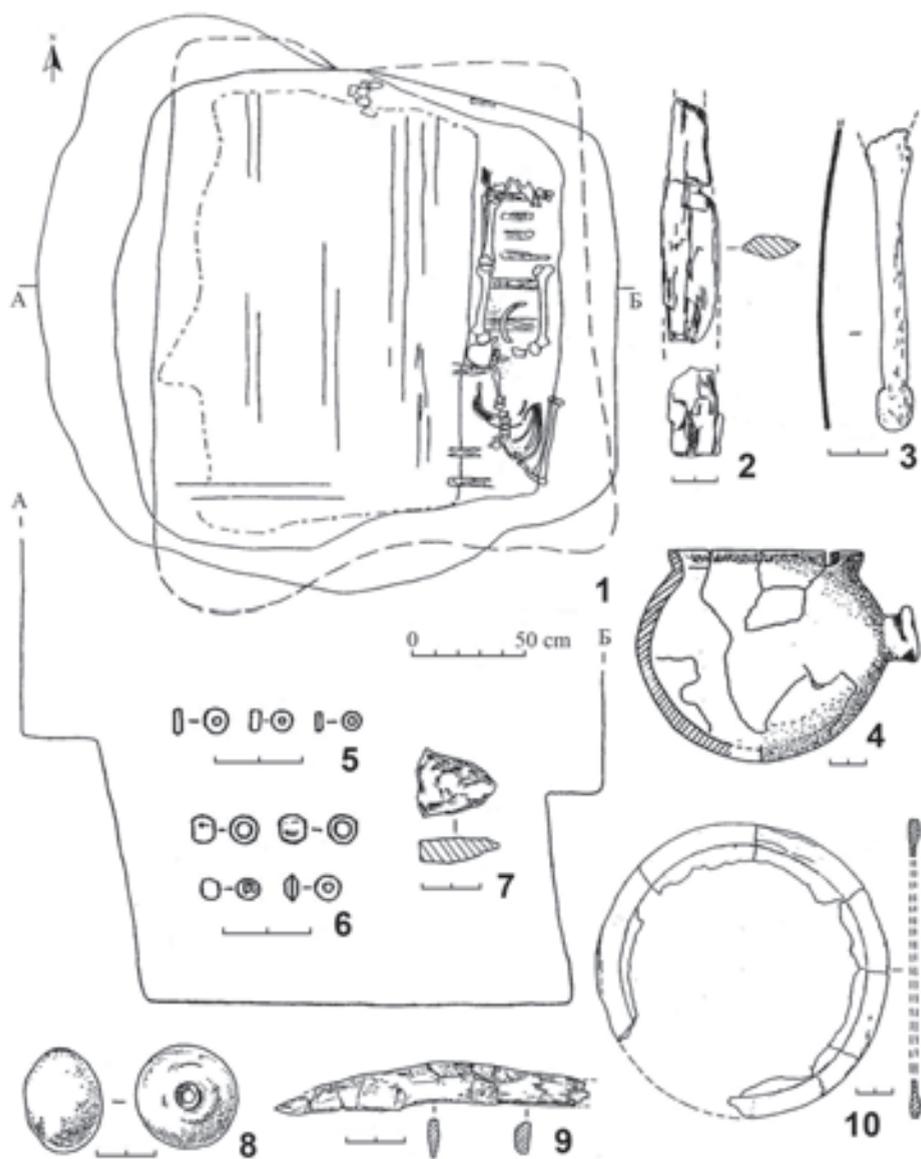

Рис. 12. Курганный могильник Подгорненский I, курган 1, погребение 14, план и находки из погребения

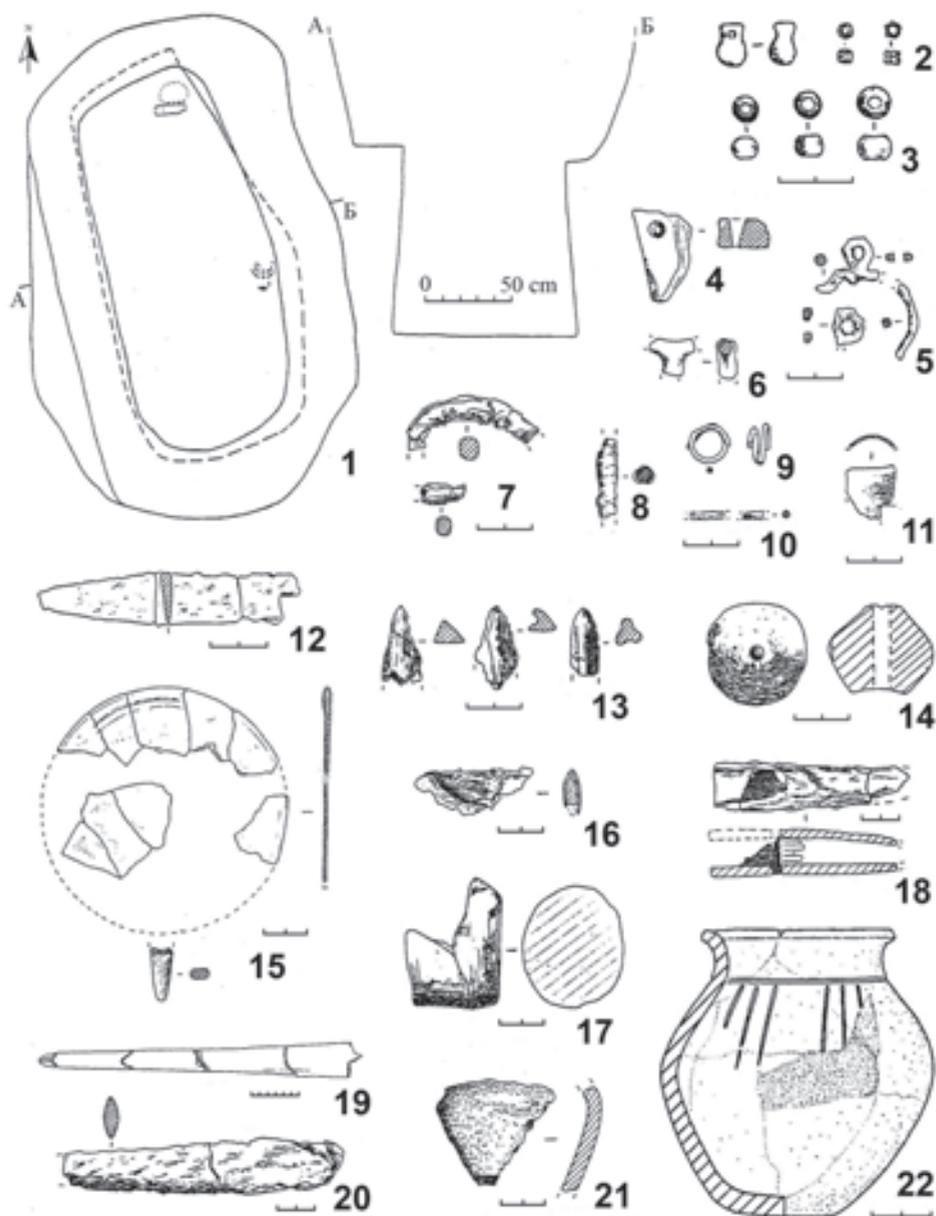
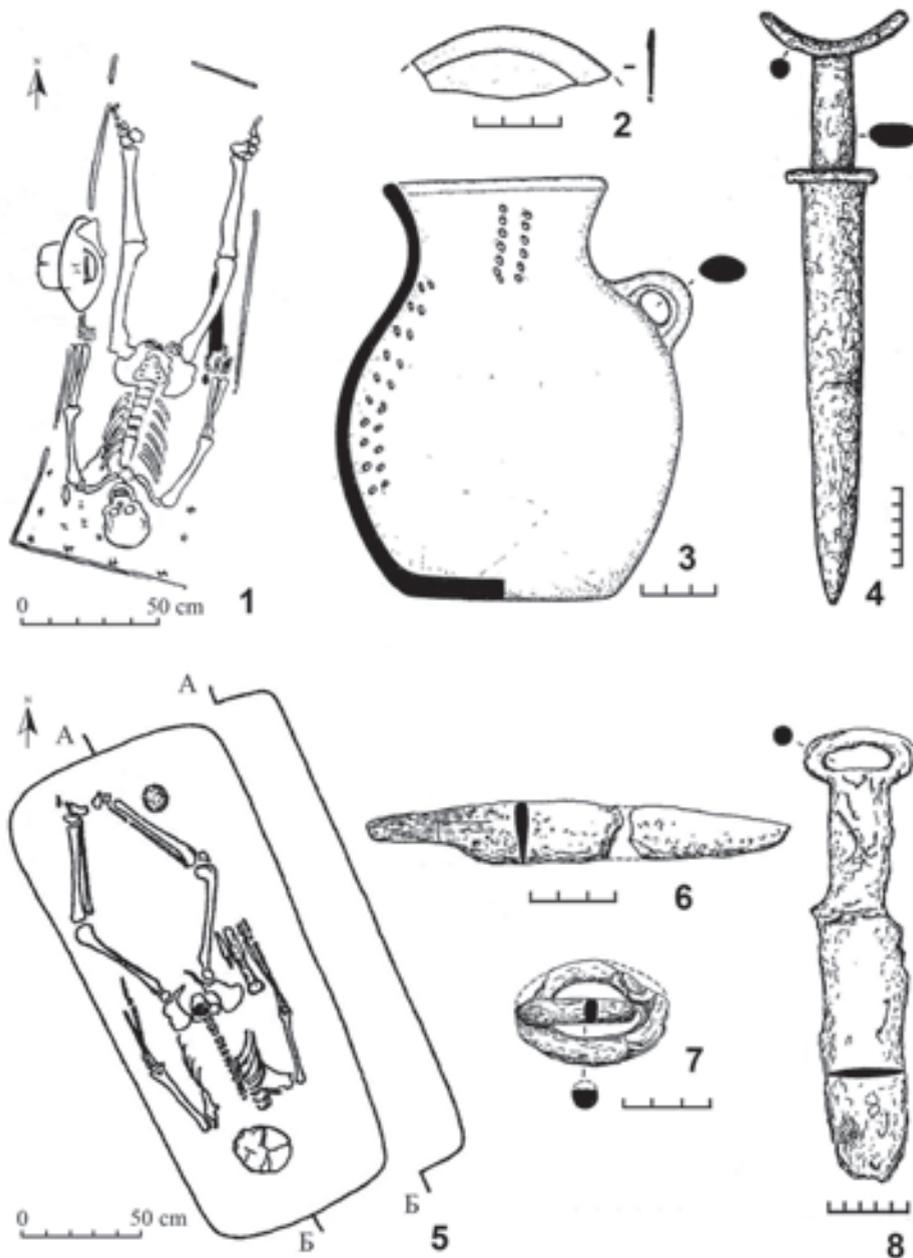

Рис. 13. Курганный могильник Подгорненский IV, курган 6, погребение 7, план и находки из погребения

Рис. 14. Курганный могильник Высочино V, курган 2, погребение 1, план и находки из погребения (1-4); курганный могильник Западенский, курган 1, погребение 13, план и находки из погребения (5-8)

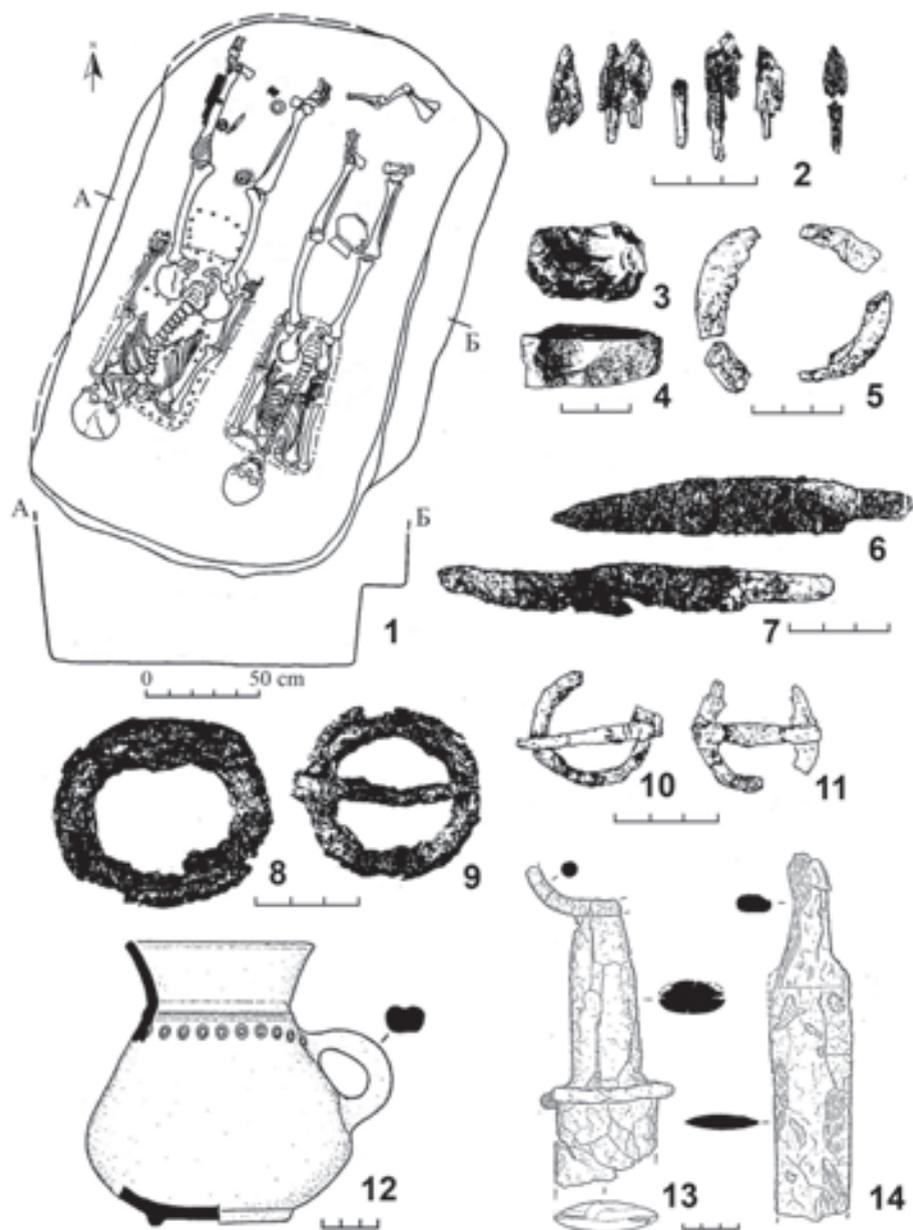

Рис. 15. Курганный могильник Кастырский V, курган 3, погребение 3, план и находки из погребения

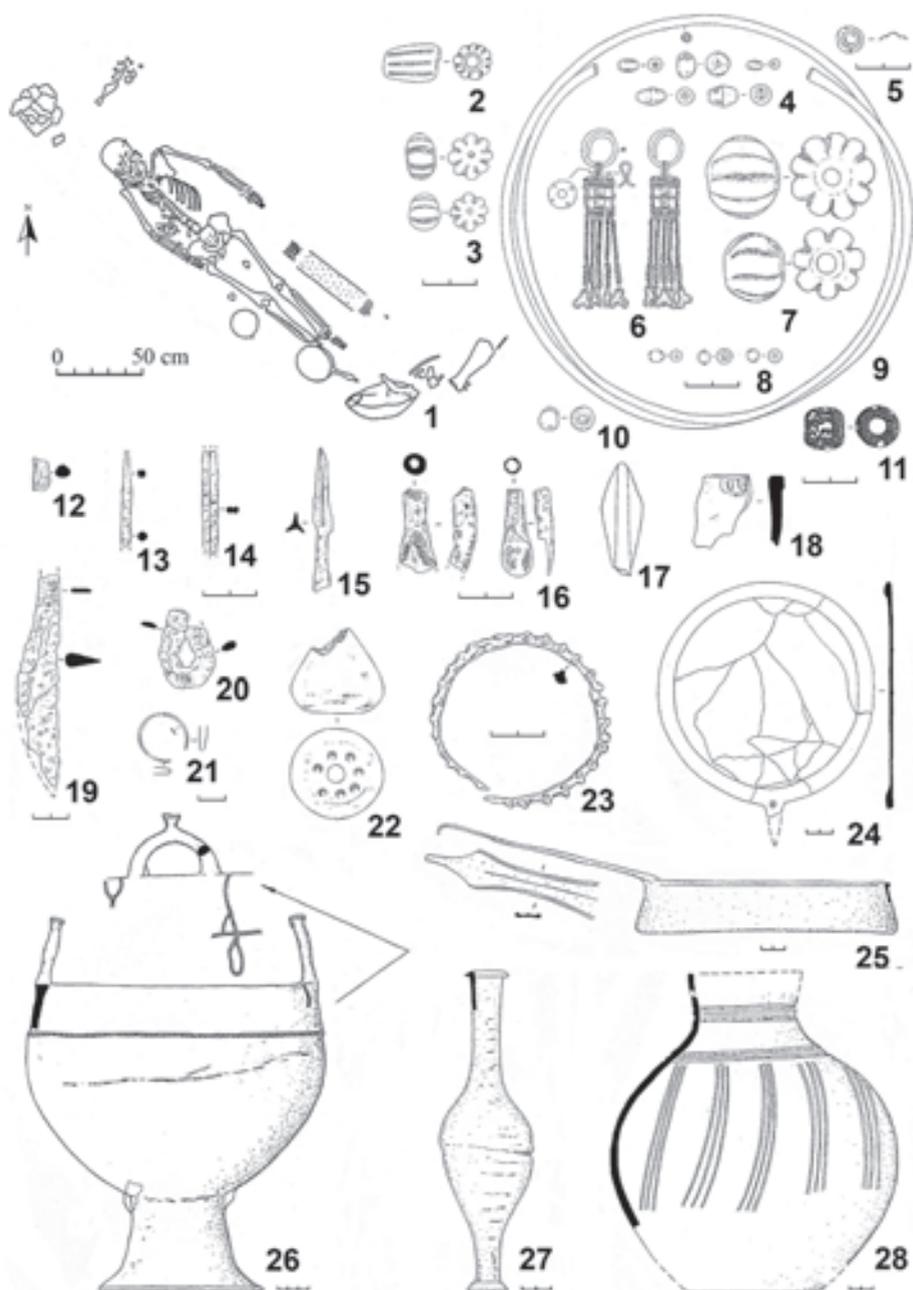

Рис. 16. Курганный могильник Алитуб, курган 3 («Крестовый»), погребение 20, план и находки из погребения

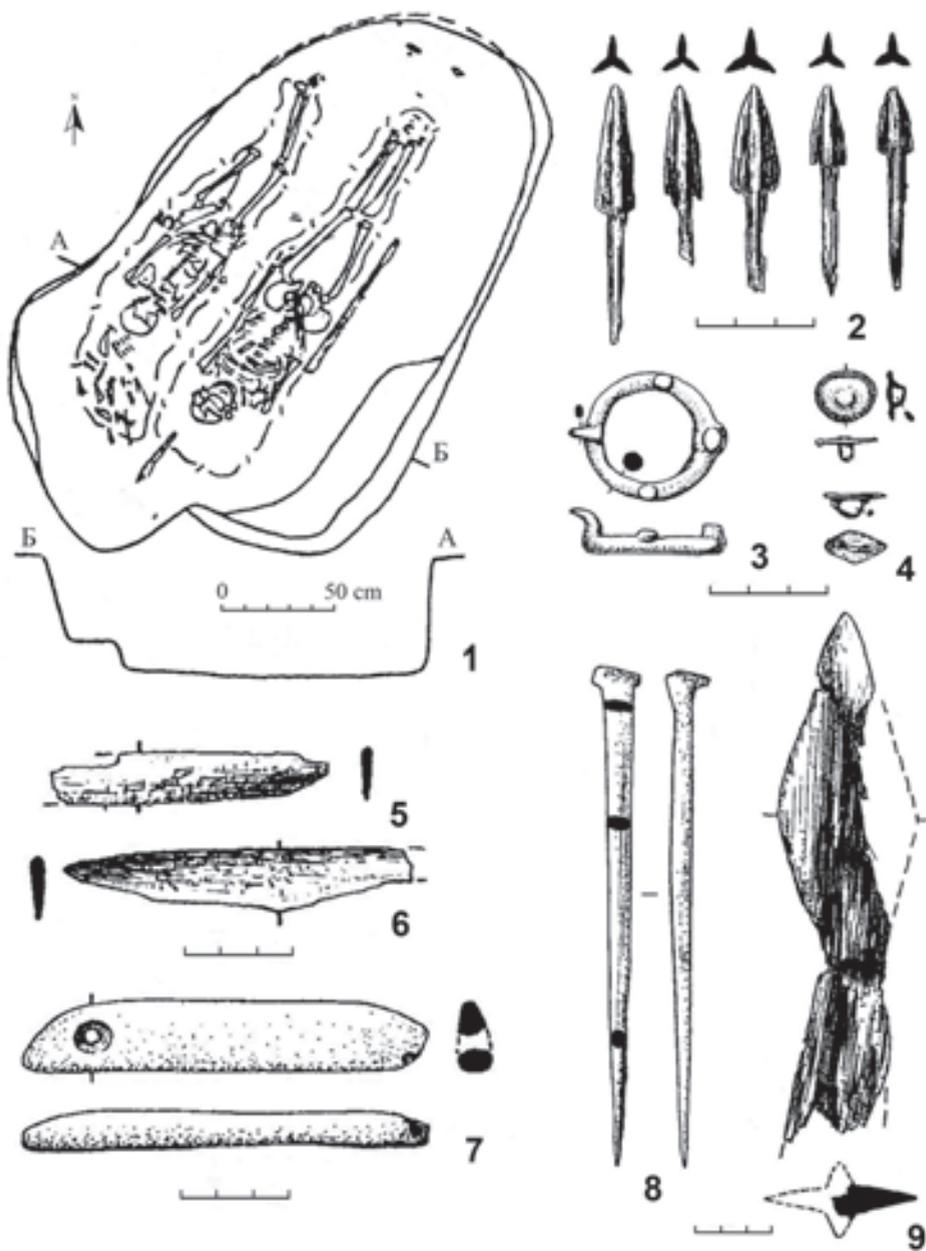

Рис. 17. Курганный могильник Золотые Горки IV, курган 9, погребение 3, план и находки из погребения

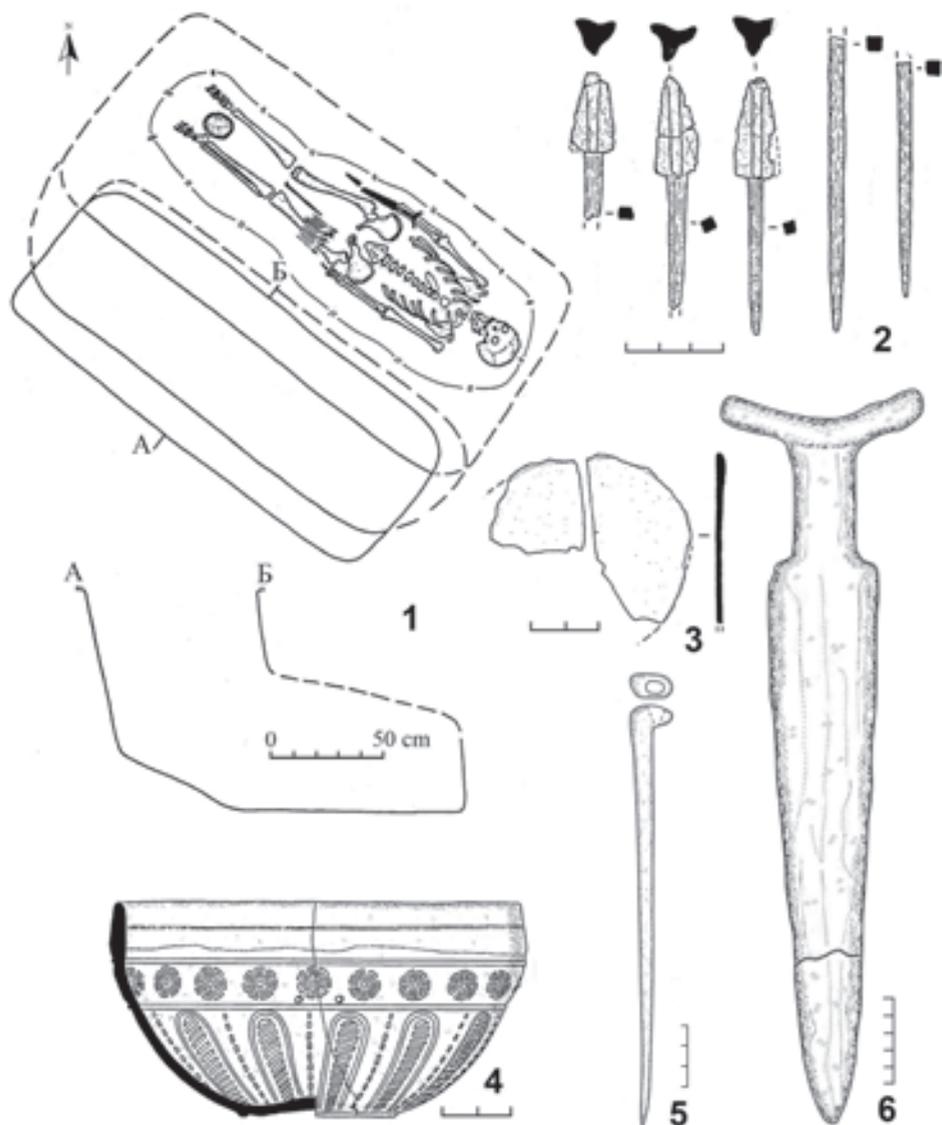

Рис. 18. Курганный могильник Кулешовка, курган 1, погребение 17, план и находки из погребения

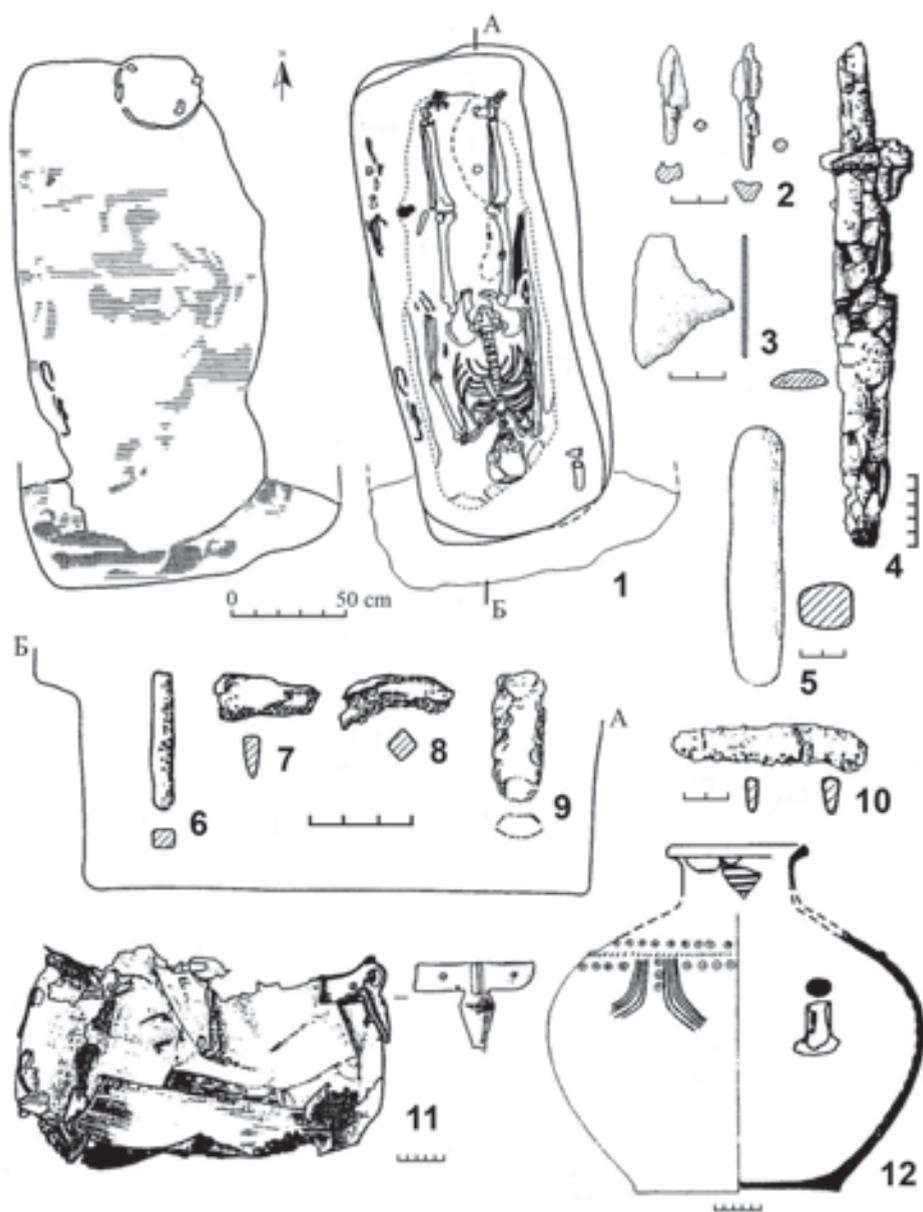

Рис. 19. Курганный могильник Сагванский I, курган 12, погребение 2, план и находки из погребения

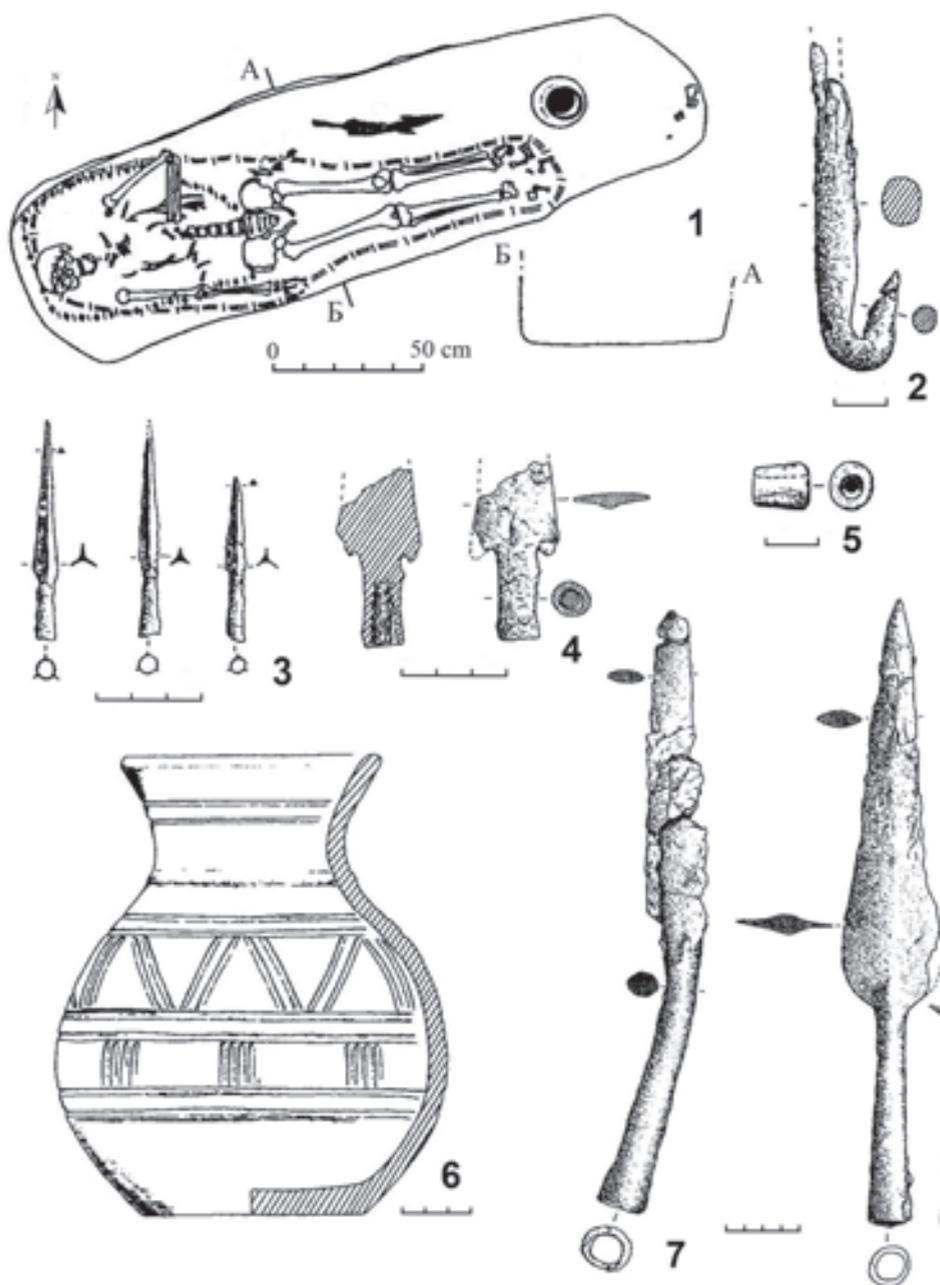

Рис. 20. Курганный могильник Новопалестинский I, курган 1, погребение 2, план и находки

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В КРЕПОСТНОМ ГОРОДИЩЕ И НЕКРОПОЛЕ В г. АЗОВЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А. ГОРБЕНКО,
В.М. КОСЯНЕНКО

В статье представлены новые находки из некрополя Крепостного городища, среди которых фибулы, фрагмент льняной и хлопковой ткани, зеркало-подвеска, несколько предметов со следами обрядового умерщвления вещи. Любопытны находки керамики и бус. На территории некрополя встречены остатки ритуальных площадок со следами сакральных действий, напоминающие аналогичные конструкции у меотов Прикубанья, что подтверждает устойчивую связь этой группы отделившихся меотов с метрополией.

Ключевые слова: Крепостное городище и могильник, новые находки, фибулы, ткань, колокольчики, керамика, сакральные площадки, меоты.

Крепостное городище находится в центре города Азова Ростовской области. На рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. на этом высоком берегу Дона переселенцы с Кубани – меоты – основали свое поселение Паниардис, которое просуществовало до 70-х годов II в. н. э. История исследования памятника началась в XVIII–XIX вв. в связи с поисками древнего города Танаис. Интерес к античным памятникам Азова то затухал, то возникал вновь. Наиболее интересные исследования начались в 60-е годы XX в., после создания в городе краеведческого музея. Результаты работ позволили издать в 2011 г. монографию «Некрополь Паниардиса» [Горбенко, Косяненко, 2011, с. 1–507].

За последние годы накопились новые артефакты, полученные в результате раскопок памятника.

Одним из интересных открытий 2011 г. стала бронзовая фибула II в. н. э., на которой сохранился фрагмент ткани (рис. 1, 1, 3). Текстиль – редкая находка, поэтому был проведен анализ. Оказалось, что пряжа ткани состоит из натуральных лубяных волокон льна с добавлением волокон хлопка. Ткань выполнена в технике полотняного переплетения нитей основы и утка. Нити слабой крутки, толщиной 0,8–0,9 мм. Цвет не сохранился. Скорее всего, ткань импортная и могла попасть на Дон в результате торговых связей.

Бронзовых фибул в некрополе Крепостного городища найдено немало. Но каждый год дает новые открытия. Остановимся на фибуле, в изготовлении

и украшении которой использовались разные металлы (рис. 1, 4). Фibuла редкой формы, близка к группе шарнирных, дуговидных фибул I в. н. э. [Амброз, 1966, с. 26]. Фibuла темно-коричневого цвета, дужка украшена вдавленными кружками, плакированными желтой латуной «под золото». О существовании аналогичных изделий нам не известно.

Еще одна из найденных фибул представлена в отремонтированном виде. Она имеет проволочную спинку, подвязанный приемник и четырехвитковую пружину. Дата – вторая половина I в. н. э. – II в. н. э. [Косяненко, 2008, с. 98–100]. В древности у фибулы отломалась нижняя часть приемника, тогда же в расширенной части дужки сделали отверстие и вставили иглу (рис. 1, 5). В таком виде фибула оказалась в культурном слое. Подобный ремонт фибулы мы встречаем впервые. Вторичное использование фибулы было открыто в 2014 г. (рис. 1, 2). Дужку фибулы типа «авциссы» согнули пополам. Иголку, край которой обломился в древности, вновь заточили, согнули в петлю и, видимо, в качестве подвески продолжали использовать. Изготовление из поломанной фибулы нового изделия встречается впервые. Известно, что фибулы иногда украшались дополнительными подвесками. Возможно, переделанная фибула именно для этого и использовалась.

Редкой находкой является зеркало-подвеска, выполненное из очень хорошего качества пластины (рис. 1, 7). Относится оно к I в. н. э. Орнаментальная схема: круги, в центре коническая выпуклость и между ними изогнутая в виде треугольников выпуклая линия. Рисунок известный, но на нашем экземпляре ряд треугольников обрывается посередине круга, а затем изображение каких-то ломанных округлых линий. Возможно, это является браком.

Интересна находка в одном погребении нескольких предметов со следами «умерщвления». Состав следующий: кубышка с отбитым горлом, обломок зеркала с петлей, часть колокольчика с петлей, бронзовая собачка с отверстием и отбитыми частично лапами (рис. 2, 1–5). Отдельно специально поломанные предметы встречались в комплексах и раньше, но тут удивляет их количество.

В 2014 г. в могильнике нашли подвески в виде двойных ведерок, в форме додекаэдра и топора. Бронзовые двойные ведерки в качестве украшений-амулетов встречаются в памятниках Северного Причерноморья, в том числе на Дону и Кубани, а также на Северном Кавказе. Но обычно они очень маленького размера. Найденные в 2014 г. в некрополе Крепостного городища (рис. 1, 6) превосходят прежние находки по размерам: 2,6 × 1,7 см. Выполнены они из металлического листа, согнутого в форме двух цилиндров с пуансонным орнаментом. Цилиндрики связаны «ушком» из проволоки. Редкая находка – украшение в форме додекаэдра, подвеска ажурная с шишечками и круглой петелькой для подвешивания. Такие украшения встречаются, но крайне редко.

В одном из погребений среди разнообразных бус была обнаружена подвеска в форме топорика, выполненная из гешира. Размеры ее 5,0 × 3,5 см.

Украшение копирует по форме проушный, клиновидный топорик. Ареал таких изделий широк. Наша – отличается большим размером. Подобные изделия наделялись магической силой и служили оберегами. В комплексе с гешировым топориком найдены и другие предметы, наделяемые охранительными функциями: смола, обломки меловой статуэтки женщины, бронзовый колокольчик, додекаэдр и двойные ведерки.

Впервые встречены заготовки подвесок из позвонков осетра. Кости обточены снаружи, а в центре изделия просверлено круглое отверстие. Аналогия найдена на Темерницком городище [Жеребилов, 2010, с. 167]. Возможно, они служили в качестве амулетов.

В 2014 г. в некрополе открыты сероглиняные гончарные кувшины с ручкой-сливом. Их на меотской территории Дона, Кубани немного, есть они и на Кавказе. Кувшины имеют разную форму, но объединяет их необычная ручка (рис. 2, 6, 7). В донских поселениях они датируются I в. до н. э. – I в. н. э.

Помимо погребений в некрополе Крепостного городища были обнаружены ритуальные площадки (рис. 2, 8). Одни имеют аморфную форму и отличаются обилием разбитых амфор и костей животных. Другие – круглой формы обрамлены неглубоким ровиком, концы которого не сходятся, таким образом образуя вход на внутреннюю территорию. Основные находки в пределах таких комплексов – фрагменты амфор и костей животных. Иногда встречаются отдельные предметы сакрального значения: колокольчики, кувшин с зооморфной ручкой.

Подобные способы «задабривания богов» с возлиянием вина и жертвами животных встречаются на Кавказе, в Прикубанье. Наличие общих сооружений-святилищ в виде кругов с ровиками еще раз подчеркивают, что кубанские меоты, переселившиеся на Дон, не теряли духовно-религиозной связи со своей родиной. Раскопки Крепостного городища и некрополя продолжаются.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.) // Археология СССР. Свод археологических источников / под общ. ред. акад. Б.А. Рыбакова. Д1–30. М.: Наука, 1966. 140 с.

Горбенко А.А., Косяненко В.М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) // Донские древности. Вып. 11. Азов, 2011. С. 511.

Косяненко В.М. Некрополь Кобяковского городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // Донские древности. Вып. 9. Азов, 2008. С. 541.

Жеребилов С.Е. Итоги работ 2008 года на Темерницком городище // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Вып. 2. № 4. Азов, 2010. С. 161–168.

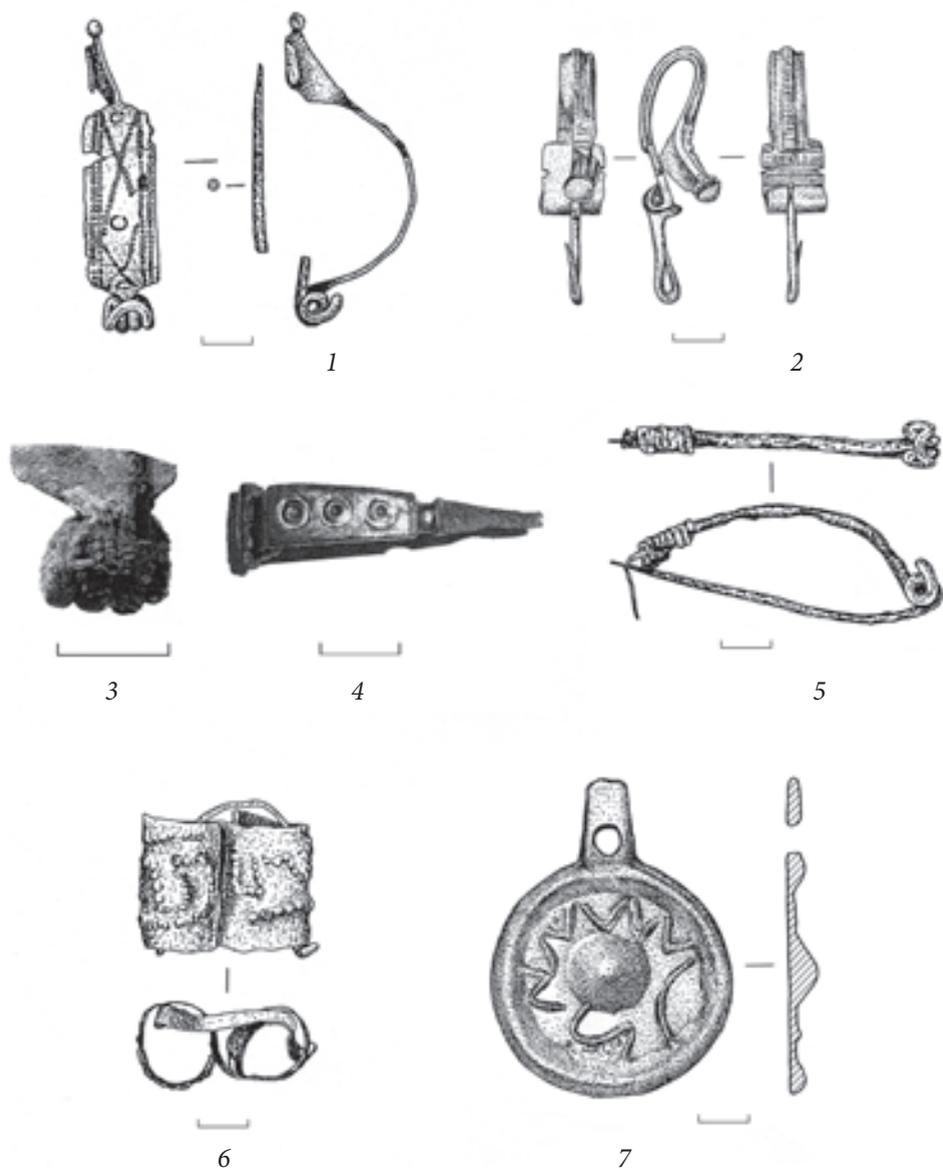
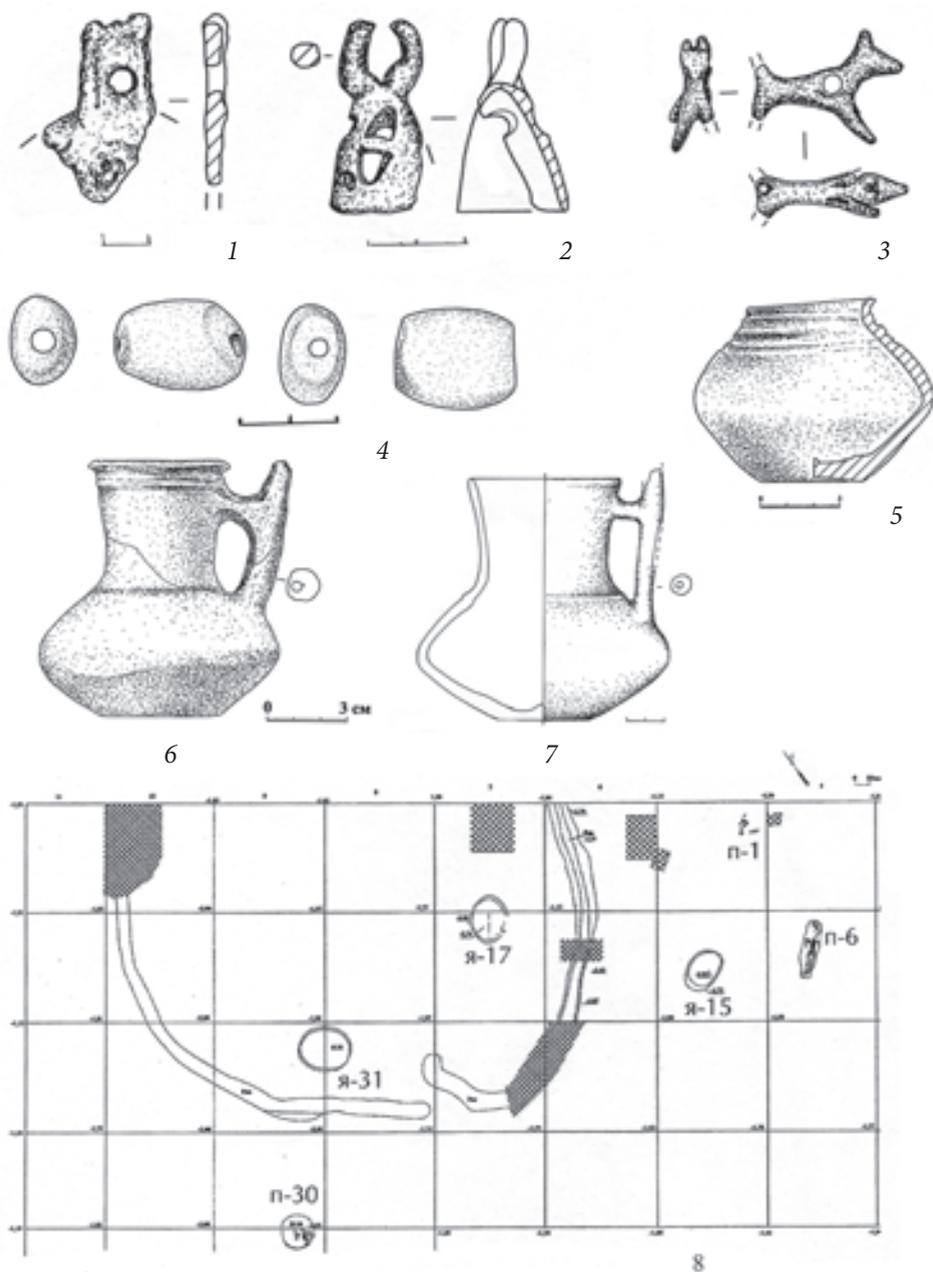

Рис. 1. Некрополь Крепостного городища:
1-5 – фибулы; 6 – подвеска; 7 – зеркало

Рис. 2. Некрополь Крепостного городища:
1-4 – украшения; 5-7 – сероглиняные сосуды; 8 – ров с ритуальной площадкой

Статья посвящена стилистическим особенностям декора на фаларах из Яшкуля. Как показало исследование, фалары принадлежат к группе украшений конской упряжи эллинистической эпохи II–I вв. до н. э., которые по своим стилистическим и техническим особенностям отличаются от подобных скифо-сарматских изделий. Одним из специфических признаков декора эллинистических находок является присутствие точечного орнамента и штриховки из мелких черточек, заполняющих фигуры и фон. Этот изобразительный прием не характерен для звериного стиля кочевников Евразии. Отдельные случаи, как правило, встречаются на предметах восточного происхождения. В этой связи знаменательно, что аналогичный стилистический признак фиксируется в изображениях на сасанидском серебре VI–VII вв. н. э.

Ключевые слова: фалары, точечный орнамент, штриховка, техника чеканки, изобразительный прием, миграция, Восток, сасаниды.

В сарматском погребении знатного воина, в кургане могильника у поселка Яшкуль в Калмыкии были обнаружены два парных фалара. Вместе с другими вещами конской упряжи они оказались спрятанными в тайнике, устроенном в восточной стенке могилы [Otchir-Goriaeva, 2002, S. 354, Abb. 2].

Серебряные плоские круглые бляхи диаметром 18,0 см украшены с лицевой стороны рельефной декоративной композицией, в центре которой помещены фигуры животных – волка и козла, изображенные в свернувшихся позах, с вывернутой задней частью. При этом образ козла наделен фантастическими чертами – пушистым хвостом и звериными лапами. Волк изображен в профиль, на левом боку, показаны все четыре лапы, передние вытянуты перед собой, задние согнуты и повернуты назад. Голова зверя с торчащими вверх ушами хорошо моделирована и орнаментирована полосками из мелких черточек вокруг шеи, под щекой, вдоль уха и на носу. Глаз обозначен четырьмя черточками с точкой посередине. Шерсть на теле зверя передана штриховкой из поперечных рядов мелких черточек (рис. 1а). Фигура козла изображена в профиль на правом боку, голова на длинной шее показана с открытым ртом, поднятым вверх ухом, бородой и длинным с загнутым

концом рогом. Шерсть на теле козла, как и у волка, передана штриховкой. Борода показана двумя рядами волнистых линий, хвост – продольными зигзагообразными и на конце группой петлевидных линий (рис. 1б). Фигуры окружены выпуклыми венками с узором из прямых и скобковидных черточек, по краю бордюра из двух углубленных линий с расположенными между ними кружками с точкой в центре (рис. 1б) или неполными кружками (рис. 1а). Как особую черту декора следует отметить заполнение фона рядами мелкой штриховки (рис. 1б) или несомкнутыми кружками (рис. 1а). Кроме того, заслуживает внимания наличие гладкой широкой полосы между бордюрами, на которой видны три пары шляпок от серебряных гвоздей, при помощи последних крепились три железные петли. Остатки их сохранились на оборотной стороне изделий. Фалары сделаны из кованого серебряного листа, рельеф выполнен чеканом с лицевой стороны, орнамент из мелких черточек и точек нанесен разного вида чеканами, а кружки и полукружки – пунсоном. Тонкие линии по краю могли быть прочерчены на токарном станке, лицевая сторона фаларов позолочена¹.

Аналогии изобразительным и техническим приемам мы находим в декоре и технике золотых и серебряных изделий эпохи эллинизма II–I вв. до н. э., в том числе и на фаларах конской упряжи с изображениями мифологических персонажей, разного вида животных, фантастических зооморфных существ. Большинство подобных находок происходят из так называемых кладов (разрушенных погребений) – Федуловского, Северского, Старобельского, Янчокракского, Таганрогского, находки из погребений у г. Кореновска и с. Балаклеи, обнаруженных в Северном Причерноморье и на Кубани. К ним примыкают фалары из деревни Твардицы в Молдавии, села Галиче в Болгарии, а также парные бляхи из Сибирской коллекции Петра I, из погребений у сёл Володарки в Западном Казахстане и Сидоровки в Омской области и др.² Перечисленные фалары, несмотря на одинаковое назначение и некоторые общие признаки стилистического и технического свойства, не равнозначны. Учитывая их индивидуальные особенности, можно выделить два варианта. Первый вариант представлен фаларами из восточных областей Сибири, Казахстана и Поволжья, они отличаются большими размерами, особенностями композиции, например, оставленной между бордюрами широкой гладкой полосой, наличием трех петель для соединения с ремнями сбруи, а также техникой изготовления (табл. 1).

¹ Технические особенности даны на основании описания М. Очир-Горяевой и аналогий (см. табл. 1).

² Фалары эллинистической эпохи не являются предметом моего специального исследования, а привлекаются лишь в качестве аналогий для определения происхождения и даты яшкульских изделий, поэтому список находок этого типа ограничен и представлен лишь наиболее яркими образцами.

Ярким примером таких изделий является пара фаларов из Сибирской коллекции Петра I (табл. 1а)¹. Они характеризуются оригинальным декором, центральную часть которого занимает фигура идущего слона с башенкой на спине, в которой помещены два воина, вооруженные копьями. Один из них с непокрытой головой, другой – в шлеме. Композицию обрамляет венок, разделенный на пять не равных по длине частей пятью «лентами» разной величины. Ленты украшены узором из мелких кружочков, обрамленных с двух сторон волнообразными линиями. Поверхность венка, между лентами, покрыта орнаментом из поперечных зигзагообразных линий. По внешнему краю – ободок из двух тонких линий, между которыми расположен ряд мелких кружочков. Фигура слона сплошь покрыта точечным орнаментом. Под ногами слона показана почва в виде выпуклости, орнаментированной поперечными линиями. Правый бивень животного был сделан отдельно и затем вставлен в специально оставленное отверстие. На гладкой плоскости (между венком и бордюром) расположены три пары серебряных шляпок от гвоздей, при помощи которых к фаларам на оборотной стороне прикреплены три петли для соединения с ремнями конской сбруи. Фалары изготовлены из ковального серебряного листа. Центральное изображение и обрамляющий его выпуклый веночек исполнены в технике чеканки с лицевой и частично с оборотной стороны по предварительной разметке. Тонкие линии внешнего бордюра прочерчены на токарном станке, точечный орнамент, узоры на венке и черточки на почве нанесены чеканом, кружочки – пунсоном. Фигура гиппокампа на чепраке и «волна» резные. Толстый слой позолоты, особенно на фигуре слона, нанесен способом горячего золочения, а не «наложенными листочками», как предполагала К.В. Тревер [1940, с. 46]².

Вторую пару фаларов 1-го варианта составляют не менее уникальные изделия из с. Володарки (табл. 1б). На них изображена борьба легендарного греческого героя Беллерофонта с огнедышащей трехликой Химерой. Сцену окружает веночек из схематичных листьев лавра, разделенный на равные четыре части орнаментальными лентами, расположенными друг напротив друга. При этом каждая пара лент украшена особым узором. По краю фаларов – бордюр, состоящий из двух углубленных линий и ряда кружочков между ними. Одной из стилистических особенностей декора является наличие точечного орнамен-

¹ Приношу глубокую благодарность М.М. Дандамаевой, ученому секретарю Государственного Эрмитажа, хранителю древностей из коллекций Отдела Востока за предоставленную мне возможность ознакомиться подробно с этими фаларами и другими аналогичными находками из Новоузенска и Старобельского клада.

² Технические особенности фаларов были определены специалистами по металлопластике научными сотрудниками Отдела археологии Эрмитажа Р.С. Минасяном и Е.А. Шаблавиной. Выражаю моим коллегам также глубокую благодарность за любезно предоставленные мне сведения о способе изготовления как этих фаларов, так и фаларов из Новоузенска и Старобельского клада, о которых речь пойдет ниже.

та (уровень земли, ленты на венке, плащ Беллерофонта) и штриховки (на теле Химеры). Между бордюрами – широкая гладкая полоса с расположенными на ней тремя парами серебряных шляпок от гвоздей, посредством которых к бляхам крепились серебряные петли. Фалары сделаны из кованого серебряного листа, сцена и венки выполнены чеканом с лицевой стороны, вероятно, по предварительной разметке. Орнамент в виде штриховки и точек наносился чеканом, кружочки – пуансоном. Линии, образующие внешний бордюр, скорее всего, по аналогии с сибирскими бляхами, были прочерчены на токарном станке, так же как и позолота была нанесена способом горячего золочения, а не листочками золотой фольги¹.

Из описания сибирских и казахстанских фаларов видно, что они относятся к одному типу сбруйных (наплечных) блях одинакового размера, конструкции и техники изготовления, а также их объединяют некоторые общие стилистические черты – четырехъярусные композиции и орнаменты из точек и кружков. Перечисленные признаки конструктивного, технического и изобразительного свойства позволяют говорить о близости этих изделий, что, скорее всего, объясняется принадлежностью их к одному хронологическому периоду, а не к одной культуре. А также вряд ли можно утверждать, что они были сделаны в одном производственном центре. Прежде всего, их разделяет происхождение сюжетов, имеющих разные источники: греческий на володарских фаларах и индо-иранский на сибирских. Особенно ярко различие проявляется в художественной передаче эллинистических венков. Один из таких классических примеров представлен на фаларах из хутора Федулова на Нижнем Дону, более упрощенный вариант – на бляхе с головой Горгоны из ст. Ахтанизовской на Кубани (рис. 2а, б). Изображения на них выполнены в ионийском стиле и, скорее всего, греческими мастерами² [Засецкая, 1965, с. 28–36; Мордвинцева, 2001, с. 162; Власова, 2009, с. 77]. Венки на володарских фаларах продолжают традиции эллинистических образцов. Он также разделен на четыре части орнаментальными лентами, однако лиственный узор превратился в сухой геометрический рисунок из ромбовидных фигур. Венки на сибирских фаларах по характеру декора далеки не только от эллинистических образцов, от кото-

¹ Фаларам из с. Володарки в российской научной литературе посвящены статьи В.И. Мордвинцевой [1996, с. 148–156] и М.Ю. Трейстера [2011, с. 90–146]. В последней – автор подробно и всесторонне анализирует содержание, стилистические и технические особенности декоративного оформления володарских фаларов. Далее, сравнивая их с фаларами из Сибирской коллекции, он справедливо отмечает в декоре тех и других не только сходство, но и различие. Кроме того, М.Ю. Трейстер поднимает вопрос о возможных центрах производства подобных фаларов, а также выступает против принадлежности их к якобы одному так называемому греко-бактрийскому стилю.

² Отметим, что в отличие от федуловских фаларов на ахтанизовской бляхе присутствует характерный для фаларов 1-го и 2-го вариантов точечный орнамент, покрывающий тела и головы змей.

рых сохранилась лишь античная традиция – перевязь венка лентами, но и от оформления венка на володарских изделиях. К.В. Тревер отмечает, что, если мастер, сделавший сибирские бляхи, хорошо знал и видел так детально изображенного им слона, то эллинистический венок ему был не знаком, и потому он передал его как «мертвую схему» [Тревер, 1940, с. 48].

К первому варианту изделий можно отнести и две пары фаларов с чеканным с лицевой стороны изображением расположенных по кругу грифонов (на мой взгляд, их неверно называют драконами). Обе пары почти идентичны, совпадая по технике, размеру, материалу, композиции, мотиву и стилю (табл. 1в, з). Несмотря на территориальную удаленность находок, создается впечатление, что они были изготовлены в одном центре и даже, возможно, в одной мастерской.

Второй вариант фаларов с изображениями мифологических сюжетов и зооморфных мотивов составляют изделия из Северного Причерноморья и Кубани (табл. 2). Имея некоторые общие признаки изобразительного и технического свойства с большими наплечными бляхами, они отличаются от последних меньшими размерами, отсутствием гладкой полосы в композиции, многообразием декоративных ободков и наличием особого изобразительного приема – заполнение фона точечным орнаментом. Отличает их и появление умбонovidной формы, например, старобельские (табл. 2д) или молдавские (рис. 2з), а также иное расположение петель, что может указывать на разное функциональное назначение. Фалары 2-го варианта сочетаются с умбонovidными бляхами, украшенными растительными мотивами и также заполняющим фон точечным или штриховым орнаментом (рис. 2е – и)¹.

Судя по сохранившимся наборам с фаларами 2-го варианта, они состояли из двух плоских блях с фигурными изображениями и нескольких выпуклых с растительным орнаментом. Сравним, например, находки у с. Янчокрак в Поднепровье, г. Таганрога на Нижнем Дону (табл. 2а – з) и с. Гиляче в Болгарии². Они, несомненно, относятся к одному типу конского убранства, бытовавшему одновременно на широкой территории.

Несколько слов следует сказать о золотом фаларе из Северского кургана, на котором изображены сцены, относящиеся к культуре Диониса и Афины (рис. 2в). Как отмечал К.Ф. Смирнов, несмотря на сюжет, основу которого составляют образы античной мифологии, это изделие отличается грубой варварской

¹ Умбонovidные фалары отличаются от плоских блях, выкованных из серебряного листа техникой формо-образования при помощи выколотки с полый литой заготовки (по определению Р.С. Минасяна). Кроме того, их отличает особый способ крепления по средствам двух узких железных полос, на что указывают четыре отверстия, расположенные на большом расстоянии друг от друга [Спицын, 1909, с. 27].

² Набор из Гиляче состоит из 14 фаларов: двух плоских с изображением бюста богини (диаметр 18,3 см) и всадника (диам. 15,5 см), остальные умбонovidные с растительным орнаментом (диам. 12,5–15,0 см). На всех фаларах фон заполнен точечным орнаментом или штриховкой [Ростовцев, 1993, с. 41].

работой и не могло быть изготовлено греческим мастером. Он предположил, что северская находка, видимо, восточного среднеазиатского происхождения и датируется второй половиной II в. до н. э. [Смирнов, 1953, с. 14–15, 32–37]. Будучи уникальным образцом древнего искусства, фалар существенно отличается по стилистическим данным от рассмотренных выше блях, представляя особую разновидность этой группы изделий. Вместе с тем наличие трех петель, размеры (диаметр 14,2 см), заполнение фона точечным рисунком, передача штриховкой шерсти пантеры сближают его с фаларами обоих вариантов. Кроме того, в Северском кургане найдена золотая обкладка с грифонами, орнаментированными точками и штриховкой (рис. 3м).

Возвращаясь к яшкульским фаларам, спросим, какое же место они должны занять в данной категории вещей? В стилистических особенностях, в конструкции и технике этих изделий присутствуют признаки фаларов первого и второго вариантов. С первыми их объединяет композиция из четырех ярусов: центрального изображения, двух бордюров и гладкой плоскости, а также наличие трех петель на оборотной стороне, – что указывает на использование их в качестве наплечных украшений сбруи (табл. 1д, е).

С фаларами 2-го варианта яшкульскую находку объединяют размеры и заполнение фона орнаментом (подобный прием не встречается на бляхах первого варианта). Но при этом фон яшкульских изделий заполнен не точками, как у фаларов 2-го варианта, а штриховкой и неполными кружками (рис. 1а, б). Что же касается других особенностей, например, передачи шерсти животных рисунком в виде точек или штриховки, то этот стилистический прием известен на фаларах обоих вариантов. Наиболее близки яшкульским персонажам володарская Химера, пантера из Старобельска, пантера и олени из находки у с. Твардицы (рис. 3ж, з, и, л).

Таким образом, фалары из Яшкуля по перечисленным выше признакам конструктивного, стилистического и технического свойства должны занять промежуточное место между изделиями двух вариантов. В связи с этим встает вопрос о времени их бытования.

Фалары 1-го варианта исследователи датируют в пределах II в. до н. э. Доказательством этому могут служить материалы погребального комплекса из кургана у с. Володарки, в котором были найдены вещи, типичные для раннесарматской культуры III–II вв. до н. э.¹ Дата фаларов со слонем – середина II в. до н. э. базируется на сходстве формы шлема одного из воинов с головным убором бактрийского царя Евкратида I, правившего в 175–155 гг. до н. э. [Тревер, 1940, с. 40; Шукин, 2001, с. 143; Трейстер, 2011, с. 101].

¹ Кинжал с серповидным навершием, зеркало большого диаметра с валиком по краю, круглодонный лепной горшок с характерным прочерченным рисунком в виде спускающихся вдоль тулова полос, золотой спиральный проволочный браслет без зооморфных фигур [Мордвинцева, 1996; Трейстер, 2011, рис. 3].

Фалары 2-го варианта датируются в рамках II–I вв. до н. э. [Смирнов, 1953, с. 40; Гущина, 1969, с. 50; Ростовцев, 1993, с. 39–56; Щукин, 2001, с. 63–78; Владова, 2009, с. 78; Rostovtzeff, 1929, p. 44; Mordvinzeva, 2001].

Что же касается яшкульских фаларов, то их дата спорна, как и дата всего погребального комплекса, который М. Очир-Горяева относит к I–II вв. н. э. [Otchir-Goriaeva, 2002, S. 353–387]. Иного мнения придерживается А.С. Скрипкин, полагая, что яшкульское погребение – памятник раннесарматской культуры II–I в. до н. э., а дата фаларов определяется временем до рубежа эр¹. Соглашаясь с А.С. Скрипкиным, мы полагаем, что фалары из Яшкуля должны датироваться началом I в. до н. э. или рубежом II–I вв. до н. э., что подтверждается их стилистическими и техническими признаками, аналогии которым мы находим в изделиях эллинистической эпохи II–I вв. до н. э.

Другой вопрос, где они были изготовлены и какова их этнокультурная принадлежность. Ответ на него следует искать в решении общей проблемы – появления подобных сбруйных фаларов на территории Евразии².

М.И. Ростовцев посвятил специальную статью исследованию наборов конской упряжи, которые появились в южнорусских степях в III–II в. до н. э., придя на смену бытовавшим здесь ранее украшениям конского снаряжения скифской культуры [Ростовцев, 1993, с. 39–56]. К изделиям III в. до н. э. он относит набор из Федуловского клада с крупными наплечными бляхами (рис. 2а). Большая часть статьи посвящена фаларам 2-го варианта II–I вв. до н. э. М.И. Ростовцев особо подчеркивает наличие в их орнаменте точек и черточек, заполняющих фигуры и фон. Опираясь на аналогии, он пришел к выводу о восточном происхождении подобных изделий, а стиль их декора определил как греко-ирано-индийский.

К.В. Тревер отнесла фалары со слонем и из Старобельского клада к греко-бактрийскому искусству, подчеркнув их восточное происхождение [Тревер, 1940, с. 38, 46–48].

В.И. Мордвинцева выделила крупные фалары 1-го варианта в группу 3 «греко-бактрийского» стиля, предположив, что они могли быть изготовлены в Бактрии или Иране, а фалары 2-го варианта в группу 4 «причерноморского

¹ В качестве доказательства своей точки зрения А.С. Скрипкин ссылается на присутствие в погребении находок, типичных для раннесарматской культуры – длинного меча с ромбовидным перекрестием и кинжала с серповидным навершием, с рукоятью, покрытой золотой фольгой. Не противоречат этой дате и наличие в погребении псалиев с округлыми окончаниями с золотыми декоративными пластинами и ложковидных подвесок, которые, по мнению А.С. Скрипкина, также встречаются в раннесарматских могилах [Скрипкин, 2010, с. 200, 204–205].

² Появление в III–I вв. до н. э. в южнорусских степях данного типа блях конской упряжи исследователи связывают с миграцией кочевых племен (в том числе и сарматских), возникшей в результате исторических событий, происходивших в Центральной и Средней Азии, одним из которых было падение Греко-Бактрийского царства [Ростовцев, 1993, с. 46; Щукин, 2001, с. 154–155; Трейстер, 2011, с. 129–138].

графического» стиля, большинство из которых, по ее мнению, были сделаны в мастерских греческих городов Северного Причерноморья¹. Кстати, заметим, что К.В. Тревер никогда не относила опубликованные ею предметы к «греко-бактрийскому стилю», а рассматривала их как образцы греко-бактрийского искусства, что далеко не одно и то же.

Оригинальное мнение по этому вопросу высказал М.Б. Щукин. Полагая, что термины «греко-индо-иранский» стиль и «греко-бактрийский» слишком явно вызывают этнополитические и этнотерриториальные ассоциации, он предложил выбрать более нейтральный, условный термин, например, «стиль Малибу»². Однако объединенные фалары с огромного пространства Евразии не являются образцами стилистического единства, несмотря на наличие у некоторых из них общих черт: отделки фона и шкуры животных точками, венка из плюща или «веревочки» вокруг центрального изображения [Трейстер, 2011, с. 100]. В данном случае мы можем говорить лишь о появлении и распространении в определенное время на широкой территории произведений одного художественного направления.

Прав М.Ю. Трейстер, отмечая, что для выявления стилистических групп данной категории вещей и их центров производства нужны новые комплексные исследования, основанные на массовом и разностороннем материале, которых до сих пор не существует [Трейстер, 2011, с. 124–128].

В связи с этим обратим внимание на некоторые факты, связанные с появлением и распространением изобразительного приема в передаче покрова животных и фантастических существ точечным и штриховым орнаментом, составляющим специфику художественного стиля рассмотренной выше группы изделий.

Подобный прием не известен в искусстве звериного стиля скифов, саков Сибири и Алтая, не встречается он и среди зооморфных образов на изделиях из Филипповских курганов Южного Приуралья и богатейших погребений Тувы, нет его и в полихромном сарматском зверином стиле [Руденко, 1953; 1960; 1962; Артамонов, 1966; 1973; Золотые олени ... 2001; Чугунов, 2004; Сокровища сарматских вождей ... 2008; Засецкая, 2011; Алексеев, 2012; Сигунов, 2010]. Из просмотренных мною многочисленных зооморфных изобра-

¹ Выделенные В.И. Мордвинцевой черты «греко-бактрийского стиля»: подчиненность композиции форме предмета, подражание классическим формам, тщательная разработка мелких деталей, подчеркнутая декоративность – слишком общие понятия и могут соответствовать разным стилистическим группами древнего искусства. Что же касается содержания группы 4, то, на мой взгляд, в эту группу вошли изделия разных стилей, происходившие из разных центров. Непонятно также, почему этот стиль «графический» и что означает «причерноморский» (?) [Мордвинцева, 2001, с. 162–166; Mordvinzeva, 2001, S. 36–37, 64].

² Малибу – город в Калифорнии, где в музее Гетти хранятся четыре клада серебряных вещей, в том числе и фалары, возможно, происходящие из Ирана [Щукин, 2001, с. 142].

жений мне удалось найти некоторое количество разновременных изделий с фигурами животных, тела которых сплошь покрыты точечным орнаментом или штриховкой из мелких черточек (рис. 3). К таковым, например, относятся изображения на ритоне и зеркале из Келермесского кургана VII в. до н. э. (рис. 3а, б) [Кисель, 2003, с. 85–96, рис. 83] (здесь автор отмечает как особый художественный прием передачу волосяного покрова штриховкой); на пластинах из курганной группы «Семь братьев» – V в. до н. э. (рис. 3г) [Артамонов, 1966, табл. 118]; на двух фигурах оленя и кабана из Сибирской коллекции (рис. 3д, е) [Артамонов, 1973, ил. 262, 266]; на оленях из Александропольского кургана IV в. до н. э. (рис. 3к) [Алексеев, 2012, с. 252–258]; точечным орнаментом выделены голова и гребень грифа на пластине из Сибирской коллекции (рис. 3в) [From the Lands ... 1973–1974. № 22] (здесь хорошо виден орнамент из точек).

Далее подобный стилистический прием приобретает в эллинистическую эпоху II–I вв. до н. э. сравнительно массовый характер. И вновь, спустя несколько столетий, мы обнаруживаем его на вещах раннего средневековья, на сасанидских серебряных блюдах и чашах VI–VII–VIII в. н. э. (рис. 3н) [Тревер, Луконин, 1987, с. 108–119, ил. 15, 23, 25, 35, 63, 79–83, 89, 91–97, 101, 107–112, 115]. Вряд ли на основании этого материала можно делать какие-либо существенные выводы, однако следует отметить, что указанные выше предметы исследователи в той или иной степени связывают с влиянием искусства восточных цивилизаций Ассирии, Урарту, Персии, Ирана, Индии.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. 269 с.
- Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. В собр. Гос. Эрмитажа. Прага; Л.: Артия, Советский художник, 1966. Табл. 321.
- Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 278 с.
- Власова Е.В. Ахтанизовский клад // ВДИ. 2009. № 3. С. 63–78.
- Гущина И.И. Янчокракский клад // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 43–51.
- Засецкая И.П. Назначение вещей Федуловского клада // АСГЭ. Л., 1965. Вып. 7. С. 28–36.
- Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 327 с.
- Золотые олени Евразии. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001.
- Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003. 188 с.
- Мордвинцева В.И. Фалары с изображением Беллерофонта из сарматского погребения у села Володарка в Западном Казахстане // РА. 1996. № 4. С. 148–156.
- Мордвинцева В.И. Стилистические группы фаларов III–I вв. до н. э. из музеев России и Украины // Ювелирное искусство и материальная культура. Сб. ст. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 161–166.

- Ростовцев М.И.* Сарматские и индо-скифские древности // ПАВ. СПб., 1993. № 5. С. 39–56.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая. М.; Л., 1953. 383 с. Табл. I–СХХ.
- Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 346 с. Табл. I–СХХVIII.
- Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I // САИ [Вып.] Д. 3–9. М.; Л. 1962.
- Скрипкин А.С.* Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // А.С. Скрипкин. Сарматы и Восток. Избранные труды. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2010. С. 195–232.
- Смирнов К.Ф.* Северский курган // Труды ГИМ. М., 1953. С. 42.
- Сокровища сарматских вождей. [Материалы раскопок Филипповских курганов]. Оренбург, 2008. 142 с.
- Спицын А.А.* Фалары Южной России // ИИАК. 1909. Вып. 29. С. 19–29.
- Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940.
- Тревер К.В., Луконин В.Г.* Сасанидское серебро. Собр. Гос. Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. М.: Искусство, 1987. 155 с. Ил. 124.
- Трейстер М.Ю.* Серебряные фалары с изображением Беллерофонта и Химеры из сарматского погребения в Володарке (Западный Казахстан). Еще раз к вопросу о так называемом греко-бактрийском стиле эллинистической торевтики // Scripta Antiqua. Т. I. М., 2011. С. 90–146.
- Шукин М.Б.* О фаларах так называемого греко-бактрийского стиля (к проблеме контактов Восток–Запада) // Ювелирное искусство и материальная культура: сб. ст. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 137–161.
- Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А.* Золотые звери Долины царей. СПб., 2004.
- From the Lands. From the Lands of the Skythians. Ancient Treasures from the Museum of the U.S.S.R. 3000 B.C.-100 B.C. In: **The Metropolitan Museum of Art Bulletin**. Vol. XXXII. No. 5. 1973–1974. 165 p.
- Mordvinzeva V.* Sarmatische Phaleren. In: **Archaologie in Eurasien**. Band. Rahden. 2001. 98 s. Tafel 1–57.
- Otchir-Goriaeva M.* Das sarmatische Grab von Jaskul, Kalmykien. In: **Eurasia Antiqua. Ztitschrift fur Archaologie Eurasiens**. Band 8. Mainz am Rhein, 2002. S. 353–387.
- Rostovtzeff M.I.* The Animal Style in South Russia and China. L., 1929.
- Cugunov R., Parzinger H., Nagler A.* Der Skythenzeitliche Fürstenkurkan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 ВДИ – Вестник древней истории
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ИИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
 ПАВ – Петербургский археологический вестник
 РА – Российская археология
 САИ – Свод археологических источников

Рис. 1. а, б – фалары из кургана у с. Яшкуль в Калмыкии:
а – фалар с фигурой волка; б – фалар с фигурой козла

Рис. 2. Фалары конской сбруи эллинистической эпохи:
а – Федуловский клад; б – Ахтанизовский клад; в – Северский курган;
г – находка у с. Твардицы; д – погребение у г. Кореновска;
е – находка у г. Таганрога; ж, и – погребение у с. Янчокрак; з – Старобельский клад

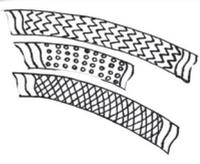

Рис. 3. Фигуры животных и зооморфных чудовищ, орнаментированные точками и штриховкой из мелких черточек, на изделиях разных эпох:

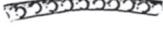
- а, б – Келермесский курган;
- в, д, е – Сибирская коллекция Петра I;
- ж, з – Семибратние курганы;
- и – находка у с. Твардицы;
- к – курган, с. Володарка;
- л – Александропольский курган;
- м – Старобельский клад;
- н – Северский курган;
- о – сасанидское блюдо

Таблица 1

ФАЛАРЫ ПЕРВОГО ВАРИАНТА (а – в) И ФАЛАРЫ ИЗ ЯШКУЛЯ (д – е)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Примечание
а		Сибирская коллекция Петра I. Точное место находки не известно. Найдены в 1725 г.	Серебро Позолота Диаметр 24,7 см Высота 2,0 см			+	-	+	-	-	Середина II в. до н. э.	На венке нет точечного орнамента. Позолота нанесена горячим золочением
б		С. Володарка Западный Казахстан Погребение. Курган 4. Раскопки 1981 г.	Серебро Позолота Диаметр 24,6 см Высота 3,6 см			+	+	+	-	-	Вторая половина II в. до н. э.	Позолота нанесена горячим золочением
в		Случайная находка у г. Новоузенского Самарской губ. в 1884 г. (небольшой распаханный курган)	Серебро Позолота Диаметр 24,0 см Высота 0,5 см	-		-	-	+	-	-	Вторая половина II в. до н. э. (?)	Здесь нет точечного орнамента. Линии внешнего бордюра прочерчены на токарном станке. Орнамент «волна» гравированный

Окончание табл. 1

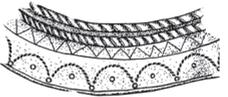
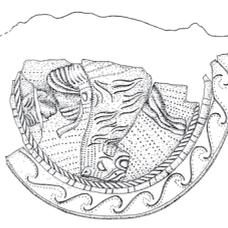
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Примечание
з		С. Сидоровка Омская область	Серебро Позолота Диаметр 24,0 см Высота 0,5 см	—			—	+	—	—	Вторая половина II в. до н. э. (?)	Возможно, здесь ли- нии внешнего бор- дюра прочерчены на токарном станке по аналогии с предыду- щим
д		С. Яшкуль, Калмыкия Курган. Погребение. Тайник. Раскопки 1988 г.	Серебро Позолота Диаметр 18,0 см			—	+	+	+	+	Рубеж II–I вв. до н. э. или I в. до н. э.	—
е			Серебро Позолота Диаметр 18,0 см			—	+	+	+	+	Рубеж II–I вв. до н. э. или I в. до н. э.	—

Примечание:

- 1 – п/№; 2 – название предмета – фалары; 3 – место находки; 4 – материал и размеры; 5 – венук; 6 – бордюр по краю;
- 7 – точечный орнамент; 8 – орнамент штриховки; 9 – орнамент из кружочков; 10 – орнамент из полукружочков;
- 11 – заполнение фона; 12 – датировка.

Таблица 2

ФАЛАРЫ ВТОРОГО ВАРИАНТА

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Примечание
а		С. Янчокрак Мелитопольский уезд, Запорожская обл. Курган. Случайная находка 1906 г.	Серебро Позолога Диаметр 18,0 см Высота 4,4 см		+	-	+	+	-	Рубеж II-I вв. до н. э.	Всего 6 фаларов: 2 - с фигурными изображе- ниями, плоские; 4 (две пары) - с раститель- ным орнаментом, умбоно- видные. Фон у всех фаларов запол- нен точечным орнаментом
б		С. Янчокрак Мелитопольский уезд, Запорожская обл. Курган. Случайная находка 1906 г.	Серебро Позолога Диаметр 13,7 см Высота 3,7 см		+	+	+	+	-	Рубеж II-I вв. до н. э.	
в		Таганрог, Ростовская обл. Случайная находка 1887 г.	Серебро Позолога Железо Диаметр 18,0 см		+	+	+			Рубеж I I-I вв. до н. э.	Всего 6 фаларов: 2 - с фигурными изображе- ниями, плоские; 4 - с растительным орна- ментом, из них 3 - умбоно- видные, 1 - плоский. У всех фаларов фон запол- нен точечным орнаментом

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Примечание
з		Таганрог, Ростовская обл. Случайная находка 1887 г.	Серебро Позолота Железо Диаметр 13,6 см		+	+	+			Рубеж II–I вв. до н. э.	Всего 6 фаларов: 2 – с фигурными изображениями, плоские; 4 – с растительным орнаментом, из них 3 – умбоновидные, 1 – плоский. У всех фаларов фон заполнен точечным орнаментом
д		Старобельский клад. Харьковская обл. Случайная находка 1892 г.	Серебро Позолота Железо Диаметр 15,5 см Высота 8,2 см		-	+	-	-	+	Конец II в. до н. э.	Всего 5 фаларов: 4 – умбоновидные. Все с растительным орнаментом, на одном орнаменте сочетается с фигурами животных. Фон заполнен частично точечным орнаментом или штриховкой
е		г. Кореновск, Краснодарский край. Раскопки 1967 г.	Серебро Позолота Железо Диаметр 14,6 см Высота 6,3 см		+	+	+	-	+	Рубеж II–I вв. до н. э.	Всего 2 фалара сильно выпуклые с масками. Фон заполнен точечным орнаментом

Примечание:

1 – п/№; 2 – название предмета – фалары; 3 – место находки; 4 – материал и размеры; 5 – бордюры; 6 – точечный орнамент; 7 – орнамент штриховки; 8 – орнамент из кружочков; 9 – две петли – наверху и внизу; 10 – четыре отверстия для крепления железных полос; 11 – датировка.

Л.С. ИЛЬЮКОВ

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЛОШАДЕЙ В МОГИЛЬНИКЕ НОВОЛАБИНСКОГО IV ГОРОДИЩА

(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2003 г.)¹

Новолабинский могильник расположен на краю высокой террасы р. Лабы около с. Новолабинского (Краснодарский край). В неглубоких и широких ямах хоронили животных, иногда под ними находились останки людей, которые не имели инвентаря. Обычно лошади были взнузданы. Как правило, они сопровождались железными удилами с крестовидными насадками, бронзовыми налобниками и нагрудниками с подвесками. Могильник датируется концом III – первой половиной I в. до н. э.

Ключевые слова: могильник, погребение, узда (удила, налобник, нагрудник), шумящие подвески.

Новолабинский могильник, расположен на краю высокой террасы правого берега р. Лабы у станицы Новолабинской. С напольной стороны он был отгорожен глубоким рвом от IV Новолабинского городища, относящегося к меотской культуре. Исследование могильника продолжались в течение четырех лет [Беспалый, 2003; Беглова, 2008; Ильюков, 2011; Потапова, 2012]. Некоторые аспекты его культурной принадлежности еще не достаточно выяснены [Беглова, 2004, с. 106; Симоненко, 2012, с. 211]. Этот памятник датируется концом III – первой половиной I в. до н. э. [Раев, 2014, с. 156]. В погребениях находились останки не только людей, но и животных. Их хоронили в неглубоких и широких ямах подовальной формы, ориентированных длинной осью по линии СВ–ЮЗ или СЗ–ЮВ.

Первый исследователь этого замечательного памятника – Б.А. Раев. Им опубликован ряд работ, в которых рассматриваются различные стороны изучения этого могильника. В одной из них затрагивается проблема жертвоприношений –

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 15-31-10173 «Крым и южные рубежи России: история, культура, межэтническое взаимодействие».

«гекатомб» на его территории. Б.А. Раев отметил, что скелеты животных на территории памятника были потревожены грабителями. В могилах находилось от 8 до 12 костяков животных, которые располагались «бессистемно». Судя по их расположению, туши животных сбрасывались в ямы, иногда в разрубленном виде на 2–3 части, но чаще – в целом виде. Иногда они были уложены в несколько ярусов с подогнутыми или вытянутыми конечностями. Несомненно, в этих могилах животные были похоронены одновременно. Каким способом их умерщвляли, не ясно [Раев, 2014, с. 156, 157]. Захороненные лошади сопровождались элементами парадного убора: бронзовыми пластинчатыми налобниками и налобниками с крючком, нагрудниками, «шумящими подвесками» [Раев, 2014, с. 157]. Б.А. Раев подчеркнул, что все без исключения лошади были взнузданы. Иногда около черепа животного находились вторые удила. По его наблюдениям, преобладали строгие удила с крестовидными псалиями, снабженные зубчатыми «флажками». В ряде случаев их грызла были собраны из звеньев разной длины, иногда по всей длине стержень грызла был обмотан проволокой. Если разницу в длине звеньев удил трудно объяснить, то наличие обмотки проволоки на этих звеньях свидетельствует о том, что они не предназначались для повседневной работы. Нередко одним из элементов экипировки являлись амулеты из крупных стеклянных глазчатых бус, которые украшали оголовье лошади. Число погребенных людей не зависело от количества лошадей в этих могилах. Судя по их позам, трупы людей сбрасывали в могильную яму, а не укладывали их в ней, некоторые из них имели следы насильственной смерти (связанные руки) или являлись вторичными захоронениями [Раев, 2014, с. 157, 158].

Эти наблюдения были сделаны по итогам четырехлетних исследований на территории могильника. Большинство материалов остаются до сих пор не опубликованными. Остановимся на небольшой выборке погребений, открытых в 2003 г., которые к настоящему времени были монографически изданы [Раев, Беспалый, 2006].

В 2003 г. в Новолабинском могильнике было открыто 68 погребений и 19 ситуаций. Интерес представляют 7 комплексов, в которых найдены взнузданные лошади.

Одно из них – это погребение № 1, разрушенное грабителями. Оно наиболее богатое. Погребение было совершено в бревенчатом срубе с шатровым перекрытием. Оно содержало остатки 8 человеческих скелетов и 10 лошадиных костяков, которые не сопровождались уздечными принадлежностями. Из этого следует, что животные, принесенные в жертву, не были предназначены для верховой езды в загробном мире. Поскольку могила оказалась разрушенной, неясно положение погребенных в ней. Кроме фрагментов посуды, оружия и украшений, отметим находку нащечника от бронзового шлема, золотую пластину с изображением грифонов, по-видимому, накладку на головной убор, уздечную бронзовую бляшку, обтянутую золотым листом с изображением пары лошадиных голов со следами уздечных ремней и двух сдвоенных окруж-

ностей на ее груди. Кроме того, в погребении были найдены 19 керамических горгонейонов с изображением маски Медузы. На некоторых из них сохранился след белого ангоба и золотой краски. На тыльной стороне керамического диска находится пара несквозных отверстий для пришивания изделий к какой-то поверхности [Раев, Беспалый, 2006, с. 3–12, рис. 6, 8; 7, 1; 9, 1, 2].

Наиболее значимым по количеству жертв было погребение № 50. В нем на дне могилы лежали 8 человеческих скелетов, частично потревоженных, похороненных не только вытянуто на спине, но и полускорченно на боку. У двух погребенных руки были разбросаны в разные стороны. Один умерший был положен ничком, его ноги слабо подогнуты. Поверх человеческих костей лежали кости 10 лошадей. Кроме двух из них, имевших ремни оголовья, украшенные бронзовыми пластинчатыми налобниками, остальные лошади имели железные удила. А в пяти случаях на концы удил с кольчатými окончаниями были надеты крестовидные насадки, в их концах отсутствовали стержневидные псалии. В одном случае во рту лошади находились удила с восьмерковидными псалиями, но не было крестовидной насадки. Кроме двух лошадей без удил, но имевших ремни оголовья, украшенные пластинчатыми налобниками, еще одна лошадь имела простые удила с кольчатými окончаниями, ее оголовье тоже было снабжено бронзовым пластинчатым налобником. И наконец, у изголовья еще одной лошади, во рту которой находились удила с крестовидной насадкой, был обнаружен бронзовый пластинчатый налобник. Здесь же найдена крупная бронзовая подвеска – «колокольчик», стенки которой покрыты пуансонным орнаментом с розетками. И два нащечника от бронзового шлама с пробитыми отверстиями для подвешивания, нащечники украшены сценами приношения в жертву животного обнаженным воином. На костях лошадей найден бронзовый котел. Один погребенный, обнаруженный в заполнении ямы, был сброшен в могилу, он лежал в ней ничком. Около лошадиных костей, у стенки ямы найдены кости собаки [Раев, Беспалый, 2006, с. 30–34, рис. 28, 2–10; 29; 31; 32, 1–6].

Остальные погребения не были столь насыщены находками, как два первых. В одном из них, – в погребении № 38 обнаружено 6 лошадей. У пяти из них во рту находились удила с кольчатými окончаниями, на них были надеты крестовидные насадки. Кроме того, еще у двух лошадей ремни оголовья украшали бронзовые пластинчатые налобники. В одном случае, кроме пластинчатого налобника, под головой лошади находились две бронзовые гладкие полусферические подвески – «колокольчики», которые подвешивались при помощи проволочного тройника. Только у одной лошади кольчатые окончания не имели крестовидной насадки. В этом погребении под животными на дне могилы лежал скелет взрослого человека. Он имел вытянутое положение на спине. У него не было погребального инвентаря [Раев, Беспалый, 2006, с. 25, 26, рис. 23, 1–3, 24, 2, 3, 6].

В другом погребении № 10 находились четыре лошади. Скелет одной открыт в заполнении могилы. Около ее черепа находились удила с кольчатými окончаниями и крестовидной насадкой. Рядом с удилами лежали бронзовые

пластинчатый налобник, нагрудная пластина с секировидными подвесками, две гладкие подвески конической формы с провололочкой для подвешивания и подвеска, сделанная из нащечника бронзового шлема. На дне могилы находились три лошади. У одной из них перед мордой животного лежали двукольчатые удила с крестовидными насадками. У второй лошади удила находились во рту. В их кольчатых окончаниях находились псалии со скрученным стержнем и восьмерковидным центром. Концы этих псалий имеют прямоугольные флажки с парой отверстий. У третьей лошади удила находились во рту. В их кольчатых окончаниях находились псалии со скрученным стержнем и восьмерковидным расширением. Их концы имеют прямоугольные флажковидные окончания. Под лошадьми находился скелет женщины, погребенной на спине в вытянутой позе. В заполнении могилы обнаружена амфора с черной росписью, расположенной на горле. В центре композиции находятся всадник на лошади и олень с рогами [Раев, Беспалый, 2006, с. 14–16, рис. 11, 1–3; 12, 1–4, 7; 13, 1–3; 14].

Еще в одном погребении № 21 в заполнении ямы обнаружена лошадь, во рту которой находились удила с крестовидными насадками. Рядом находились кости собаки. Под костями этой лошади, на дне могилы лежали еще две лошади, ориентированные в одном направлении. Каждая была взнуздана удилами с крестовидными насадками. Около шеи одной из них находилось крупное железное поводное кольцо. Под черепом второй лошади обнаружен бронзовый нагрудник, украшенный циркульными окружностями, а по его нижнему краю расположены серповидные подвески с пуансонным орнаментом. Здесь же найден бронзовый пластинчатый налобник с приталенными продольными сторонами. В верхней части он имеет выступающий полукруг, у основания которого расположены округлые выступы с отверстием в центре для крепления подвесок. В нижней части пластина украшена крестовидной фигурой, нанесенной чеканом. В заполнении могильной ямы, около костей лошади найдены кости ребенка [Раев, Беспалый, 2006, с. 19, 20, рис. 17, 5, 7; 18, 1, 3–6; 19, 1–4].

И наконец еще в одном погребении № 23 обнаружено три лошади, одна из них вообще не имела удил, а две другие – простые удила с кольчатыми окончаниями. В этом погребении под костями лошадей найдены кости скелета взрослого человека [Раев, Беспалый, 2006, с. 20, 21, рис. 16, 4; 17, 1–4, 6, 8, 9].

Один из комплексов, зафиксированный как сит. № 3, не содержал останков человека. Найдены кости трех лошадей, двое из них уложены на дно могилы, форма которой не прослежена. А третья лошадь лежала поверх нижних лошадей. К сожалению, точно привязать находки к ним не удалось. На костях одной из нижних лошадей найдена бронзовая пластина нагрудника, украшенная вертикальными рядами парных циркульных окружностей. В каждой окружности между циркульных полос вписан ряд «жемчужин». Концы пластины прямые. Ее верхний, продольный край тоже прямой, а нижний имеет дуговидную выемку, от него отходят три крупных полуовальных выступа, справа их замыкает небольшой полуовал, и далее ширина пластины уменьшается. По нижнему краю этой пласти-

ны пробито 11 отверстий, в некоторых из них закреплены проволочные петельки с миниатюрными коническими подвесками – «колокольчиками». Здесь же находилась вторая бронзовая пластина нагрудника, с аналогичным орнаментом. Она по нижнему продольному краю имеет 12 пробитых отверстий для закрепления в них петелек с плоскими серповидными подвесками с пуансонным орнаментом. В районе черепа найдены кольчатые удила с крестовидной насадкой. В районе костей двух других лошадей обнаружены еще два комплекта аналогичных удил. Авторы раскопок предположили, что эти удила были сняты с лошадей. Кроме того, из этого комплекса происходили фрагменты керамики (амфора и сероглиняная посуда) [Раев, Беспальный, 2006, с. 20, 21, рис. 37, 3, 4; 37, 1–5].

Еще один комплекс зафиксирован как сит. № 4. Он содержал останки человека, но его положение не установлено. В этом комплексе найдены кости нескольких лошадей. Здесь же обнаружены фрагменты бронзового нагрудника, украшенного окружностями из циркульных линий, фрагменты разорванного бронзового шлема, помятая коническая подвеска с пуансонным орнаментом, фрагменты железного оружия и керамики [Раев, Беспальный, 2006, с. 41, 42, рис. 38, 4, 6; 39, 1–5].

В 2011 г. было открыто еще 109 погребальных комплексов и 51 ситуация [Ильюков, 2011]. Незначительно количество находок возросло в 2012 г. [Потапова, 2012]. Однако принципиально новые находки не меняют наши представления о комплексах с жертвоприношениями на территории Новолабинского могильника, полученные в первый год исследований.

Б.А. Раев отметил, что в Новолабинском могильнике «все без исключения лошади были взнузданы» [Раев, 2014, с. 157], они сопровождалась «конюшенными», располагавшимися под ними. Однако их количество не соответствовало числу лошадей, захороненных в этих могилах [Раев, 2014, с. 157]. Вероятно, кратное число взнузданных лошадей, имевших сбрую, иногда украшенную налобниками и нагрудниками, могло свидетельствовать о том, что к могилам подводили упряжки лошадей, отстегнутые от колесниц, которые не входили в состав погребального приданного. Обычно удила имели железные крестовидные насадки, концы которых заканчивались зубчатыми «флажками» (рис. 1, 4). По мнению А.В. Симоненко, считать эти насадки крестовидными псалиями не совсем верно, поскольку к ним не возможно было прикрепить ремень оголовья [Симоненко, 2012, с. 208]. Иногда захороненные лошади вообще не имели псалиев (погр. 23). К кольцевидному окончанию удил присоединялся поводной ремень (рис. 1, 5). В двух комплексах (погр. 10 и 50) в кольцевидные окончания удил были вставлены стержневидные псалии. В одном случае (погр. 10) стержни псалиев были перекручены и имели в центральной части восьмерковидное расширение с двумя отверстиями для крепления ремешков оголовья (рис. 1, 1). Концы этих псалиев были раскованы в виде флажков [Раев, Беспальный, 2006, табл. 12, 1, 4], в другом случае (погр. 50) в кольцевидных окончаниях удил были вставлены стержневидные псалии с восьмерковидным утолщением, в котором

находилась пара отверстий (рис. 1, 2) [Раев, Беспалый, 2006, табл. 26, 2]. В одной из ситуаций (сит. 14), обнаруженной на территории могильника, во рту лошади находились удила с псалием. У этого псалия дуговидный стержень имеет утолщение, в центре которого расположена пара отверстий. Концы псалия украшают грушевидные окончания (рис. 1, 3) [Раев, Беспалый, 2006, с. 44, 45, табл. 40, 5, 6].

Крестовидные железные насадки на удила перекликаются с зооморфными навершиями жезлов, один из них найден в погр. 26/2011 г. Новолабинского могильника. Концы прутов крестовидного перекрестья украшены стилизованными фигурками животных. По нижнему краю туловища расположены два отверстия, к которым крепились кольцевидные петельки с миниатюрными конических подвесками – «колокольчиками». Зооморфные жезлы, увенчанные крестовиной со стилизованными фигурками оленей или быков, хорошо известны на Западном Кавказе [Шевченко, 2006]. Каким образом проводилась сакрализация пространства для совершения жертвоприношений, неясно [Лесков и др., 2013, с. 85, 90].

Е.В. Переводчикова и Д.С. Раевский отметили, что скифские навершия чаще встречались с конскими погребениями, и предположили, что животных приносили в жертву у столбов, увенчанных этими культовыми штандартами. Сами столбы с этими навершиями являлись материальным воплощением сакрального мирового дерева [Переводчикова, Раевский, 1981, с. 44–51]. Интересно, что культовые жезлы у племен Закубанья в меотское время тоже имели вид дерева с крестовидным навершием, увенчанным четырьмя фигурками животных [Шевченко, 2006].

На территории Новолабинского могильника в сит. 23/2011 г. был найден дуговидный псалий, который в центральной части имеет восьмерковидное расширение с парой отверстий для ремешков оголовья, а концы псалия расклепаны в прямоугольные флажки, каждый из которых имеет пару отверстий для подвесок. К одному из них крепилась проволочная петелька с подвеской – «колокольчиком» [Ильюков, 2011].

Эти находки позволяют рассматривать крестовидные насадки с флажковидными окончаниями и псалии с флажковидными концами как культовые предметы. По-видимому, флажок на конце псалия был преобразован в трезубую пластинку, которая на концах удил усиливала качество управления лошадью. Зубчатые выступы давили на углы рта лошади [Симоненко, 2012, с. 208, 209].

Флажки на крестовидных насадках располагались не только на самих концах изделия, иногда они были смещены на 1,5–2 см от окончания прута в сторону центра самого изделия (Тенгинская, Веселая Долина, Великоплоское) [Беглова, 2004, рис. 94, 6; Редина, Симоненко, 2002, рис. 1, 1; Симоненко, 2012, рис. 1, 1, 2]. Тенгинские удила с насадками имеют прямоугольные выступы – флажки с зубчатым краем – «шпы строгости» [Беглова, 2004, рис. 9, 4–6]. Крестовидные насадки более ранних форм представлены в сбруе из памятников IV в. до н. э. (в Уляпских и Тенгинских святилищах). Однако такие насадки есть

не на всех удилах [Дедюлькин, 2016, с. 179, 180]. Вероятно, потребность в них возникла при заклании животного во время ритуального жертвоприношения.

Крупные бронзовые пластины нагрудников, богато орнаментированные циркульным и пуансонным орнаментом (рис. 1, 9). Они перекликались наличием не только крупных «флажков», но и строгих удил, тоже снабженных «флажками», но меньших размеров. Эти пластины украшали ленту на груди лошади. Верхний край пластины прямой, а нижний край имеет неглубокую выемку дуговидной формы. Концы пластины тоже прямые. Ее широкая часть, расположенная ближе к центру груди животного, понизу была украшена рядом полуовальных «зубцов», в каждый из них вписана циркульная окружность. Поверхность пластины нагрудника украшена вертикальными рядами кругов, разделенными лентами из рядов пуансонных точек. Ряд кругов начинается от окружностей, которые были вписаны в пространство полуовальных «зубцов». По нижнему продольному краю пластины пробиты отверстия для прикрепления к ним шумящих подвесок в виде конусов – «колокольчиков» или в виде серповидных пластинок.

В Краснодарском краеведческом музее-заповеднике хранится набор золотых вещей из комплекса, найденного до 1917 г. В его состав входили две золотые пластины флажковидной формы, у которых нижний край украшен полуовальными выступами, заполненными концентрическими окружностями. Над ними расположены ряды «завитков» и лента «елочки» [Мордвинцева, 2012, рис. 2, 2]. Не являются ли они украшениями сбруи? Данные фрагменты напоминают «флажковидные изделия» Новолабинского могильника.

Новолабинские налобники, найденные в 2003 г., однотипные. Они выполнены в виде крупной пластины с приталенными продольными сторонами. Его верхний конец полукруглый, а нижний – прямой. На полукруглый выступ нанесена крупная циркульная окружность с рельефной поверхностью. По сторонам его основания выступают два небольших полукруга, в центре каждого из них расположена точка – отверстие (?) для петельки подвески. Вдоль нижнего прямого края расположен ряд небольших циркульных фигур. Выше них находится крестовидный знак, выполненный из пяти окружностей. Одна петля для крепления пластины к ремню оголовья расположена на ее тыльной стороне пластины, вторая – на ее верхнем торце (погр. 10). На другой пластине крестовидный знак выполнен пятью вмятинами, нанесенными чеканом (погр. 21). В одном случае (погр. 50) выступ в верхней части налобника обрамлен пятью небольшими полукружьями, в каждое из которых вписана циркульная окружность. На поверхности пластины под выступом и вдоль ее основания расположены по 2–3 ряда мелких тоже циркульных окружностей (рис. 1, 11). А по сторонам большого ажурного верхнего выступа расположены миниатюрные полукруглые петельки с точкой – отверстием в центре, по-видимому, для крепления проволоочной петли с подвеской. Эти бронзовые налобные украшения перекликаются с нагрудными пластинами не только формой украшения, когда край пластины имел ряд полуовалов – фестонов, но и циркульными композициями на их поверхности.

Интересными элементами экипировки лошади являлись крупные стеклянные глазчатые бусы (рис. 1, 6). Они обнаружены в разрушенном погр. 1 [Раев, Беспальный, 2006, табл. 8, 16, 18]. Или в комплексах, где рядом с одной или двумя лошадьми был погребен человек (погр. 16, 48) [Раев, Беспальный, 2006, с. 17, 18, 28, 29, рис. 12, 5,5а; 27, 5]. В одном случае удалось обнаружить в районе височной кости животного фрагменты крупной стеклянной бусины и синий стеклянный бисер. По-видимому, бусина с бисером являлись подвеской к ремешку оголовья лошади (погр. 5/2011 г.).

В Новолабинском могильнике открыта серия крупных дисковидных зеркал с загнутым краем и циркульными окружностями, вписанными одна в другую [Раев, Беспальный, 2006, табл. 19, 5]. Боковая пластинчатая ручка либо крепилась к диску заклепками, либо была цельной, изготовленной из одного листа. Основание клиновидной рукояти на стыке с диском с двух сторон украшено полуовальными выступами (погр. 41, 48). Украшение края диска зеркала фестонами в районе его стыка с ручкой напоминает аналогичный декор (но более изощренный) налобников и нагрудников. В то же время этот комплекс изделий с шумящими подвесками, относящийся к лошади, перекликается с культовыми жезлами или столбами, тоже снабженными колокольчиками. В Новолабинском могильнике «колокольчики», стенки которых украшены розетками (рис. 1, 7, 8), как на нагрудниках из этого же могильника, подобно шумящим подвескам, выполняли одну и ту же роль: они оповещали о приближении «жертвенных коней» в мир богов. Для оценки ритуала Новолабинского могильника большое значение имеют две подвески, выполненные из деталей шлемов (рис. 1, 10). Это нащечная пластина от шлема из погр. 10 [Раев, Беспальный, 2006, с. 15, 16, табл. 12, 7] и две нащечные пластины, украшенные сценами принесения в жертву барана из погр. 50 [Раев, Беспальный, 2006, с. 33, 34, табл. 32, 1]. Кроме того, в сит. 4 найден разорванный бронзовый шлем, который тоже мог подвешиваться к упряжи лошади. Б.А. Раев предположил, что использование нащечника шлема на груди лошади в качестве подвески могло быть осознанным. Эта подвеска рассматривалась как деталь трофейного шлема и, по-видимому, являлась «заместителем» скальпа [Раев, 2007, с. 378]. Скальп «продевали в уздечку коня» (Геродот, IV, 64), а не подвешивали к груди животного. Таким образом достигался мистический эффект превращения лошади в мифического персонажа – смертного кентавра, у которого голова и торс были человеческими, а тело – лошадиным. По сведениям античных авторов, кентавры являлись убийцами быков, или охотниками на них (Еврипид, Геракл, 364–373). В то же время лошадь могла «превратиться» в рогатое животное, после натягивания на ее голову маски оленя или быка [Мец, 2013, с. 91–102].

Кратное количество взнузданных лошадей, у которых сбруя и уздечка имели бронзовые и серебряными украшения, приносились в жертву богам. По-видимому, кратное число жертв позволяет предположить, что богам жертвовали колесницу, запряженную лошадьми. Упряжка, запряженная двумя, четырьмя или шестью лошадьми, не только участвовала во время торжественных

процессий, «триумфах» или жертвоприношениях, ее посвящали богам и приносили ее в жертву богам. Вместе с ней в жертву поступали воинские доспехи, которые подвешивали к сбруе, вместе с шумящими подвесками, звон которых предвещал о приближении ритуальной процессии. Интересно, что нередко среди даров, которые жертвовали богам, было воинское снаряжение. Среди них часто были целые или разорванные шлемы. Богиня Афина на голове носила аттический шлем, для которого был характерен конский гребень. Имеется копия ее изображения, сделанного Фидием, где она стоит, держа в одной руке снятый с головы шлем [Лосев, 1991]. Что хотел передать этим жестом скульптор, неясно. Мода украшать шлем конским гребнем восходила к карийцам (Геродот, I, 171). В Италии в Монтолеоне-ди-Сполето была найдена колесница, стены которой покрывали бронзовые листы со сценами из жизни Ахилла. Его мать, богиня Фетида вручает Ахиллу доспехи – щит, украшенный двумя масками (одна из них – Горгоны) и аттический шлем, увенчанный головой барана и гладким гребнем. В этой сцене, щит упирается в живот опрокинутого на спину копытного зверя (оленя?) [Музей Метрополитен. Этруская колесница].

Обряд, совершавшийся над жертвенным животным, напоминал обычай, когда к груди жертвенной лошади, снаряженной специфическими (культовыми) атрибутами, подвешивался нащечник шлема [Раев, 2007]. Сам нащечник являлся символом целой вещи – шлема. Вместе с жертвенным животным, снаряженным в потусторонний мир, он предназначался богам.

Предположение, что поминальные комплексы состояли из вещей, среди которых шлемы, символизируют павших воинов, а сбруя – боевых коней, требует дополнительной аргументации [Раев, Симоненко, 2007, с. 272].

Элементы солнечного культа были представлены и в Новолабинском могильнике. Заслуживает внимания разрушенное погр. 1, в котором среди прочего инвентаря были обнаружены 19 горгонейнов с женскими лицом. Эти керамические бляшки были покрыты белым ангобом и золотой краской. Они являлись изображением Медузы и Афины в эллинистическое время. И хорошо известны на Северо-Западном Кавказе [Эрлих, 2012]. Согласно мифу, отрубленная голова Медузы была передана Афине, и та прикрепила ее к своему легендарному щиту, получившему название «горгонеон».

Новолабинский могильник можно поставить в один ряд с так называемыми «странными комплексами» эллинистического времени, которых уже немало открыто в Восточной Европе. Совершенно справедливо мнение о том, что они не являются погребальными комплексами. Там нет останков человека, да и вещи в них – это не погребальный инвентарь. Е.Ф. Редина и А.В. Симоненко высказали предположение о том, что эти «клады» могут являться следами несостоявшегося рейда конницы варваров, союзников Митридата, на Рим через Северное Причерноморье и Фракию [Редина, Симоненко, 2002, с. 86]. Однако эта версия недавно уже получила критическую оценку [Дедюлькин, 2016].

К IV в. до н. э. относится серия золотых обивок скифских горитов со сценами из жизни троянского героя Ахилла. Один из них был найден в дельте Дона в кургане 8 группы «Пять братьев». Жизнь героя трагически обрывается. Прощание с ним символизируют его доспехи, положенные на землю. Под щитом виден полуприкрытый им аттический шлем. Эта сцена повторена на двух фризах. Кроме того, из этого погребения происходит меч, ножны которого украшены золотым листом с батальной сценой, в которой павший герой лежит на земле, держась за уздечку коня, припавшего на колени. Его аттический шлем лежит в стороне, будто символизируя прощание с жизнью всадника. По-видимому, доспехи или отдельный шлем, лежавшие на земле, свидетельствовали о расставании с жизнью [Ильюков, Пашиньян, 1999]. Возможно, они лишь указывали на момент расставания с ней. И в то же время доспехи, оставленные на земле, позволяли совершить поминальный обряд по ушедшим соплеменникам, души которых направлялись в иной мир.

По-видимому, в разрушенном погр. 1 Новолабинского могильника находились церемониальные (женские?) вещи. Одна из них – это головной убор, украшенный золотой пластиной. По-видимому, к нему относилась узкая золотая пластина, края которой были прямо обрезаны, но не подогнуты. Она крепилась к каркасу головного убора при помощи миниатюрных гвоздиков, расположенных по периметру. Края пластины не подогнуты. Они были прибиты к деревянной поверхности гвоздиками, как пластины на ритуальных чашах скифского времени. На поверхности пластины изображена сцена борьбы двух грифонов. Эта сцена напоминает один сюжет на золотой пластине от головного убора из Карагодеуашхского кургана, открытого Е.Д. Фелицыным: края пластины из этого кургана тоже не были подогнуты и крепились к деревянному каркасу при помощи миниатюрных гвоздиков [Анфимов, 1987, с. 129–135].

В кургане Карагодеуашх была открыта каменная гробница, состоявшая из четырех помещений, расположенных по одной линии. В первом из них находились останки колесницы, скелеты двух или трех упряжных лошадей и саркофаг, в котором была похоронена женщина. Около ее черепа найдена золотая пластина треугольной формы от головного убора с рельефными изображениями в виде нескольких фризов. В нижнем ряду в центре сидит женщина с пирамидальным, украшенным рельефом головным убором, поверх него наброшено покрывало (?), спускающееся на плечи. По-видимому, такой же головной убор находился на голове погребенной в карагодеуашхском склепе. Золотая пластина крепилась гвоздиками к лицевой поверхности этого убора. Рядом с сидящей фигурой находилось несколько персонажей, которые ей предлагали питье. Этот фриз отделяла узкая полоска с изображениями двух грифонов. Выше них расположен еще один фриз с изображением колесницы, запряженной парой лошадей. Нагрудные ремни этих животных украшены пластинами. В центре каждого нагрудника выделена центральная часть овальной формы. Несомненно, изображения на карагодеуашхской пластине были связаны с погребальным культом [Манцевич, 1962].

Было высказано предположение, что, вероятно, Новолабинское погребение 1 было связано с серией безинвентарных человеческих погребений этого могильника. И в то же время оно близко тенгинским ритуальным комплексам [Эрлих, 2013, с. 91]. С каждым годом растет количество открытых ритуальных комплексов на Западном Кавказе [Древности «Долины яблонь», 2014].

У Гомера в «Илиаде» торжественные гекатомбы «приносили» к подножью «платана», где струится ручей. Нередко на священном дереве в определенном порядке развешивали доспехи, являвшиеся трофеями поверженного воина (Плутарх, Ромул, XVI). У древних греков «Гекатомба» – это 100 быков и баранов, отобранные для жертвоприношения (Гомер, Илиада, 26). Древние греки сделали солнце главным божеством и поклонялись ему. Каждый год они посвящали ему колесницу с лошадьми, запряженными в нее. У греков год начинался с 1-го «гекатомбеона» с первым новолунием после летнего солнцестояния. В конце первого месяца праздновался основной афинский праздник, который был посвящен богине Афине. Разыгрывался «спектакль» ее рождения, во время которого устраивались конские ристалища и совершалось большое жертвоприношение [Балонов, 2000]. Чтобы совершить военный поход и вернуться с поля брани, нужно было совершить жертвоприношение богам. Для благодарственного жертвоприношения жертва должна была отвечать целому ряду требований, которые остаются непонятными современным исследователям [Спасовский, 2013]. Еще Геродот пытался соотнести пантеон скифских кочевников и греков, давая варварским божествам эллинские имена [Кисель, 2013].

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1987.
- Балонов Ф.Р.* Колесничьи ристания как форма погребального жертвоприношения // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней / Ερμιφεία 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 194–198.
- Беглова Е.А.* Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004. Вып. 3. С. 88–111.
- Беглова Е.А.* Отчет об исследовании грунтового могильника IV Новолабинского городища в 2008 году // Архив ИА РАН.
- Беспалый Г.Е.* Отчет об археологических раскопках Кургана 1 восточного могильника городища Новолабинское IV в Усть-Лабинском районе Краснодарского края в 2013 г. // Архив ИА РАН.
- Дедюлькин А.В.* Шлемы аттического типа с козырьком и votивные клады III–I вв. до н. э. // Stratum plus. 2016. № 3. С. 163–196.
- Древности «Долины яблонь»: Каталог выставки. М., 2014. 142 с.
- Ильюков Л.С.* Отчет об исследовании археологических памятников в окрестностях IV Новолабинского городища в Усть-Лабинском районе Краснодарского края в 2011 г. // Архив ИА РАН.
- Ильюков Л., Пашиных К.* На краю Меотиды. Греки и Варвары в Северо-Восточном Приазовье в I тысячелетии до нашей эры. Ростов н/Д: Рим-V, 1999.

Кисель В.А. О культе конского божества у древних кочевников // Археологический сборник. Вып. 39. СПб., 2013. С. 31–39.

Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова В.Р., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья IV–III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святые места и ритуальные комплексы. М.: ГМИНВ, 2013. 183 с.

Лосев А.Ф. Афина // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 125–128.

Манцевич А.П. О золотой пластине из кургана Карагодеуашх (к толкованию сюжета) // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XXIII. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 41–43.

Мец Ф. О возможных семантически параллелях «рогатым» лошадям пазарьской культуры // Теория и практика в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2013. С. 91–102.

Мордвинцева В.И. Комплекс с золотыми украшениями упряжи из Краснодарского музея // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. Вып. 191. М., 2012. С. 176–180.

Музей Метрополитен. Этрусская колесница. URL: <http://domongol.org/viewtopic.php?f=112&t=9178> (дата обращения: 02.10.2016).

Переводчикова Е.В., Раевский Д.С. Еще раз о скифских наверхиях // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. (История и культура). М.: Наука, 1981. С. 42–52.

Потапова Ю.Б. Научный отчет о раскопках Новолабинского могильника за 2012 г.

Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. 86 с.

Раев Б.А. Вторичное использование элементов античного доспеха варварами Прикубанья // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. № 2. Саратов: Саратовский государственный университет, 2007. С. 375–389.

Раев Б.А. Гекатомбы Новолабинского могильника // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 2014. С. 156–158.

Раев Б.А., Симоненко А.В. «Странные комплексы»: от эпохи латена до могилы Неизвестного солдата // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок / отв. ред. В.Ю. Зуев. Ч. 2. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2007. С. 268–272.

Редина Е.Ф., Симоненко А.В. «Клад» конца II–I вв. до н. э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар: ООО «Крайбибколлектор», 2002. С. 78–96.

Симоненко А.В. О крестовидных и подковообразных «псалях» раннесарматского времени // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. Вып. 191. М., 2012. С. 208–216.

Спасовский Ю.Н. Лошади Новолабинского городища // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: мат-лы конф. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 389–394.

Шевченко Н.Ф. «Сарматские жрицы», или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // Вестник древней истории. 2001. № 1. С. 141–154.

Эрлих В.Р. Украшения из золоченой терракоты в меотских памятниках Прикубанья (к проблеме культурных контактов в раннеэллинистическое время) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. Вып. 191. М., 2012. С. 259–272.

Эрлих В.Р. Святые места некрополя Тегинского городища II, IV вв. до н. э. М.: Наука, 2013. 212 с.

Рис. 1. Новолабинский могильник:

1 – удила с псалями с флажковидными окончаниями;	6 – глазчатые бусы;
2 – удила с прямыми стержневидными псалями;	7, 8 – шумящие подвески – «колокольчики»;
3 – дуговидный псалий с утолщениями на концах;	9 – пластинчатые нагрудники с подвесками;
4 – удила с крестовидными насадками;	10 – нащечник шлема;
5 – удила с кольцевидными окончаниями;	11 – пластинчатые налобники

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КУЛЬТУРЕ САРМАТОВ ВЕНГЕРСКОЙ НИЗМЕННОСТИ

Э. ИШТВАНОВИЧ,
В. КУЛЬЧАР

В данной статье на примере нескольких археологических находок (?), в их числе поясные гарнитуры с так называемыми сарматскими пряжками, продукция сарматского гончарного центра, производящего керамику по римским образцам и пр., рассматривается ряд проблем, связанных с культурными заимствованиями, появившимися в среде сарматских кочевников, которые поселились на территории Алфёльда (Венгерской низменности) с I века н. э. Акцент делается не на обзоре собственно импортных предметов, а на сарматском «переосмыслении» форм, стилей и технологий соседей-римлян.

Ключевые слова: сарматы, Венгерская низменность, поясные наборы, кухонная керамика, фибулы, бусы.

В венгерской археологии стал общим местом тезис о том, что сарматы – степные кочевники, поселившиеся на территории Алфёльда (Венгерской низменности) с I в. н. э. – приспособились к новому окружению, перейдя на оседлый образ жизни. Вместе с этим они переняли множество культурных элементов у автохтонного населения – кельтов и даков(?), соседей – населявших римские провинции Паннонии, Дакии и Мёзии, а также населения германского Барбарикума. В своей недавней статье мы суммировали немногочисленные степные традиции, сохраненные в среде сарматов Карпатского бассейна [Иштванович, Кульчар (в печати)].

Если от общего сарматского материала отделить продукцию местных мастеров, сделанную, как считается, по образцам автохтонного населения, импортные вещи, а также предметы, обычно интерпретируемые как проявление римского или германского влияния, то становится непонятно: что же можно считать собственно сарматским? Сразу нужно отметить, что речь идет о явлении, общем для большинства этнических групп, прибывавших в Карпатский бассейн в течение тысячелетий: населения ямной культуры, предскифского времени, скифов, сарматов, авар, венгров, вплоть до куманов-кыпчаков и ясов средневековья. Поэтому изучение сохранения самобытных элементов культуры и заимствования новых черт может дать ответы и на более общие вопросы.

Если исходить из археологических находок, то мы столкнемся с обычными проблемами: как определить, какая «чужая» вещь является предметом импор-

та, какая – трофеем, взятым в набеge, а какая – подарком. Все эти «чужие» вещи относительно легко выделить из сарматского материала. Гораздо труднее, а часто и вовсе невозможно, понять, являются ли тот или иной стиль или техника производства самобытными, или же они сложились под внешним влиянием.

В качестве классического примера последнего можно привести проблему поясных гарнитур с так называемыми (в венгерской литературе) сарматскими пряжками (рис. 1). Это длинные, в большинстве своем прямоугольные, узкие фацетированные пряжки и наконечники поясов или обувных ремней в том же стиле [Вадаи, Кульчар, 1984]. Происхождение таких гарнитур дискуссионно. Пряжки не находят точных аналогий в степной сарматской среде. В то же время наконечники ремней родственны широко распространенным по всей степной полосе Восточной Европы изделиям группы Па по классификации В.Ю. Малашева [2000, с. 199–200, 207–209], который датирует эти вещи первой половиной III века. Это в общем согласуется с датировкой С.И. Безуглова, хотя он не исключает и конец II в., определяя время погребения из могильника Центральный самым концом II – первой половиной III в. [Безуглов, 1988, с. 111].

Итак, возможны следующие решения проблемы распространения характерных ременных наборов с фацетировкой:

- 1) это стиль и изделия римских мастерских; техника и общий облик пряжек и наконечников ремней – западные, а к восточным сарматам они попадают при посредничестве карпато-дунайских соплеменников;
- 2) формы наконечников и отчасти пряжек, а также стиль их декора в еще не сложившемся виде попал на Венгерскую низменность с приходом новой восточной волны сарматов. Так же, как и В.Ю. Малашев, на данном этапе исследований мы воздерживаемся от однозначного решения вопроса.

Во многих случаях между археологическим определением «импорта» и «вещью, сделанной под влиянием импорта», проходит весьма тонкая грань. Это относится, например, к керамике со штампованным орнаментом, по поводу которой недавно было высказано предположение, что она хотя бы отчасти была сделана гончарами-варварами по римским образцам [Szebenyi, 2013]. То же самое, видимо, выяснится о крашеной керамике, которую всегда считали римской, однако в последнее время на новостроечных раскопках большими площадями она обнаружена в огромных количествах, и трудно представить, что вся она была завезена из римских провинций.

Особый случай представляет собой продукция гончарного центра, открытого рядом с Юллë/Üllö, где было найдено около 50 горнов. Здесь велось специализированное производство кухонных гончарных горшков с профилированными венчиками (рис. 2). Посуда этого типа характерна для позднеримских провинций, откуда, видимо, сарматские гончары и получали образцы и технологические навыки для своих подражаний (подробнее см.: [Istvánovits, Kulcsár, 2005; Istvánovits, Kulcsár, Mérai, 2011; Kulcsár, Mérai, 2011]).

Традиционно считалось, что значительная часть фибул, использовавшихся сарматами, поставлялась из римских провинций. Однако сейчас в нашем распоряжении имеется уже целая серия форм для отливки фибул римских типов, найденных на сарматских поселениях (рис. 3). Наиболее показательны экземпляры из бронзолитейной мастерской, остатки которой были раскопаны в Тисафёльдваре/Tiszaföldvár [Vaday, 2005].

Наверно, самый многочисленный тип находок – это стеклянные бусы, происходящие, главным образом, из женских погребений. Очень часто они встречаются не только как ожерелья, но и как украшение одежды – ими обшивались края платья, особенно подол, а также обувь. Нередко в одном погребении могли встречаться сотни бус (рис. 4). Принято считать, что стеклянные бусы являются продукцией римских мастерских, один такой центр – Тибискум/Tibiscum в Дакии – удалось идентифицировать [Benea, 2004]. В то же время сам обычай украшения одежды бусами явно степной.

В свете сказанного выше стоит снова задуматься о понятиях «самобытного» и «чужого» в культуре сарматов Венгерской степи, не говоря о приобретенных и приспособленных к собственному вкусу культурных чертах, на примере степного народа кочевников, осевшего на новой земле.

ЛИТЕРАТУРА

Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // Советская археология. 1988. № 4. С. 103–115.

Вадаи А., Кульчар В. К вопросу о так называемых сарматских пряжках // Acta Archaeologica. XXXVI. 1984. С. 239–261.

Иштванович Э., Кульчар В. Сарматы на границах Римской империи – сохраненные степные традиции // Сарматия от Алтая до Дуная (к 30-летию открытия сарматских «царских» захоронений возле с. Пороги Ямпольского района Винницкой области). Винница, 2014.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: мат-лы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / под ред. Ю.К. Гугуева. Ростов н/Д, 2000. С. 194–232.

Benea D. Die Römischen Perlenwerkstätten aus Tibiscvm (Atelierele Romane de mărgele de la Tibiscvm). Timișoara, 2004.

Istvánovits E., Kulcsár V. Gritty pots. A characteristic type of Roman provincial import and barbarian pottery on the barbarian settlements of the Great Hungarian Plain. In: **Limes XIX. Proceedings of the XIXth International Congress of Roman Frontier Studies**. Pécs, 2005. P. 987–997.

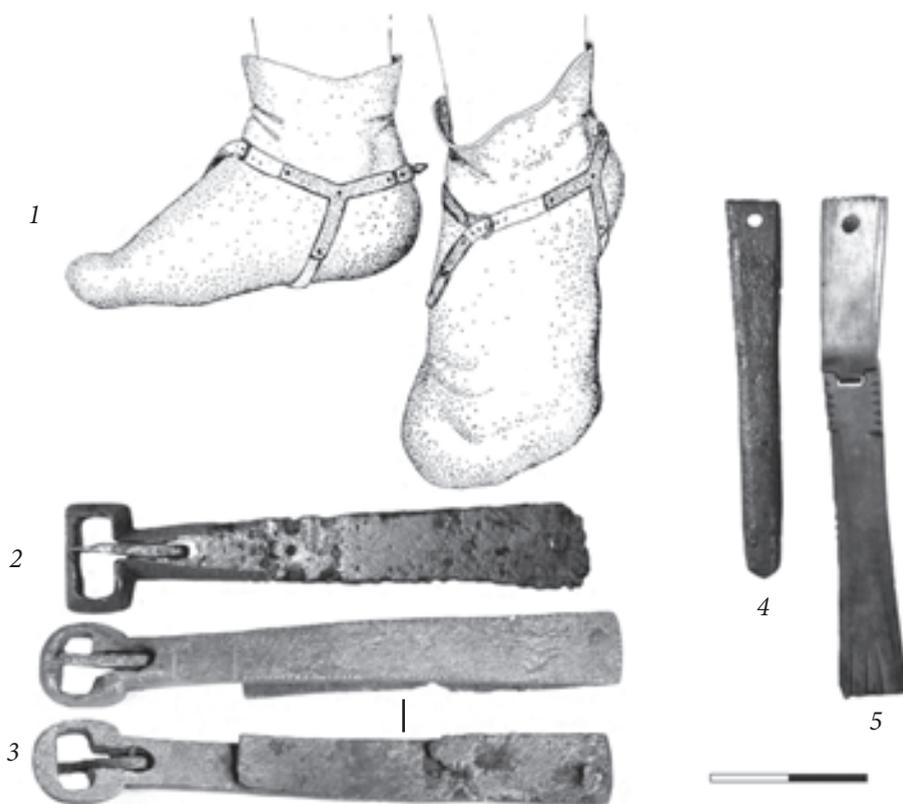
Istvánovits E., Kulcsár V., Mérai D. Roman Age Barbarian Pottery Workshops in the Great Hungarian Plain. In: **Drehscheibentöpferei im Barbaricum Technologietransfer und Professionalisierung eines Handwerks am Rande des Römischen Imperiums. Akten der Internationalen Tagung in Bonn vom 11. bis 14. Juni 2009**. Herausgegeben von Jan Bem-

mann, Morten Hegewisch, Michael Meyer, Michael Schmauder. Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie. Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. Bonn, 2011. S. 355–369.

Kulcsár V., Mérai D. Roman or Barbarian? Provincial Models in a Sarmatian Pottery Center on the Danube Frontier. In: E.C. De Sena and H. Dobrzanska (eds.). **The Roman Empire and Beyond: Archaeological and Historical Research on the Romans and Native Cultures in Central Europe, BAR-IS 2236**. 2011. P. 61–80.

Szebenyi T. Pecséltelt kerámia Üllő 5. lelőhely szarmata telepéről [Bowls with stamped ornamentation at site Üllő 5]. In: **Acta Iuvenum. Sec. Archaeologica I**. 2013. S. 9–31.

Vaday A. Adatok a szarmaták fémművességéhez [Angaben zur Metallurgie der Sarmaten (Tiszaföldvár-Téglagyár/Ziegelei)]. In: **A Szántó Kovács Múzeum Évkönyve 7**. 2006. 151–198.

Рис. 1. Реконструкция обувной гарнитуры:

- 1 – реконструкция обувных ремней (по: [Вадаи, Кульчар, 1984, рис. 8, 2, 4–5]);
- 2 – Сёдлигет–Чёрёг/Szödliget–Csörög, погр. 16 и 30 (неопубликованные раскопки В. Кульчар, музей им. И. Трагора, Вац);
- 3 – Ньиредьхаза – Фелшёшима, погр. 172/Nyíregyháza–Felsősim (неопубликованные раскопки Э. Иштванович, музей им. А. Ёжи, Ньиредьхаза)

Рис. 2. Продукция гончарного центра, открытого рядом с Юллё/Úllő (по: [Istvánovits, Kulcsár, Mérai, 2011, fig. 9–10])

Рис. 3. Фibuла и литейная форма:

- 1 – глиняная форма для отливки, Эчер/Ессер, местонахождение 7, объект 4180 (неопубликованные раскопки В. Кульчар, музей им. Кошшута, Цеглед);
 2 – фибuла сарматского типа, Юллё/Üllö, местонахождение 5, объект 6100 (неопубликованные раскопки В. Кульчар, музей им. Кошшута, Цеглед)

Рис. 4. Образцы стеклянной продукции:

- 1 – бусы из Тибискума (Банатский музей, Тимишоара),
 2 – Ньиредьхаза–Фелшёшима, погр. 192 и 57 (неопубликованные раскопки Э. Иштванович, музей им. А. Йожи, Ньиредьхаза)

О ФОРМИРОВАНИИ ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ У ПЛЕМЕН СРЕДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

В.П. КОПЫЛОВ,
А.Н. КОВАЛЕНКО

При подготовке к публикации погребальных комплексов среднесарматского времени, обнаруженных в 1989 г. в устьевой области реки Маныч, авторы обратили внимание на проблему, связанную с историей возникновения элитарной культуры в среде сарматских племён в Нижнедонском историко-культурном регионе в первые века нашей эры. Анализ погребальных комплексов среднесарматского времени из могильников Плоский I и Плоский II показал, что среди них отсутствуют захоронения, которые в полной мере можно считать погребениями элиты. Тем не менее, в погребальном обряде этой группы сарматского населения представлены отдельные элементы и черты элитарной культуры, которая, очевидно, в середине I в. н. э. уже получила свое оформление.

Ключевые слова: социальная структура кочевого сообщества, среднесарматская археологическая культура, элитарная культура, характер погребального сооружения, погребальный инвентарь.

При изучении социальной структуры того или иного кочевого сообщества пристальное внимание всегда сосредоточено на источниках, отражающих особенности жизни и культуры высших общественных слоев. Захоронения элиты скифов, сарматов и других древних народов исследованы достаточно предметно. Значительное внимание этой теме, в частности элите сарматского общества, было уделено и в работах Бориса Ароновича Раева [Раев, 1979, с. 201–211; Раев, 1986]. В то же время остаются вопросы, нуждающиеся в более детальном изучении.

В научной литературе нам не удалось обнаружить четкого определения элитарной культуры среднесарматской общности. Согласно определению авторов культурологической энциклопедии, элитарная культура (от франц. *elite* – отборное, избранное, лучшее) – субкультура привилегированных групп общества, характеризующаяся принципиальной закрытостью, духовным аристократизмом и ценностно-смысловой самодостаточностью. Апеллируя к избранному меньшинству своих субъектов, элитарная культура сознательно и последовательно противопоставляет культуру большинства [Левит, 1998, с. 385].

Как нам представляется, элементы этой субкультуры формируются в обществе в период относительной стабильности, когда получает оформление его элита и в сознании общества выделяются и осознаются элементы материальной культуры, указывающие на принадлежность к этой культуре. При развитии стратификации общества, в нем могут выделяться отдельные группы, не являющиеся в полной мере элитой, но стремящиеся принадлежать к ней и подчеркивающие эту свою принадлежность материальными элементами, которые являются частью уже сформированной элитарной культуры. Как представляется, элитарная культура того или иного народа возникает не сразу, а формируется на определенном этапе его исторического развития. В частности, может быть поставлен вопрос о времени формирования элитарной культуры у средних сарматов. Мы не претендуем на окончательное решение этой проблемы, но постараемся охарактеризовать основные черты элитарной культуры и попытаемся рассмотреть их на примере среднесарматских погребальных комплексов из двух курганных могильников исследованных нами в устье р. Маныч.

В 1989 г. археологической экспедицией Ростовского государственного педагогического института были исследованы могильники Плоский I и Плоский II, расположенные в устье реки Маныч, на первой надпойменной террасе реки Дон, к югу от станицы Нижне-Манычской, которые содержали представительную серию погребений среднесарматского времени. В этих могильниках было исследовано 15 курганных насыпей, содержащих погребения от эпохи ранней бронзы до половецкого времени. Концентрация погребальных комплексов кочевников в районе устья реки Маныч может объясняться наличием здесь переправы, существовавшей еще в эпоху бронзы. Значительный интерес представляет концентрация здесь погребальных комплексов сарматского времени. Следует отметить, что все курганы могильника Плоский II принадлежали сарматам. Из 14 исследованных сарматских погребений в этих двух могильниках 10 комплексов было совершено под индивидуальными насыпями. Несмотря на то что большая часть погребений (85 %) была ограблена [Копылов и др., 1990, с. 19], получена представительная коллекция довольно информативного материала. Наряду с набором вооружения, что наиболее типично для кочевых племен, важным является то обстоятельство, что среди этих комплексов присутствуют погребения, содержащие предметы импорта, позволяющие достаточно узко их датировать в пределах I в. н. э.

По мнению Б.А. Раева, именно с середины I в. н. э. на Нижнем Дону фиксируется серия богатых могил, принадлежащих сарматской элите, которые он связывает с появлением в регионе алан [Raev, 1986, p. 59]. Им специально было отмечено, что в предшествующий период ни на Дону, ни в каком-либо другом регионе, связанном с сарматами, аналогичных памятников не было.

Особо отметим, что элитные захоронения этого времени в регионе присутствуют, но возникает вопрос: а можем ли мы говорить об уже сложившейся

элитарной культуре у сармат в это время. Для этого необходимо выделить отдельные элементы элитарной культуры в сарматском обществе. Очевидно, к числу таких критериев могут быть отнесены признаки, принятые для выделения элитных погребений. К числу таких признаков исследователи относят наличие курганной насыпи, отмеченной значительной степенью трудовых затрат; инсигнии власти; проявление профессиональной (сословной) принадлежности погребенного (воин, служитель культа, ремесленник) [Моргунова, 1994, с. 166]. В.М. Массон к числу социально значимых признаков в степных культурах относил также зарождение обряда человеческих жертвоприношений, усложненность внутреннего устройства кургана, а также «богатство» инвентаря, заключающегося не в количестве, а в уникальности и престижности отдельных вещей [Массон, 1976, с. 168–169, 175; 1994, с. 4].

В могильниках Плоский I и Плоский II, как мы полагаем, можно выделить серию погребальных комплексов, в которых присутствуют элементы элитарной культуры. В могильнике Плоский I к таким комплексам можно отнести три кургана: курган 3, 4 и 9.

Курган 3 содержал одно погребение среднесарматского времени, которое являлось основным в кургане. Вокруг погребения с запада и востока находился материковый выкид. Могильная яма представляла собой широкий прямоугольник, который по длине был ориентирован по оси С–Ю. Погребение было ограблено в древности. Антропологическое определение сохранившихся в заполнении костей погребенных, выполненное Е.Ф. Батиевой, показало, что они принадлежали женщине старше 18 лет и ребенку не старше 3 лет. В заполнении могилы были обнаружены также остатки древесного тлена и погребальный инвентарь. В составе инвентаря присутствуют предметы вооружения, представленные железными черешковыми наконечниками стрел, железный нож с горбатой спинкой, каменный оселок, бронзовые обоймы, а также фрагментированные керамические сосуды, представленные сероглиняным кувшином и двумя светлоглиняными амфорами, одна из которых имеет двуствольную ручку. Очень важными являются находки амфор, которые позволяют четко и узко датировать данный комплекс. К элитарной культуре в данном случае, по нашему мнению, можно отнести сам факт совершения захоронения под индивидуальной насыпью высотой свыше 1 метра, а также особенности подкурганного погребального сооружения и наличие предметов импорта и вооружения.

Курган 4 также был сооружен над сарматским погребением. Форма погребального сооружения и погребальный инвентарь позволили датировать данный памятник I в. н. э. По мнению Б.А. Раева, подобные комплексы относятся к аланскому кругу памятников [Раев, 1979, с. 203]. Высота насыпи кургана 4, как и в кургане 3, составляла более одного метра. Курган содержал единственное погребение, которое было ограблено в древности. Вокруг могильной ямы находился мощный выкид. На уровне погребенной почвы были обнаружены остатки перекрытия могильной ямы, которое было сооружено из деревянных

плах, уложенных в два ряда перпендикулярно друг другу. Могильная яма имела квадратную форму. На дне и в углах ямы сохранились углубления, свидетельствующие о присутствии остатков каркасно-столбовой конструкции. На дне могилы были зафиксированы остатки камышовой подстилки и коричневый тлен со следами красной краски. Погребение было ограблено в древности. Антропологическое определение сохранившихся костных остатков показало, что они принадлежали мужчине 25–30 лет. Положение погребенного не восстанавливается. На дне могильной ямы был обнаружен бронзовый таз. В заполнении могильной ямы было открыто значительное количество золотых бляшек разных типов. Судя по результатам анализа этих предметов, выполненного Ю.В. Поповым на базе Института наук о Земле ЮФУ, все они изготовлены из высокопробного металла. Он значительно качественнее того металла, из которого изготовлена бляшка, найденная в скифском кургане 134 Елизаветовского некрополя. К элементам элитарной культуры, в данном случае, можно отнести также характер погребального сооружения, наличие бронзового импортного сосуда и предметов из драгоценных металлов. Следует отметить, что наличие посуды римского и провинциально-римского производства считается одним из признаков при выделении элитарных комплексов [Мордвинцева, 2013, с. 332].

Еще одним комплексом с элементами элитарной культуры является основное захоронение в кургане 9. Захоронение совершено в широкой прямоугольной яме, длинной осью ориентированной на ЮЗ–СВ. В заполнении сохранились следы деревянного перекрытия. Погребенный 18–20 лет, располагался на дне ямы по ее диагонали, в вытянутом положении, на спине головой на ЮЗ. Под костяком сохранились остатки деревянного настила. В составе погребального инвентаря присутствуют следующие элементы: два железных однолезвийных кинжала; миниатюрный гипсовый (алебастровый) сосудик с зооморфной ручкой; железный нож; бронзовая игла; железный втульчатый наконечник копья, на котором сохранились остатки костяных накладок от чехла; бронзовая пластина; сероглиняный лощеный кувшин; железный крюк и железное кольцо (возможно, ручка деревянного сундука). Помимо этого, в заполнении могилы были обнаружены железный боевой топор и железное тесло. К элементам элитарной культуры в данном случае можно отнести форму погребального сооружения и его конструктивные особенности, а также наличие предметов вооружения и достаточно редкого импортного сосудика.

В могильнике Плоский II, который полностью является сарматским, лишь два комплекса содержали элементы элитарной культуры. К таким комплексам можно отнести основное захоронение кургана 3. Могильная яма имеет форму прямоугольника и длинной осью была ориентирована на С–Ю. Вокруг могильной ямы находился кольцевой выкид. Погребение было ограблено. Согласно антропологическому определению сохранившихся костных остатков, погребение было парным и принадлежало женщине 18–20 лет и ребенку

6–8 лет. На дне могильной ямы были обнаружены сероглиняный кувшин, бронзовый ковш, тёрочник из гальки, а также фрагменты железного ножа с прямой спинкой. В заполнении могильной ямы также были обнаружены фрагменты сероглиняного лощеного кувшина. По составу инвентаря данное погребение может датироваться временем не ранее середины I в. н. э. Следует также отметить, что в кургане 3 находилось еще одно ограбленное погребение, впущенное с уровня погребенной почвы, синхронное основному погребению. Элементы элитарной культуры в данном случае можно отметить в особенностях устройства погребального сооружения, наличии сопутствующего захоронения, а также в присутствии импортной металлической посуды в составе инвентаря.

Отдельные черты элитарной культуры содержит и комплекс кургана 4 могильника Плоский II. Этот курган являлся самым большим в могильнике. Курган содержал единственное захоронение. Вокруг могильной ямы был уложен материковый выкид. Могильная яма имеет форму широкого прямоугольника и длинной осью была ориентирована на ЮЗ–СВ. Погребение было ограблено в древности. Остатки погребального инвентаря представлены железными черешковыми наконечниками стрел, железным топором, железным теслом, железным орудием, а также бронзовыми бляшками. В погребении также были представлены остатки напутственной пищи в виде костей животных. Мы полагаем, что наличие орудий труда в погребальном комплексе может свидетельствовать о проявлении профессиональной (сословной) принадлежности погребенного.

Анализ погребальных комплексов среднесарматского времени из могильников Плоский I и Плоский II показал, что среди них отсутствуют захоронения, которые в полной мере можно считать погребениями элиты. Тем не менее в погребальном обряде этой группы сарматского населения представлены, по нашему мнению, отдельные элементы и черты элитарной культуры, которая, очевидно, в середине I в. н. э. уже получила свое оформление.

ЛИТЕРАТУРА

Копылов В.П., Кузнецов В.В., Янгулов С.Ю. Исследования экспедиции РГПИ в Багаевском районе Ростовской области в 1989 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990. С. 17–22.

Левит С.Я. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга; Алетейя, 1998.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 196 с.

Массон В.М. Развитие элитарных культур, как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 1–8.

Моргунова Н.Л. К вопросу об истоках сарматского элитарного погребального обряда (по материалам эпохи бронзы Южного Приуралья) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 166–169.

Мордвинцева В.И. Погребения варварских элит Северного Причерноморья на рубеже эр и их культурная идентичность // Античный мир и археология. Вып. 16. Саратов: Научная книга, 2013. С. 329–339.

Раев Б.А. Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье // Советская археология. 1979. № 4. С. 201–211.

Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series. 278. Oxford, 1986.

ФИГУРКА КАБАНА ИЗ ГОРОДИЩА «КАЗАНСКОЕ I»

М.И. КРАЙСВЕТНЫЙ

Дается авторская интерпретация глиняной фигурки кабана из раскопок Б.А. Раева на городище «Казанское I» в 2006 г. Рассматривается ее связь с мифологией адыгов. Сделан вывод, что фигурка была изготовлена специально для охотничьего обряда. Отбитые части фигурки обеспечивали охотникам безопасность от мести животного и бога леса – Мэзитхи, и гарантировали удачную охоту в будущем. Это и было достигнуто путем уничтожения всех основных органов чувств животного. Изображенные на боках кабана лошадь и олень свидетельствуют о его принадлежности Мэзитхе.

Ключевые слова: городище «Казанское I», фигурка кабана, органы чувств, охота, Мэзитха, охотничий язык, уход от ответственности, олень молоко.

В 2006 году очередная ежегодная археологическая спасательная экспедиция ЮНЦ РАН под руководством Б.А. Раева проводила работы на городище «Казанское I». Городище расположено в среднем течении реки Кубань, на правом высоком обрывистом берегу, недалеко от ст. Казанская Краснодарского края. Памятник относится к меотской культуре и датируется началом II – серединой III в. н. э. [Раев, 2014, с. 183].

Среди многочисленных, в основном керамических находок наше внимание привлекла поврежденная фигурка дикого кабана. Ее сохранившиеся размеры: 13,2 × 7,5 × 4,0 см. Скульптура изготовлена из качественной глины серого цвета, снаружи залощена до черного металлического блеска и, по выражению Б.А. Раева, является «подлинным произведением декоративного искусства». Фигурка выполнена в гротескной манере, голова значительно увеличена. На боках имеются стилизованные прочерченные изображения лошади и оленя, на морде в овальной рамке нанесены прямые и наклонные линии, разделенные прямой линией (рис. 1). Б.А. Раев считает данную фигурку нижней частью вазы [Там же, с. 185]. К сожалению, фигурка значительно повреждена, отсутствуют верхняя часть головы, рыло с клыками и ноги, «но это не мешает цельному восприятию образа зверя» [Там же, с. 184, рис. 2].

Наше внимание привлекли как раз отсутствующие детали фигурки. Мы считаем, что подобные повреждения не характерны и не логичны для обычного

разрушения предмета. Если фигурку просто пытались уничтожить путем ударов о землю или ударами по ней сверху, то наиболее уязвимым и непрочным является хвост, который должен был отлететь в первую очередь. Но он остался на фигурке, а уничтожены довольно массивные и прочные ее детали. Это позволяет говорить о намеренном и целенаправленном действии по разрушению скульптуры.

Анимистические представления адыгов, тесно переплетенные с друидизмом, являлись традиционными религиозными взглядами на окружающий мир. Как пишет в своей работе «Охота у адыгов» К.К. Хутыз, «люди не отделяли себя от всего живого. Животные, как и человек, мыслились как существа, наделенные “духом”, способностью дышать. Люди думали, что звери их слышат и понимают» [Хутыз, 2001, с. 24].

Посмотрим, какие повреждения нанесены фигурке кабана и спроецируем их на само животное. Верхняя часть головы – здесь находятся основные органы чувств – глаза и уши. Отбив их на скульптуре, совершающий данное действие человек обеспечил утрату слуха и зрения у животного. Подобные действия – перенос желаемого результата с изображения животного на него самого – являются сакральными и совершаются с четко определенной целью и задачей. Зная, что все виды свиней обладают великолепным обонянием/чутьем, фигурке отбили рыло – нос животного. Заодно ликвидированы клыки – самое страшное оружие кабана. Высоко отбитый нос позволяет сделать предположение и об уничтожении языка, т. е. обеспечена немота животного. Известно, что в адыгской мифологии все звери могли разговаривать не только между собой и с другими видами животных, но и с человеком. Отбитые ноги фигурки позволяют предполагать полную обездвиженность живого животного. Оно больше не могло ни убежать, ни погнаться за врагом. Таким образом, свирепое и сильное животное превращалось в абсолютно безопасную тушу, желанную добычу каждого охотника. Уничтожение всех органов чувств приводило к блокированию всех коммуникационных возможностей животного с остальным миром. Изуродованное животное было не в состоянии ни запомнить внешность охотника, ни его голос или запах, т. е. не могло идентифицировать его. Одновременно оно было лишено возможности информировать других животных об охотнике и его намерениях. Всё это приводило к положительному результату на охоте, животные не знали, кто охотник, не знали его идентифицирующих признаков, ведь ответственность за содеянное была строго персональной, а следовательно, не боялись его и близко подпускали, что приводило их к гибели. Для охотника добыча была обеспечена, что делало охоту удачной. Подобные магические ритуальные воздействия на изображение животных с целью обеспечить удачную и безопасную охоту на его живой прототип известны с каменного века.

Для того чтобы еще больше запутать зверей, а по мнению предков адыгов, все они понимали человеческую речь, адыги, как и многие другие народы, создали специальный охотничий язык «Шакобзэ», в котором все животные назывались иными, чем в обычном разговорном языке, названиями. Так,

в общеразговорном языке дикий кабан назывался «мэзыкхъуэ» (лесной кабан) или «кхъуэпIащэ» (вепрь), а на шакобзэ – «пIащэжь» (крупный). Было и второе охотничье название – «пэшъаб» (мягкий нос) [Черкесский календарь, 2015].

Кроме практически обеспеченной удачи на охоте, обезличенный охотник уходил от мести духа убитого животного. По словам Дж. Фрезера, «охотник полагает, что он может стать жертвой мести со стороны бесплотного духа или со стороны других животных того же вида, которых он считает связанными, подобно людям, узами родства и обязательствами кровной мести и поэтому непримиримо относящимися к любому ущербу, причиненному кому-нибудь из их сородичей. Поэтому первобытный человек ставит себе за правило не убивать животных, когда в этом нет насущной необходимости. Так, по крайней мере, он поступает по отношению к животным свирепым и грозным, от которых за убийство их сородичей можно ожидать кровной мести» [Фрезер, 1923]. У адыгов же кровная месть в отношении врагов-людей имела наиболее устойчивый и продолжительный негативный характер, и ее следовало всячески избегать. Возможно, что и к мести животных следовало относиться более осмотрительно и не игнорировать ее.

Практика попытки уйти от мести и личной ответственности за убитое животное широко распространена у разных народов мира. Применялись самые разные сакральные методики: от попыток задобрить убитое животное, его дух, до отрицания совершенного охотником действия. Дж. Фрезер в «Золотой ветви» приводит целый ряд различных уловок для того, чтобы охотник не поссорился с духами животных, не испортил будущей охоты и смог избежать наказания. У одних народов утверждалось, что животное не убивали, а оно само упало и разбилось, у других, что животное само попало в ловушку «по глупости», некоторые «перерезали животным сухожилия», «завязывали пасть» и «выкалывали глаза» и т. д. [Фрезер, 1923]. Однако большинство этих манипуляций было связано с блокированием отдельных органов чувств, что оставляло возможность животным персонифицировать охотника, а следовательно, не гарантировало удачную охоту в будущем. Кроме того, похоже, что подобные действия производились для каждого вида животных по отдельности.

Безусловно, предки современных адыгов прекрасно знали все уловки охотников, как уйти от мести животных и ответственности перед ними. И они, похоже, поступали в решении данной проблемы весьма радикально. Возможно, это было ноу-хау адыгских охотников. Они просто уничтожали всю информационно-коммуникативную систему животного, делая его дух абсолютно беспомощным и не способным к нанесению вреда ни в отношении будущих охот, ни в отношении мести. Надо отметить, что обезличенность, т. е. сокрытие своей личности, применялось не только в охотничьей магии, но и в реальной жизни. Известно, что адыгские князья во время своих набегов на соседей закрывали свои лица лопастями башлыка с целью быть неузнанными. Это давало возможность противнику нападать на него, т. к. личность князя была неприкосновенна, но князья, скрыв свое лицо, лишались подобного «табуирования»

и пощады со стороны противника и сражались в самых жестоких схватках, зачастую погибая в них.

Дикий кабан (*Sus scrofa*), он же вепрь и секач, широко распространен в северном полушарии Евразии, от Испании до Тихого океана. В горах и предгорьях Кавказа он обитал в огромных количествах и всегда был объектом охоты. Адыги охотились на кабана с копьём или луком, часто с применением собак.

Дикий кабан всегда считался одним из самых свирепых и опасных животных. Охота на него была сопряжена с огромным риском и требовала от охотника отваги, силы и опыта. Изображения сцен охоты на кабана встречаются начиная с мозаик античной Италии заканчивая прекрасными изображениями на блюдах Сасанидской эпохи. Охота или сражение с кабаном приравнивалась к величайшим подвигам. Не случайно борьба Геракла с Эриманфским вепрем считалась его пятым подвигом. От клыков кабана погиб возлюбленный Афродиты Адонис. У адыгов есть легенда об охотнике Шауе, который за убийство матерого «белонного кабана» был признан лучшим и избран тхамадой, т. е. предводителем охотников (Шауей).

У адыгов было весьма актуальным и просто необходимым не столько обезопасить себя от мести духа кабана и других животных, сколько уйти от ответственности перед богом леса – Мэзитхой (от «мэз» – лес и «тхьэ» – бог). Кабан в их представлении являлся не только опасным и свирепым противником, но и был тесно связан с этим божеством, ездовым животным которого он считался.

Полагаем, что фигурка кабана из городища непосредственно связана с Мэзитхой. Об этом свидетельствуют изображенные на боках животного лошади и олень. Стилизованное изображение лошади говорит о том, что кабан использовался Мэзитхой как лошадь, т. е. был ездовым животным. А изображение оленя свидетельствует о том, что Мэзитха, сидя на кабане, призывал к себе оленей и ланей. Л.Я. Люлье писал: «Мэзитх – божество лесов, которого молят о счастливом успехе охоты. Горцы представляют себе его едущим верхом на кабане, у которого золотая щетина. По его мановению олени и лоси собираются в лесах, и тогда девушки доят самок их» [Люлье, 1862]. То же самое говорит и Хан-Гирей [Хан-Гирей, 2008, с. 134]. Здесь надо обратить внимание на получение молока от оленух. Оленьё молоко считалось у адыгов сильнейшим лекарством, способным спасти больного от смерти. Легенду об этом удивительном лекарстве приводит в своих воспоминаниях Г. Гейнс [Гейнс, 1884]. Аналогичную легенду упоминает и К. Меретуков, рассматривая этимологию названия реки Белая, адыгское название которой – Шгъхьэгуашэ, состоит из двух компонентов: «шгъхьэ» – олень, «гуашэ» – покровитель [Меретуков, 2015]. Кроме того, оленьё молоко «бланэшэ» упоминается и в других адыгских мифах, оно использовалось для вскармливания младенцев – будущих героев-нартов [Мижаев, Паштова, 2012, с. 436].

Возможно, что прочерченными линиями на морде кабана показана его «золотощетинность», а возможно, это реалистическое изображение щети-

ны, которая у старых матерых кабанов направлена вниз и образует по бокам своеобразные «бакенбарды» похожей овальной формы.

Мэзитха считался покровителем и хозяином леса и его обитателей. Он лично распределял, какое животное мог убить тот или иной охотник, строго следил за порядком, полностью отвечал за сохранение животного мира и обеспечивал взаимосвязь «лес – человек». А.М. Дирр отмечал: «Мэзитхе же поручено богом смотреть за дичью. Он стережет дичь, он и дает ее. Без разрешения Мэзитха охотник ничего не убьет; он может убить только то животное, которое Мэзитха назначает ему» [Дирр, 1915, с. 14]. Говоря о боге леса, А.С. Кукк пишет: «Мэзитх строг, щедр к достойным охотникам, но самое главное... это то, что он всегда справедлив». Поэтому «Мэзитх является одним из самых значимых и почитаемых в адыгейском пантеоне» [Кукк, 2013].

Мэзитха представлялся адыгам в виде могучего старика с усами «червонно-го пламени», с телом, «окованным чистым серебром», с рогами на голове. В его руке копьё, а за плечами лук и стрелы. В отдалении видны лани. Перед охотой ему приносились жертвы, в его честь пели специальный гимн или здравицу. Известный адыгский художник А. Берсиров красочно и колоритно изобразил Мэзитху на одной из картин цикла «Черкесский календарь». Картина «Мэзитха» посвящена месяцу ноябрю (адыг. «ШэКюгъу») и в переводе означает пора охоты (рис. 3). Вероятно, именно в это время, перед началом охотничьего сезона, и были проведены манипуляции с фигуркой. Эти манипуляции – лишение животного всей информационно-коммуникативной системы, скорее всего, проводились тхаматой охотников городища или жрецом.

Таким образом, по нашему мнению, фигурка кабана из городища «Казанское I» была специально изготовлена для магического обряда охотников, обеспечивающего удачную охоту в будущем и позволяющего избежать ответственности и мести как со стороны духов животных, так и со стороны бога леса – Мэзитхи.

ЛИТЕРАТУРА

Гейнс Г. Пшехский отряд. Кавказский сборник. 1884. Том 8. С. 444 // Восточная литература. URL: http://t.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1860-1880/Gejns_K/text2.htm

Дирр А.М. Божества охоты и охотничий язык у кавказцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 44. Тифлис, 1915.

Кукк А.С. Образ мифологического божества Мэзитха в мифологии и эпических сказаниях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 1 (114). С. 66–74 // КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mifologicheskogo-bozhestva-mezitha-v-mifologii-i-epicheskikh-skazaniyah-adygov#ixzz4СКК1оBsВ>

Люлье Л.Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. 1862. Кн. 5 //

Абхазская интернет-библиотека. URL: http://apsnyteka.org/file/Lulie_Verovanija_%20religioznye_obriady_i_predrassudki%20_u_cherkes.pdf

Меретуков К. Река Белая (Шъхьэгуашэ) // Адыги.ру. 14.03.2015. URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=5460>

Мижгаев М.И., Паиштова М.М. Энциклопедия черкесской мифологии (боги, герои, культы, представления). На адыг. яз. Черкесск: Нальчик; Майкоп, 2012. 460 с.

Раев Б.А. Археологические данные к проблеме взаимоотношений кочевого и оседлого населения варварской периферии античного мира // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014. Уфа, 2014. С. 182–190.

Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь // Электронная библиотека ModernLib. URL: http://modernlib.ru/books/frezer_dzheymys_dzhordzh/zolotaya_vetv/read_50.

Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 2008. 363 с.

Хутыз К.К. Охота у адыгов: историко-этнографический аспект. Кн. 1. Майкоп, 2001. 224 с.

Черкесский календарь. Мэзитха // Fond-adygi.ru: информационный портал Фонда черкесской культуры «Адыги». URL: <http://fond-adygi.ru/page/cherkesskij-kalendar-nojabr>

Как Шауей стал тхамadou охотников // Адыги.ру. 10.10.2009. URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=498>

Рис. 1. Фигурка кабана из городища «Казанское I» [Раев, 2014, с. 184, рис. 2]

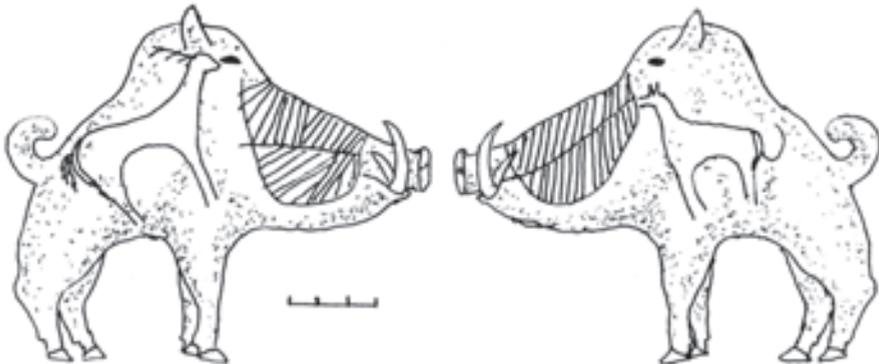

Рис. 2. Графическая реконструкция фигурки кабана (рисунок автора)

Рис. 3. Мэзитха. Месяц ноябрь
(картина А. Берсирова из цикла «Черкесский календарь 2015»)

М.В. КРИВОШЕЕВ,
В.Ю. МАЛАШЕВ

ХРОНОИНДИКАТОРЫ СЕРЕДИНЫ III – IV вв. н. э. ИЗ СТЕПНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА

В работе кратко характеризуется круг наиболее значимых категорий погребального инвентаря середины III – IV вв. н. э. из курганных памятников Волго-Донского региона с позиции его хронологических возможностей и вероятного происхождения. Наиболее показательны в этом отношении ременные гарнитуры, фибулы, зеркала, а также предметы туалетных наборов, игольники и некоторые разновидности украшений.

Ключевые слова: Волго-Донской регион, середина III – IV вв. н. э., погребальный инвентарь, вопросы происхождения, хронология.

В середине III в. н. э. на Нижнем Дону произошли события, которые привели к серьезным изменениям военно-политической и этнокультурной ситуации [Малашев, 2014, с. 76]. С этим периодом связан разгром донской группировки кочевников – носителей позднесарматской культуры, и разрушение Танаиса мигрантами с Центрального Кавказа – носителями аланской культуры. Изменение политической ситуации коснулось не только Нижнего Дона, но и всего Волго-Донского региона. Начиная с середины III в. н. э. наблюдаются изменения и в облике материальной культуры степного населения. Это связано с расширением контактов волго-донских кочевников с ремесленными центрами лесостепной и лесной зоны Волго-Уралья, центральных и восточных районов Северного Кавказа, а также с носителями черняховской культуры.

Впервые вещевой комплекс второй половины III – IV вв. н. э. был выделен в отдельные хронологические группы А.С. Скрипкиным на материалах позднесарматского времени Нижнего Поволжья [Скрипкин, 1984, с. 52–55].

В предлагаемой работе приводится список основных групп погребального инвентаря, характерных для второй половины III – IV вв. н. э., с оценкой их хронологических позиций, актуальных на данный момент. Помимо вещей, регулярно встречающихся в комплексах Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья, мы включили и некоторые находки, которые потенциально могут быть обнаружены в памятниках региона, вследствие контактов с производственными центрами соседних территорий.

Ременные гарнитуры. Наиболее выразительные и характерные признаки отдельных предметов гарнитуров позволяют получать достаточно узкие даты.

Пряжки. Наиболее показательными для хронологической оценки являются морфологические особенности язычков.

1. Наличие низкого уступа или рельефного выступа у основания язычка. Язычки чаще прогнутые в средней части, реже прямые, короткие, не достигающие в передней части до середины сечения рамки. Форма щитков может быть различна (прямоугольные, круглые, овальные) (рис. 1, 1–3). Это соответствует пряжкам разновидностей П8 и П9 [Малашев, 2000, с. 196, рис. 2]. О середине III в. н. э. можно говорить как о нижней дате пряжек с низким уступом/выступом у основания язычка. Скорее всего, приоритет в выработке и широком использовании данного признака принадлежит ремесленным мастерским лесостепных культур Волго-Уральского региона [Малашев, 2014, с. 136–139]. Верхняя граница существования данного признака – около конца III – начала IV в. н. э.

2. Наличие высокого уступа или рельефного выступа у основания язычка. Язычки более массивные, прямые, достигающие в передней части до середины сечения рамки. Щитки чаще овальные, реже прямоугольные; встречаются пряжки без щитков (рис. 1, 4–5). Соответствуют пряжкам П10 по В.Ю. Малашеву. Их хронологическая позиция может рассматриваться от начала (второй четверти) IV в. н. э. до конца данного столетия, с основным периодом распространения во второй и третьей четвертях IV в. н. э. [Малашев, 2000, с. 202, 203, рис. 1, 2; Малашев и др., 2015, с. 99].

3. Язычки достаточно массивные, часто сужающиеся к передней части, с высоким уступом у основания. В передней части язычок заходит за середину сечения рамки и плотно ее охватывает на всю высоту. Данная разновидность ременных застежек часто не имеет щитков (рис. 1, б). Их хронология может рассматриваться в рамках последних десятилетий IV – начала V в. н. э. [Малашев и др., 2015, с. 100].

Наконечники ремней:

1. Наконечники из согнутой вдвое металлической пластины с валикообразным расширением на конце – Н10 по В.Ю. Малашеву (рис. 1, 7) [Малашев, 2000, с. 197]. Датируются со второй половины II в. н. э. с последующим использованием в гуннское время.

2. Центральнo-кавказские двухчастные наконечники-подвески. Подвески без расширения в нижней части, лицевая сторона оформлена в виде двускатной поверхности с ребром посередине и треугольной площадкой в верхней части – Н4 по В.Ю. Малашеву (рис. 1, 8) [Малашев, 2000, с. 197, рис. 2]. Датировка – поздняя часть первой половины – ранняя часть второй половины III в. н. э. [Дзугцев, Малашев, 2015, с. 39–40]. Стилистически близки, но не идентичны предметам центральнокавказской серии, южноуральские наконечники-подвески середины – второй половины III в. н. э. без финала столетия

(рис. 1, 9). Так же как и центральнокавказские, они, видимо, являются имитацией фасетированных предметов ременных гарнитур [Малашев, Яблонский, 2008, с. 57–58; Малашев, 2013, с. 77–78; Малашев, 2014, с. 133].

3. Двухчастные наконечники-подвески с округлым/овальным расширением в нижней части (фасетированные или с имитацией фасетировки) – Н5 по В.Ю. Малашеву (рис. 1, 10) [Малашев, 2000, с. 197, рис. 2]. Судя по составу комплексов, их появление относится к середине II в. н. э., а период наибольшего распространения – ко второй половине этого столетия с заходом в IV в. н. э. [Малашев, 2000, с. 210, рис. 1, 2; Малашев, 2014, с. 133]. Данные предметы встречаются преимущественно в памятниках южноуральской степи и волгоуральской лесостепи. Отдельные находки известны на Северном Кавказе [Малашев, 2000, рис. 7-В, 1–3].

4. Двухчастные фасетированные наконечники-подвески с треугольным (Н6) (рис. 1, 11) и секировидным (Н7) (рис. 1, 12) расширением в нижней части [Малашев, 2000, с. 197, рис. 2] морфологически близки друг другу и характерны для большей части IV в. н. э. Наиболее поздние образцы использовались до финала четвертого столетия [Засецкая, 1993, табл. 61, 357; Малашев, 2000, рис. 12-3, 2]. Может обсуждаться возможность нижней хронологической границы наконечников Н6 в позднем III в. н. э. [Храпунов, 2011, рис. 21, 11, 13; 24, 4, 5; 32, 6–9].

5. Одночастные (фасетированные и без фасетировки) наконечники-подвески с секировидным (Н8) расширением в нижней части, датирующиеся, главным образом, от середины IV до раннего V в. н. э. (рис. 1, 13) [Малашев, 2000, с. 197, 205, рис. 2; Малашев и др., 2015, с. 102].

В составе *сбруйных наборов* можно выделить предметы, показательные для рассматриваемого времени:

1. Детали ошейника или нагрудного ремня в виде накладок и морфологически близких им пряжек прямоугольной формы; предметы чаще объемные, с загнутыми краями, часть имеет по 2 прорези (С5) (рис. 1, 14). Подобные наборы характерны в основном для памятников Заволжья и южноуральских степей середины – второй половины III в. н. э.; отдельные комплексы известны на Северном Кавказе и в Северо-Западном Причерноморье [Малашев, 2000, с. 198, 201, рис. 7-А; 7-Б; 8-А; Малашев, Яблонский, 2008, с. 50–51; Малашев, 2013, с. 54–55].

2. Одним из диагностических признаков сбруйных наборов, появляющихся с середины III в. н. э., служит наличие накладок округлой формы с загнутыми краями (С9) (рис. 1, 15) [Малашев, 2000, с. 198].

3. Крупные сбруйные наконечники с оформлением лицевой поверхности в виде двускатной поверхности с ребром посередине и треугольной площадкой в верхней части (рис. 1, 16). Они происходят из двух комплексов с территории Заволжья и относятся ко второй половине III в. н. э., не исключая раннего IV в. н. э. [Малашев, 2000, рис. 8-А, 1–3; 8-Б, 1, с. 200, 201, 207; Малашев, Яблонский, 2008, с. 58].

4. Сбруйные кольца-распределители с тремя или четырьмя зажимами, являющиеся принадлежностью комплексов IV в. н. э. (С6) (рис. 1, 17а, б) [Малашев, 2000, с. 198, рис. 1].

Еще одним диагностическим признаком ременных гарнитур (в первую очередь предметов сбруйных наборов) второй половины III – IV вв. н. э. является их оформление в *полихромном стиле позднеримского времени* (рис. 1, 17а) [Малашев, 2000, с. 198]. Нижняя хронологическая граница (около середины III в. н. э.) маркируются находками из кург. 1 Гремячий III [Демиденко (в печати)]. Наиболее поздние находки относятся к середине IV в. н. э., с возможностью использования вплоть до гуннского времени [Малашев, 2000, рис. 1, с. 207].

Фибулы. После середины III в. н. э. практически полностью меняется типологический состав фибул в степных погребениях Волго-Донского региона.

Лучковые двучленные (рис. 2, 1) (группа 15, серия III, по А.К. Амброзу, 1966). Данная разновидность застежек достаточно показательна для комплексов второй половины III – IV вв. н. э. [Скрипкин, 1977, с. 107–109; Скрипкин, 1984, с. 31–32, 52; Безуглов, 2008, с. 287; Кропотов, 2010, с. 151]. Для IV в. н. э. отмечается заметное уменьшение размеров застежек по сравнению со второй половиной III в. н. э. [Малашев, 2000, с. 210; Малашев, 2008, с. 271; Габуев, Малашев, 2009, с. 135]. Выделяется группа массивных застежек с широкой, сильно раскованной (иногда декорированной) ножкой второй половины III в. н. э. (рис. 2, 2). Их происхождение по аналогии с одночленными фибулами (см. ниже) предположительно можно связывать с лесостепными районами Волго-Уралья.

Сильно профилированные с нижней тетивой (рис. 2, 3) (группа 11, серия II, по А.К. Амброзу, 1966). Для степных районов данные фибулы также являются диагностическими в комплексах второй половины III – IV в. н. э. [Скрипкин, 1977, с. 113–114; Скрипкин, 1984, с. 32, 52; Безуглов, 2008, с. 287–288]. Для образцов IV в. н. э. также отмечается уменьшение размеров застежек [Безуглов, 2008, с. 287–288; Габуев, Малашев, 2009, с. 135]. На Северном Кавказе подобные застежки распространены с первой половины III в. н. э. [Габуев, Малашев, 2009, с. 135; Гавригухин, 2010, с. 53].

Одночленные пружинные фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника с треугольной коленчато изогнутой спинкой (рис. 2, 4) (группа 13, вариант 8 по А.К. Амброзу, 1966) появляются в первой половине III в. н. э. с последующим использованием во второй половине столетия. Эти же застежки с ромбической спинкой (рис. 2, 5) характеризуют более позднюю стадию в эволюции фибул данной схемы с датировкой середина – вторая половина III в. н. э. [Малашев, Яблонский, 2008, с. 62; Малашев, 2013, с. 106] и встречаются преимущественно на правобережье Волги.

Крупные одночленные застежки, повторяющие схему лучковых, с широкой раскованной орнаментированной ножкой (рис. 2, б) образуют самостоятельную серию с независимой от одночленных лучковых фибул датировкой (преимущественно середина – вторая половина III в. н. э.) и территорией

распространения, охватывающей в основном районы южно-уральских степей [Малашев, Яблонский, 2008, с. 62, 63; Малашев, 2013, с. 16]. Единичный экземпляр известен в Заволжье [Синицын, 1947, рис. 28, 1]. На территории Волго-Донского междуречья такие застежки пока не встречены. Очевидно, центры производства находились в лесостепных и лесных районах Приуралья, откуда происходят несколько фибул.

Черняховские *двучленные прогнутые подвязные фибулы* (рис. 2, 7) (группа 16 подгруппа 2 по А.К. Амброзу, 1966), а также редкие образцы западных типов [Безуглов, 2008, с. 289–291, рис. 7, 1–3]. *Реплики прогнутых подвязных фибул*: встречены в Дербеневском могильнике (двучленные) (рис. 2, 8) [Малашев, 2013, с. 14; 2014, рис. 2, 10, 11] и кург. 2 Веселый III (одночленная) (рис. 2, 9) [Мыськов, Сергацков, 1994, рис. 4, 7]. Все застежки можно отнести ко второй половине III в. н. э.

Застежки-сюльгамы (рис. 2, 10). На территории южной части Волго-Донского междуречья появляются в первой половине III в. н. э., вероятно, ближе к середине столетия. В Заволжье сюльгамы пока неизвестны. В качестве районов, откуда могло происходить их поступление к степному населению, можно указать лесостепное Поволжье, где сюльгамы распространены с первых веков н. э. [Гришаков, Зубов, 2009, рис. 23, 1–5, 8–11; Голдина, 2003, табл. 7, 15–2; 11, 28–6; 124, 22]. Возможно, оттуда же они попадают и в Терско-Сулакское междуречье (Львовские могильники), в курганных некрополях которого данные застежки достоверно известны со второй половины III в. н. э. [Абрамова и др., 2000, рис. 20, 6; 31, 1; Абрамова и др., 2001, рис. 4, 1; 27, 3; 36, 8, 11; 45, 2; 58, 1, 2], хотя допустим генезис данных застежек на Северо-Восточном Кавказе на основе образцов из римских провинций [Малашев и др., 2015, с. 94]. Наибольшее распространение сюльгамы получили во второй половине III – IV в. н. э.

Зеркала (рис. 2, 11, 12). После середины III в. н. э. сглаживается диспропорция между зеркалами с центральной петлей и с боковым ушком, характерная для второй половины II – первой половины III в. н. э. за счет сокращения количества последних¹. Хронологическую значимость для зеркал-подвесок имеет орнамент. В середине II – середине III вв. н. э. для всех типов зеркал характерно широкое использование квадрата в орнаментации. После середины III в. н. э. он практически исчезает [Кривошеев, 2004].

В комплексах второй половины III в. н. э. появляются *предметы туалетных наборов* («копоушки» и др.) [Безуглов, Копылов, 1989, с. 180, рис. 2, 12; Матюхин, Ляхов, 1991, рис. 2, 2], имеющие, скорее всего, центрально-кавказское происхождение (рис. 2, 13). Наиболее ранняя находка «копоушки» происходит из кург. 186 Бесланского могильника (РСО – Алания) середины (поздней части первой половины?) III в. н. э. [Дзуцев, Малашев, 2015, рис. 11, 2, с. 47].

¹ Для рассматриваемого времени количество зеркал с боковым ушком примерно в 1,5 раза меньше зеркал с центральной петлей.

Подвески-лунницы. Хорошим индикатором второй половины III в. н. э. являются подвески-лунницы (рис. 2, 14), входившие в состав ожерелий. Их находки в подавляющем большинстве случаев сочетаются с крупными двучленными лучковыми фибулами (группа 15, серия II по А.К. Амброзу) (рис. 2, 1, 2). Данные подвески происходят с территории южной части Волго-Донского междуречья; они плоские, имеют сильно закрученные концы и не орнаментированы. В Архаринском могильнике в двух курганах обнаружены подвески-лунницы с незакрученными концами. В комплексах IV в. н. э. подобные украшения неизвестны.

Игольники (рис. 2, 15). Металлические игольники в междуречье Волги и Дона получают широкое распространение в середине III – IV вв. н. э. Следует отметить отличительную особенность, имеющую хронологическую значимость: после середины III в. н. э. на бронзовых игольниках появляются обоймочки на концах трубочки. В средней и верхней части всех встреченных серебряных игольников, датированных второй половиной III – IV вв. н. э., также отмечены обоймочки [Кривошеев, 2005, с. 118].

Прочие предметы импорта (рис. 2, 16): черняховские костяные трехслойные гребни и керамическая посуда, янтарные грибовидные подвески, стеклянные сосуды, крупные амфоры на поддоне типа D [Безуглов, 2008, с. 289–291, рис. 4, 10, 11, 17, 18; 6, 7; 7, 10, 19–21] и амфоры типа F.

Рассмотрение возможностей определения хронологических рамок наиболее информативных категорий инвентаря и вопросов их происхождения позволяет сделать некоторые выводы относительно ситуации, сложившейся в Волго-Донском регионе после событий середины III в. н. э. Центральнокавказское население, разгромив Танаис, нарушило сложившиеся производственные и торговые отношения в регионе. Судя по материалам второй половины III – IV в. н. э., кочевое население волго-донских степей было разделено на несколько группировок. Одна из них, основу которой составляли аланы-танаиты, пришедшие с территории Северного Кавказа, контролировала территорию Нижнего Дона, включая правобережье, и северную часть Волго-Донского междуречья [Безуглов, 1988; Безуглов, 2008; Кривошеев, 2016]. Эта группа кочевников использует преимущественно обряд погребений в катакомбах. Их торгово-экономические связи ориентированы на мастерские Северного Кавказа. Среди погребального инвентаря этой группы отмечается поступление импортов черняховского происхождения.

Другую группировку, занимавшую центральные и восточные районы южной части Волго-Донского междуречья, можно связать с позднесарматским населением, которое продолжало обитать на этой территории. После середины III в. н. э. направление их торговых связей переориентируется на производственные центры лесной и лесостепной зоны волжского бассейна и Северо-Восточного Кавказа.

Судя по погребальному обряду и инвентарю, можно говорить о существовании во второй половине III – IV вв. н. э. в волго-донских степях двух поли-

тически независимых группировок кочевников. Их взаимоотношения отличались низкой активностью, что отразилось как на погребальном обряде, так и на направленности торгово-экономических отношений [Кривошеев, 2016]. В данном случае речь идет о различном культурном облике кочевнических групп волго-донских степей в середине III – IV вв. н. э. и о самостоятельной культурной группе нижнедонского населения второй половины III – IV вв. н. э. вне контекста позднесарматской археологической культуры [Малашев, 2009, с. 50; Малашев, 2010, с. 128–129; Кривошеев (в печати)].

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый – 2. М.: «Оргсервис 2000», 2000. 140 с.

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый – 4. М.: «Оргсервис 2000», 2001. 150 с.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. // Археология СССР. Свод археологических источников / под общ. ред. акад. Б.А. Рыбакова. Д1–30. М.: Наука, 1966. 140 с.

Безуглов С., Захаров А. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1988. С. 5–28.

Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии (сборник памяти В.А. Башилова). М.: Таус, 2008. С. 285–301.

Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. № 3. 1989. С. 171–183.

Гавритухин И.О. Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 49–67.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.

Демиденко С.В. Воинское погребение с парадной конской упряжью позднесарматского времени в бассейне реки Курмоярский Аксай // КСИА. Вып. 244. 2016 (в печати).

Дзуцев Ф.С., Малашев В.Ю. Аланская парадная конская сбруя III в. н. э. Владикавказ: Проект-Пресс, 2015. 112 с.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993. 284 с.

Кривошеев М.В. О хронологии позднесарматских зеркал с центральной петелькой // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская

археологическая конференция. Волгоград, 1–5 ноября 2004 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 238–242.

Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации: дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005. 321 с.

Кривошеев М.В. Волго-Донское междуречье в середине III–IV вв. н. э. Этноисторические проблемы // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции. Элиста. 15–17 ноября 2016 г. Элиста, 2016 (в печати).

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: Изд-во «АДЕФ-Украина», 2010. 384 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д; Терра, 2000. С. 194–232.

Малашев В.Ю. Хронология погребальных комплексов могильника Клин-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии (памяти В.А. Башилова). МИАР. № 10. М.: Таус, 2008. С. 265–283.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. № 1. 2009. С. 47–52.

Малашев В.Ю. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Выпуск III. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 117–142.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н. э.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.

Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. (УАВ Вып. 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 130–140.

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.

Матюхин А.Д., Ляхов С.В. Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2. Саратов, 1991. С. 135–152.

Мыськов Е.П., Сергацков И.В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // РА. 1994. № 2. С. 179–190.

Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов: Саратовский государственный университет, 1947. 146 с.

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 100–120.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1984. 150 с.

Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь: Издательство «Доля», 2011. С. 13–113.

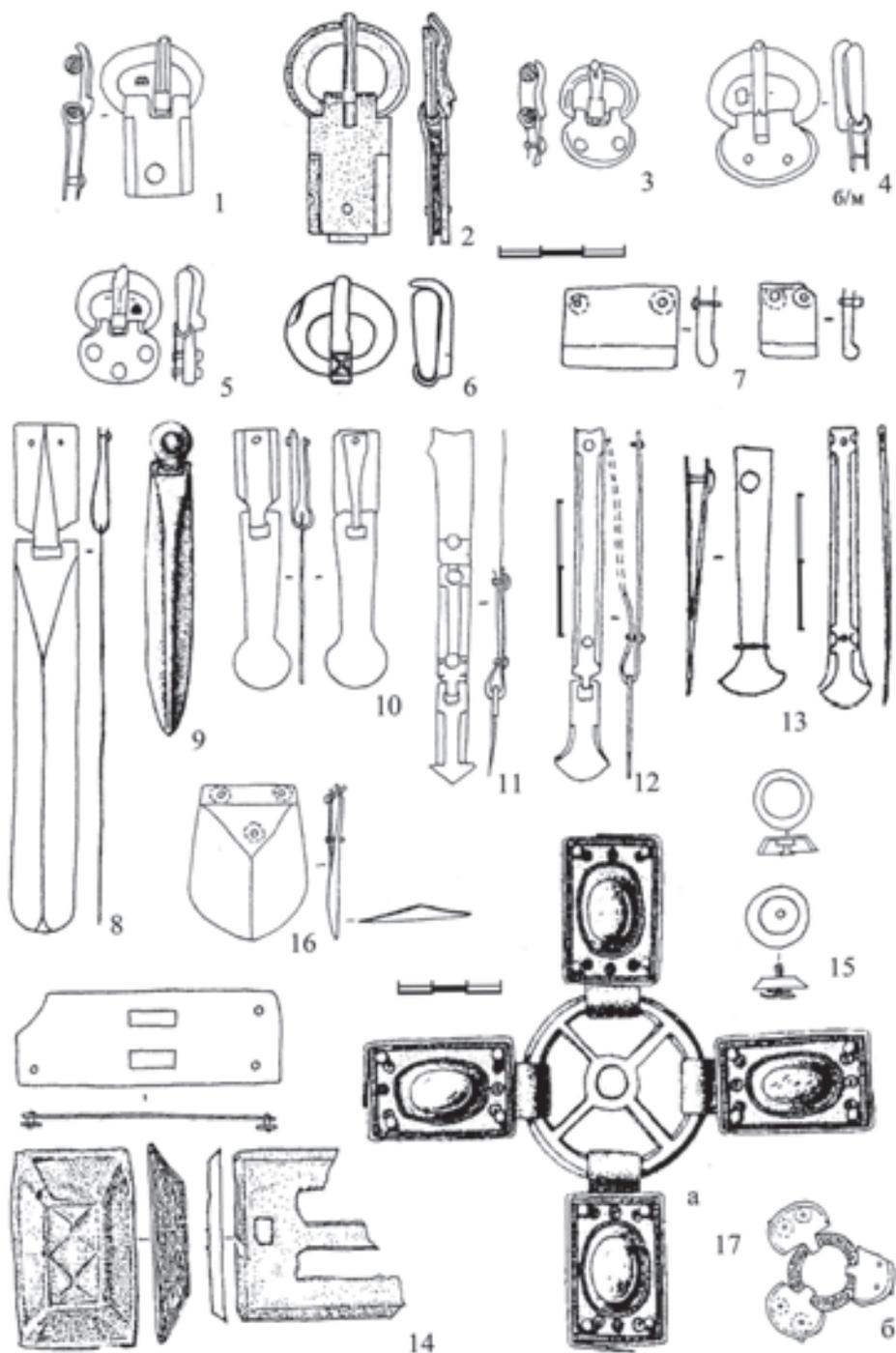

Рис. 1. Ременные гарнитуры середины III–IV вв. н. э.

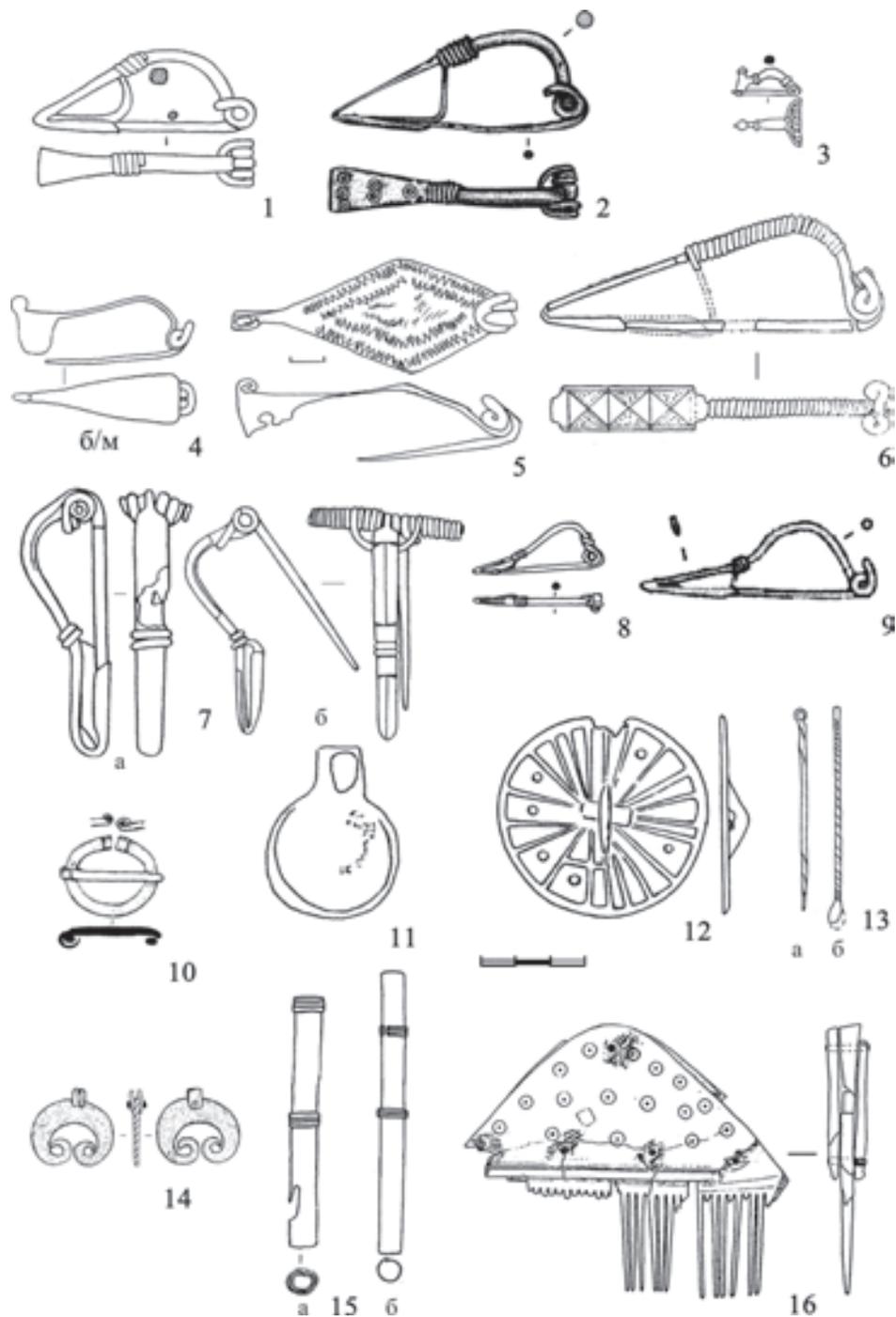

Рис. 2. Фибулы, зеркала и другие предметы инвентаря середины III–IV вв. н. э.

В статье сообщается о случайной находке бронзового кувшина-ойнохойи, обнаруженного в разрушенном сарматском кургане в Ростовской области. Авторы проводят сравнительный анализ похожих сосудов, найденных как на Нижнем Дону, так и на обширных территориях Восточной Европы, и сопоставляют обнаруженную ойнохойю с известными типологическими схемами, разработанными для римской бронзовой посуды европейскими и российскими специалистами. В результате определяются возможное место производства сосуда, дата его изготовления и время сооружения погребального комплекса, из которого происходит кувшин.

Ключевые слова: курганный могильник, погребение, сарматы, римская бронза, кувшин-ойнохойя.

Одним из антропогенных факторов, разрушающих памятники археологии, является глубокая распашка сельскохозяйственных угодий, в результате которой не только нарушается первоначальный вид объекта культурного наследия, но происходит уничтожение культурного слоя и отдельных находок в нем. При этом страдают насыпи курганов, особенно небольших, сооруженных над одним или несколькими погребениями. Это относится и к погребальным памятникам раннего железного века. В результате многие ценные артефакты оказываются на поверхности в пахотном слое в поврежденном виде. Находки таких вещей были сделаны недавно краеведом Романом Филоновым¹ на сельскохозяйственном поле, расположенном к северо-востоку от хутора им. Калинина Мясниковского района Ростовской области. В результате глубокой распашки, затронувшей даже суглинистый выкид из погребения, пострадал небольшой сарматский курган. В гумусном слое и на дневной поверхности были собраны фрагменты светлоглинянных амфор и бронзовый кованый кувшин-ойнохойя с утраченным дном. Тулово биконической формы, широчайшая часть находится в верхней трети и выделена ребром. Плечики горизонтальные, почти покатые. Горло высокое

¹ Кувшин находится в частной коллекции. Благодарим владельца за предоставленную возможность публикации.

узкое, раструбной формы, сужается кверху. Верхняя часть горла отогнута и оформлена в виде фигурного «трехлепесткового» слива. К широчайшей части тулова и краю горла крепится высокая изогнутая фигурная литая ручка. Верхний атташ в виде обоймы охватывает устье и имеет сверху дуговидный отросток, в нижней части которого пробито отверстие для шарнирного крепления крышки (табл. I, 5, 6). Верхний атташ соединен с горлом при помощи двух заклепок. Нижний атташ сердцевидной формы припаян к тулову под широчайшей частью сосуда. Ручка профилирована вертикальным продольным ребром. Крышка не сохранилась. Сохранившаяся высота кувшина – 36 см, высота горла – 17 см, максимальный диаметр – 32,5 см, диаметр горла в узкой части – 7,5 см.

Такой же по форме бронзовый кованный кувшин-ойнохойя был обнаружен в 2008 году во время раскопок погребения 7 курганного некрополя Кобякова городища Ростовской археологической экспедицией В.В. Верещагина [Ларенок, 2011, с. 320–326, рис. 11, 2–2; Ларенок, 2016, с. 63–64]. Сосуд имеет плоское дно. Его высота – 40 см, высота горла – 19 см, диаметр дна – 14 см, диаметр горла – 8 см. Утрачен дуговидный отросток на верхнем атташе ручки и крышка. На кувшине сохранились следы довольно грубого ремонта в виде петли, сделанной из железной пластины, охватывающей горло сосуда и соединяющей его с ручкой (табл. 2, 1). Концы пластины закреплены с помощью железной заклепки. Таким образом, сделано дополнительное крепление ручки к горлу кувшина. Известно много примеров различных способов ремонта как украшений, выполненных из драгоценных металлов, так и серебряной и бронзовой посуды в раннем железном веке, но обычно это примеры тонкой ювелирной работы [Трейстер, 2010, с. 88]. На кувшине же из кургана Кобяковского некрополя мы видим, наоборот, образец грубой реставрации для сохранения предмета в «первозданном» виде, возможно, именно для того чтобы включить его в состав погребального инвентаря. Похожий кувшин со следами грубого ремонта происходит из погребения у села Котловина Николаевской области Украины [Симоненко, 2011, с. 65, 238, рис. 43, 2]. На нем утраченная бронзовая ручка заменена на железную, которая крепится к горлу так же, как и на Кобяковском сосуде, с помощью железной петли (табл. 2, 2).

Бронзовая посуда, в том числе кувшины, часто встречаются в богатых погребальных комплексах Нижнего Дона первых веков н. э. Например, в коллекции находок из кургана Хохлач есть похожий по форме кувшин, но без слива и ручек, изготовленный в техникековки. И.П. Засецкая приводит две точки зрения о происхождении и датировке подобных сосудов [Засецкая, 2011, с. 230–231, ил. 124]. По К.С. Скалон, аналогии им известны во фракийских памятниках Нижнего Подунавья, где они бытовали в течение длительного времени и отсюда попадали в Северное Причерноморье. Сосуд из кургана Хохлач И.П. Засецкая датировала второй половиной I в. н. э.

По Б.А. Раеву, это также изделие фракийских мастеров II в. н. э., прототипами для них служили италийские образцы, которые, в отличие от фракийских, дорабатывались на токарном станке и имели бронзовые литые ручки. Следовательно, наши ойнохойи можно соотнести с образцами из италийских мастерских. Они похожи по форме на кувшин из кургана № 20 могильника Центральный, однако форма ручки несколько иная [Раев, 1986, р. 31, diagram]. Погребение в кургане из могильника Центральный имеет дату конец I – первая половина II в. н. э. Два фрагмента верхних частей подобных кувшинов найдены при раскопках Танаиса в помещении «У», но ручки их были сделаны из железа [Арсеньева, Шелов, 1974, с. 161, табл. XXXIII, 1–2]. В ограбленном погребении кургана № 19 могильника Северо-Восточный на северо-восточной окраине Ростова-на-Дону были обнаружены два фрагмента от похожего сосуда. Нижний атташ железной ручки кувшина сердцевидной формы и, вероятно, фрагмент крышки в виде выпуклого диска, с тыльной стороны которого крепилась пластина овальной формы от подъемного механизма (?), а также дуговидный кронштейн с листовидным окончанием [Ильюков, 2002, с. 234, рис. 4, 1, 2, 4].

Еще одна близкая форма ойнохойи происходит из знаменитой царской гробницы с золотой маской из Керчи (табл. II, 3) [Шелов, 1983, с. 65; Трейстер, 2009, с. 55–56, рис. 42], но на ней нижний атташ крепится над ребром сосуда, а отросток ручки находится не у шарнирного механизма, а несколько дальше. На кувшине из погребения 1, курган 2 могильника Чугуно-Крепенка Донецкой области Украины нижний сердцевидный атташ, как и у нашего сосуда, прикреплен к нижней части тулова, но отросток ручки отдален от горла (табл. II, 7) [Кривошеев, 2014, с. 109, рис. 2, 12]. У перечисленных образцов крышка, закрывающая устье, украшена фигуркой птички, но на нашей находке, как и на кобяковской, крышка утрачена. Похожая ойнохойя происходит из кургана у села Олонешты в Молдавии (табл. II, 5) [Милюкова, 1962, с. 200–201, рис. 4]. На некоторых кувшинах этого типа, как, например, из разрушенного погребения у села Павловка Полтавской области Украины, на широком плоском дне находятся три свинцовые ножки (рис. II, 4). Нижняя часть нашей находки утрачена, поэтому форма дна нам не известна.

Ближайшей аналогией нашему кувшину служит сосуд из села Павловка [Симоненко, 2011, с. 65, 166, рис. 43, 1]. У него также утрачена крышка. К венчику и плечу крепится высокая петлевидная ручка. Верхний атташ в виде «крыльев» с угловатым внешним контуром. На нем находится полукруглый выступ с шарниром для крепления крышки. Атташ украшен высоким, отходящим вверх и назад отростком. Нижний атташ имеет такую же сердцевидную форму с длинным выступом. Различается только форма ручек. В кувшине из Павловки ручка треугольная в сечении, граненая. В нашем – округлая в сечении.

Нужно заметить, что даже из перечисленных нами близких по форме узкогорлых биконических сосудов так называемого галло-римского типа нет абсолютно одинаковых. У четырех из них нижний атташ крепится под ребром широчайшей части тулова. У всех разный изгиб ручки, близка нашей находке только ручка из Олонешт и Павловки. В четырех ойнохойях выступ на ручке находится у горла, у двух – несколько отдален от него. Даже близкие формы тулова и горла различаются по пропорциям (табл. II, 1–7).

Все перечисленные сосуды относятся к типу *Blechkanne*. Б.А. Раев выделил две группы кувшинов этого типа: *Wehringen* (Веринген) и Стралджа [Raev, 1986, p. 616]. Первая группа сосудов имеет италийское и галлийское происхождение, вторая производилась по их образцу в Паннонии, Фракии и Мёзии. Сосуды группы Стралджа более поздние, они появляются во Фракии в третьей четверти I в. н. э. и существуют на протяжении двух следующих веков. Кувшины из сарматских комплексов Восточной Европы, в том числе найденные на территории современной России, относятся к этой более поздней группе и датируются I–III вв. н. э.

Д.Б. Шелов отмечал, что группа похожих сосудов так называемого галло-римского типа была выделена Г.Ю. Эггерсом в 128 тип и сопоставлялась с бронзовым кувшином из могилы Страже-2 в Словакии. Однако, считал автор, восточно-европейским образцам ближе по форме сосуда из Паннонии и Фракии [Шелов, 1983, с. 64–65]. Он поддерживал предложенные Б.А. Раевым классификацию и места производства ойнохой данных типов, но делал предположение о возможности их изготовления «где-то в Северном Причерноморье по тем же италийским или фракийским образцам... В хронологическом отношении, – писал Дмитрий Борисович, – рассматриваемая группа кувшинов довольно компактна... Основная масса их приходится на II век и первую половину III в. н. э.» [Шелов, 1983, с. 66].

Погребение № 7 из Кобяковского кургана по инвентарю можно датировать в пределах от конца I до конца II в. н. э. Более позднюю дату дают фрагменты светлоглиняной амфоры типа «D» – это последняя четверть II – 2-я половина III в. Нужно заметить, что комплекс из Котловины, в который входит похожий кувшин с отремонтированной ручкой, относится к III в. н. э.

Фрагменты керамики, найденные на распаханной насыпи кургана у хутора Калинина Ростовской области, состоят из обломков стенок, венчиков и одного фрагмента верхнего прилепа ручки от светлоглиняных узкогорлых гераклейских амфор типа С (табл. I, 1–4) [Шелов, 1978, с. 18; Науменко, 2012, с. 66, рис. 5, 2], бытовавших во II веке н. э. Эта дата не противоречит времени распространения бронзовых ойнохой данного типа в сарматских погребениях.

Несколько слов о возможности реконструкции погребального обряда разрушенного комплекса. Широко известен один из распространенных типов степных захоронений в так называемых больших квадратных или прямоуголь-

ных ямах, когда из суглинистого выкида вокруг ямы сооружалась площадка, на которую укладывались «дары», состоявшие из одного предмета, например бронзового котла, или набора предметов, как, например, в кургане «Садовый». На наш взгляд, в результате распушки мог пострадать именно такой поминальный комплекс, в состав которого входил бронзовый кувшин и, вероятно, одна или несколько светлоглиняных амфор.

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964–1972) // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. I / отв. ред. М.Г. Мошкова, Д.Б. Шелов. М: ИА РАН, РОМК, 1974. С. 123–171.

Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач, Новочеркасский клад. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2011. 328 с.

Ильюков Л.С. Три позднесарматских кургана из Северо-Восточного могильника // Аксайские древности. Ростов н/Д: ГУ Областная инспекция по охране и эксплуатации памятников истории и культуры Министерства культуры Ростовской области, 2002. С. 231–243.

Кривошеев М.В. Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 105–112.

Ларенок В.А. Погребальные комплексы с ровиками в некрополе Кобякова городища первых веков нашей эры // ИАИАИАНД в 2009 году. Вып. 25 / отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, 2011. С. 302–335.

Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов. Часть II. Ростов н/Д: РРОО Донское археологическое общество, 2016. С. 317.

Милюкова А.И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР) // СА. М.: Наука, 1962. № 1. С. 195–208.

Науменко С.А. Состав амфор в закрытых комплексах Танаиса конца I – середины III вв. н. э. // Вестник Танаиса. Вып. 3 / отв. ред. В.А. Перевозчиков. Х. Недвиговка, Ростовская область: Археологический музей-заповедник «Танаис», 2012. С. 63–88.

Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. 154 с.

Трейстер М.Ю. Посуда и предметы утвари из серебра и бронзы // Тайна золотой маски. Каталог выставки. СПб.: Эрмитаж, 2009. С. 143–165.

Трейстер М.Ю. Ремонт, «совершенствование» инокультурных вещей в скифской и сарматской среде и использование инокультурного орнамента в декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла) // Археологические вести. Вып. 16 / под ред. Е.Н. Носова. СПб.: ИИМК РАН, 2009. С. 72–95.

Шелов Д.Б. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА. 1983. № 4. С. 57–69.

Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. № 156. М., 1978. С. 16–21.

Raev В.А. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series. 278. Oxford, 1986.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИИЯЛ УФНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
РА – Российская археология
РОМК – Ростовский областной музей краеведения
СА – Советская археология

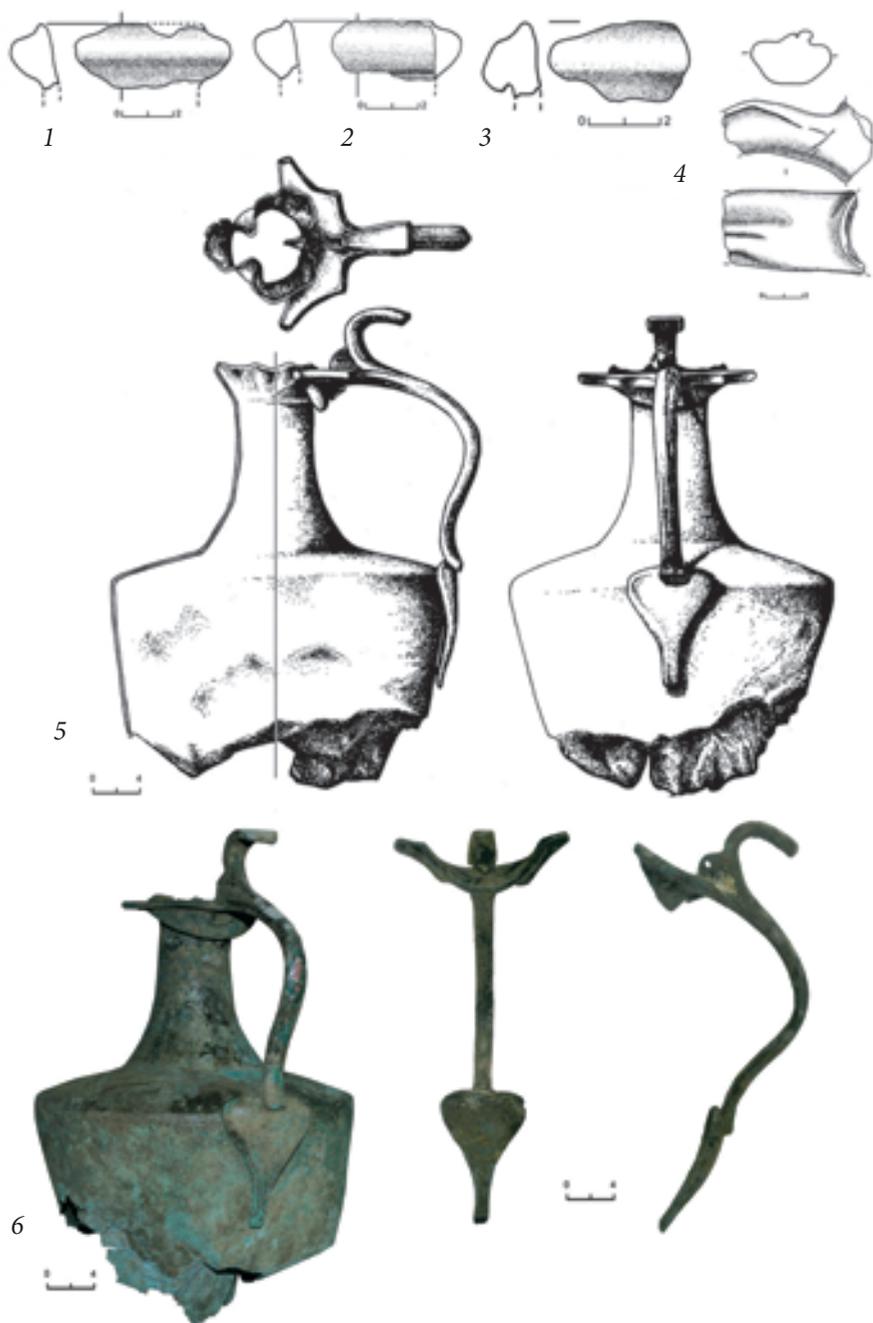

Табл. I. Случайные находки у хутора им. Калинина
Мясниковского района Ростовской области:
1-4 – фрагменты светлоглиняных амфор;
5-6 – бронзовая ойнохойя

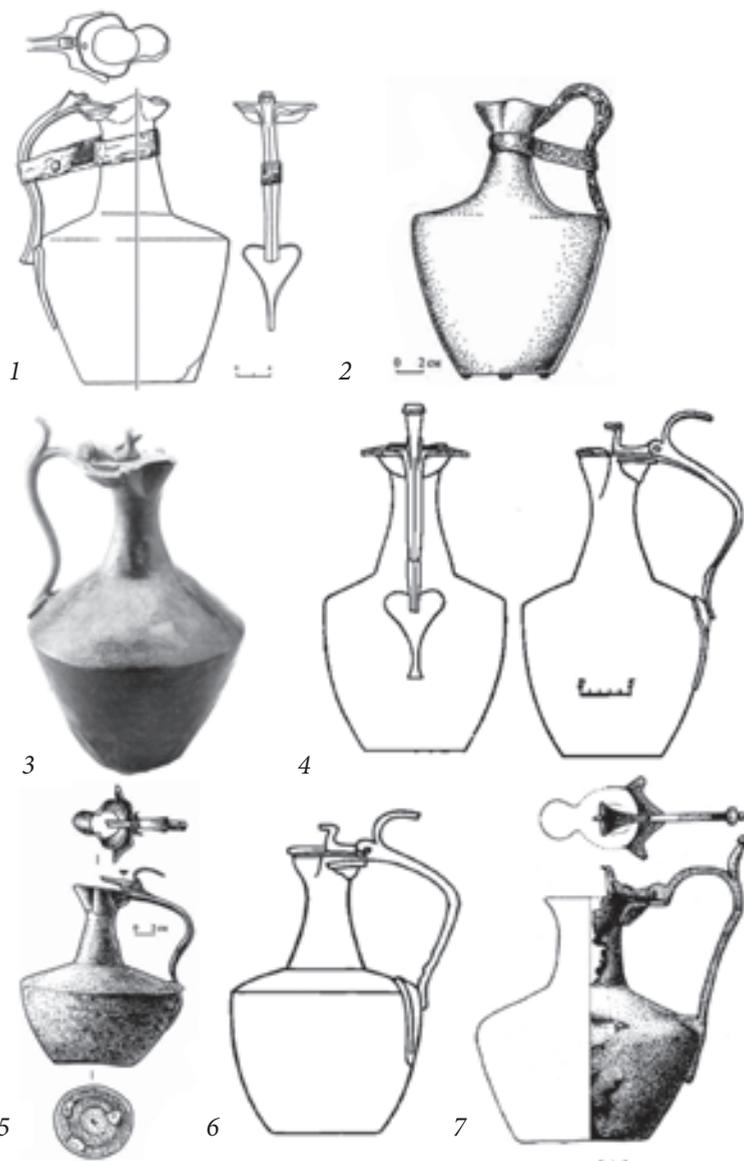

Табл. II. Бронзовые ойнохойи:

- 1 – погребение 7 курганного некрополя Кобякова городища;
- 2 – погребение из кургана 2 у села Котловина Одесской области Украины;
- 3 – погребение с золотой маской из Керчи;
- 4 – разрушенное погребение у села Павловка Полтавской области Украины;
- 5 – курган у села Олонешты, Молдавия;
- 6 – из статьи Д.Б. Шелова (рис. 1–3);
- 7 – погребение 1, курган 2 могильника Чугуно-Крепенка Донецкой области Украины

Н.Ю. ЛИМБЕРИС,
И.И. МАРЧЕНКО

ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ IV–III вв. до н. э. ИЗ МОГИЛЬНИКА МЕОТСКОГО ГОРОДИЩА СПОРНОЕ

Статья посвящена ранней хронологической группе погребений, которая включает 46 комплексов. Из них 24 погребения относятся к IV в. до н. э. Узкие датировки комплексов основаны на амфорной таре (Менда, Икос, неустановленный средиземноморский центр), широкие – на основании типологии сероглиняной керамики местного производства. Несколько погребений датируются III в. до н. э. по типам канфаров – аттического чернолакового и сероглиняных, подражающих греческим образцам. Обозначены некоторые характерные и «переходные» категории погребального инвентаря IV–III вв. до н. э. (керамики, мечей, предметов туалета и украшений).

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, городище, могильник, хронология, типология, амфора, канфар, меч, предметы туалета, украшения.

В 2003 г. Краснодарская экспедиция КубГУ работала на восточном участке грунтового могильника меотского городища Спорное. Этот памятник был открыт в 1980 г. в ходе разведочных работ Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР (начальник отряда А.Н. Гей). Городище находится на высоком правом берегу р. Кубань, в 3,4 км к югу от ЮЗ окраины пос. Двубратский Усть-Лабинского р-на Краснодарского края. Нашей экспедицией было исследовано 232 погребения IV в. до н. э. – III в. н. э. Вслед за нами, в 2004 г., раскопки на могильнике были продолжены экспедицией под руководством Б.А. Раева.

В настоящей работе мы остановимся на ранней группе IV–III вв. до н. э., в которую вошло 46 погребений. Из них 24 захоронения мы относим к IV в. до н. э. Узкая хронология четырех комплексов устанавливается по амфорной таре [Бочковой и др., 2005, с. 172–173]. В погребении 144 встречена мендейская амфора ранней серии мелитопольского варианта II-C, относящаяся к 70–60-м гг. IV в. до н. э. Амфора этого же варианта из погребения 171 датируется 30-ми гг. IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 92–93]. Мы датировали эти комплексы соответственно второй четвертью и последней третью IV в. до н. э. Пределами середины – второй половины IV в. до н. э. ограничивается хронология погребения 38 по амфоре

неустановленного средиземноморского центра. Амфора «псевдохерсонесского» типа I-A-1 по С.Ю. Монахову была найдена в погребении 159, на основании чего датировка комплекса была нами определена в рамках второй четверти IV в. до н.э. Теперь подобную тару предлагается относить к типу Пепарет II – Икос. Амфора из погребения 159 принадлежит ко второй морфологической группе этой тары, которая выпускалась на о. Икос в пределах середины – второй половины IV в. до н. э. [Монахов, Федосеев, 2013, с. 260].

Датировка остальных 20 погребений, в которых не было амфор, тем не менее надежно локализуется в пределах середины – второй половины IV в. до н. э., главным образом по типам сероглиняных сосудов местного производства, хронология которых была нами разработана на материалах могильника Старокорсунского городища № 2 [Лимберис, Марченко, 2005, хронол. табл.].

Труднее обстоит дело с выделением в могильнике городища Спорное комплексов III в. до н. э. (впрочем, как и в других меотских памятниках). Тем не менее имеются некоторые хронологические привязки, которые позволили с большой долей вероятности отнести к этому периоду 8 погребений. Греческие импорты представлены единственным чернолаковым канфаром из погребения 77. Этот сосуд (по оранжевой глине без примесей – аттического производства) принадлежит к эллинистическому типу «угловатых» канфаров (Hellenistic kantharos: angular). По высоте сосуд немного (на 0,5 см) превышает маленькие канфары (small), но по форме и пропорциям совершенно совпадает с канфарами этого варианта из раскопок Афинской агоры, большинство которых датируется второй четвертью III в. до н. э. [Rotroff, 1997, Nr. 219–229, p. 102–103].

Датировки других погребений опираются на сероглиняные канфары, подражающие греческим образцам чернолаковой керамики. Высокие канфары-кубки с шипами в верхней части ручек из погребений 79 и 92 не только копируют форму, характерную для эллинистического периода, но и выдержаны в тех же пропорциях [Rotroff, 1997, Nr. 22–33]. Несколько канфаров этого типа известны в могильнике Старокорсунского городища № 2 в комплексах третьей четверти III в. до н. э. (66в, 97в, 164в), узкая датировка которых основана на клейменной родосской амфоре ранней серии [Лимберис, Марченко, 2005, с. 224–225, 236]. Хронологию погребения 92 из Спорного мы сочли возможным ограничить третьей четвертью III в. до н. э. Хронологические рамки погребения 79 определяются временем бытования высоких канфаров-кубков в меотской среде, т. е. серединой – второй половиной III в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2011, с. 305, 307]. Аналогичный канфар известен также в керамическом комплексе Марьянского кургана [ОАК за 1912 г., рис. 72, верхний ряд, в середине]. Нужно заметить, что Н.В. Анфимов датировал канфары типа марьянского из разных меотских могильников III–II вв. до н. э. [Анфимов, 1986, с. 128]. В настоящее время имеющиеся материалы позволяют говорить о том, что высокие канфары-кубки не заходят во II в. до н. э.

Низкие канфары-кубки были найдены в погребениях 24 и 33. Эти сосуды представляют собой подражание классической форме чернолаковых канфаров. Особенно показателен в этом отношении канфар из погребения 33 с формованным венчиком и шипами на ручках. Такие сосуды производились в Аттике во второй половине IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, Nr. 701–704; Rotroff, 199, Nr. 22–33]. По-видимому, по аналогии с чернолаковыми сосудами Н.В. Анфимов датировал IV в. до н. э. и меотские канфары этой формы [Анфимов, 1986, с. 127, табл. 2, 1]. Однако кроме типологического сходства, для такой датировки не было достаточных оснований, так как практически все известные Н.В. Анфимову сосуды были случайными находками. С амфорами IV в. до н. э. канфары этого типа до сих пор ни разу не были встречены. В настоящее время их хронология определяется единственным комплексом (это погребение 56 1980 г. из могильника городища № 2 хут. Ленина) с клейменной синопской амфорой третьей четверти III в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 130, табл. 102, 4; Лимберис, Марченко, 2005, с. 236–237]. Погребение 33 из Спорного широко датируется серединой – второй половиной III в. до н. э. Но, учитывая тот факт, что в комплексе присутствуют горгонейоны раннего варианта с жемчужным орнаментом по краю, появившиеся еще во второй половине IV в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2005, хронол. табл.], узкую дату погребения 33 можно ограничить серединой III в. до н. э. К концу этого столетия мы относим погребение 24, где был найден канфар-кубок с гладким венчиком и округлыми ручками, на основании аналогии из погребения 631з могильника Старокорсунского городища № 2 с клейменной родосской амфорой последнего десятилетия III в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 225, 237, рис. 42, 3; Лимберис, Марченко, 2011, с. 308].

По наблюдению Е.А. Бегловой, сероглиняные канфары на конических поддонах, близкие по форме античным, как с шипами на ручках, так и с округлыми ручками, появляются в памятниках Закубанья в первой половине III в. до н. э. В погребении 11 из кургана 11 Уляпского могильника с двумя подобными сосудами были встречены и горгонейоны раннего варианта [Беглова, 2013, с. 32, 34, рис. 1, 1, 15]. Выделив горгонейоны раннего варианта, В.Р. Эрлих ограничил их бытование пределами второй половины IV в. до н. э. [Эрлих, 2012, с. 261]. Однако наши данные, совпадающие с выводом Е.А. Бегловой, позволяют предположить их использование и в первой половине III в. до н. э. Таким образом, хронологию горгонейонов раннего варианта в настоящее время можно определить в рамках второй половины IV – середины III в. до н. э.

Кроме горгонейонов, «переходными» предметами IV–III вв. до н. э. являются бронзовые браслеты с зональными расширениями. Их типология и хронология были предложены нами [Лимберис, Марченко, 2013, с. 247–251]. В погребениях могильника городища Спорное были найдены браслеты разных вариантов. Так, браслеты вариантов 2 и 4 из погребения 38 по амфоре неустановленного средиземноморского центра, о которой уже говорилось,

датируются в пределах середины – второй половины IV в. до н. э. Последней четвертью этого столетия мы датировали погребение 187 с браслетом 4 варианта [Лимберис, Марченко, 2013, с. 248–249]. Для браслетов варианта 6 из погребений 190 и 214, встреченных с горгонейонами ранней серии, пока можно предложить лишь широкую дату – вторая половина IV – середина III в. до н. э.

Появление браслетов этого типа в Закубанье Е.А. Беглова относит к III в. до н. э., опираясь на уже упомянутое погребение 11 из кургана 11 Уляпского могильника [Беглова, 2013, с. 32., рис. 1, 4, 5]. Этот комплекс, по заключению авторов раскопок, представляет собой «многослойное погребение, по-видимому, с неоднократными подзахоронениями» [Лесков и др., 2005, с. 30–32, 76, рис. 67]. Не исключено, что именно по этой причине здесь присутствуют разновременные вещи: в частности, совместно встречены горгонейоны раннего и позднего вариантов [Эрлих, 2012, с. 262].

В погребениях 15, 24 и 30 были найдены костяные булавки с плоским гвоздевидным навершием. Погребение 24, о котором уже шла речь, мы датировали по сероглиняному канфару концом III в. до н. э. Булавки с навершием этого варианта, по-видимому, появились еще в конце IV в. до н. э. или на рубеже IV–III вв., о чем свидетельствуют материалы погребения 245в Старокорсунского могильника № 2 с книдской амфорой, которую С.Ю. Монахов отнес к последней четверти IV в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2007, с. 72, рис. 36, 5; 39, 6]. Такие булавки, вероятно, можно считать характерными для погребений середины – второй половины III в. до н. э., что подтверждают достаточно надежно атрибутированные в хронологическом отношении комплексы из того же Старокорсунского могильника, в которых булавки встречены вместе с чернолаковым кубковидным канфаром (The Dikeras Group), сероглиняными канфарами указанного типа, литыми зеркалами с бортиком и горгонейоном позднего варианта [Лимберис, Марченко, 2005, с. 224–226, рис. 2, 17, 20]. Булавка другого варианта – с навершием в виде четыреххлестника – происходит из погребения 33, датировку которого мы ограничили серединой III в. до н. э., также на основании сероглиняного канфара. В отличие от А.В. Иванова, который предложил считать все булавки из меотских памятников (в том числе из могильника городища Спорное) «надежным хроноиндикатором» III в. до н. э. [Иванов, 2009, с. 145–146], мы пока не готовы безоговорочно связывать с этой датой булавки с навершиями другой формы.

Что касается литых бронзовых зеркал с бортиком и припаянной в центре плоской вертикальной ручкой с петелькой, то их появление, по имеющимся данным из могильника Старокорсунского городища № 2, также следует отнести к концу IV – началу III в. до н. э. на основании датировки книдской амфоры из погребения 68в [Лимберис, Марченко, 2005, с. 223]. Аналогичные зеркала были найдены в погребениях 15 и 33 могильника городища Спорное. В меотских погребальных комплексах с амфорной тарой, твердо датирующейся IV в. до н. э., зеркала этого типа пока ни разу не были встречены.

Поэтому можно согласиться с выводом Е.А. Бегловой, что они характерны для III в. до н. э. [Беглова, 2013, с. 32–33]. Судя по своду Т.М. Кузнецовой, в скифских памятниках IV–III вв. до н. э. такие зеркала не зафиксированы [Кузнецова, 2010]. Возможно, они представляют собой продукцию меотского производства.

Рассматривая погребения ранней хронологической группы, нельзя игнорировать предметы вооружения, встречающиеся в погребениях, выделяющихся многочисленным и разнообразным инвентарем. Специальное внимание уделим мечам. В 6 погребениях было найдено 7 мечей синдо-меотского типа: без перекрестия, с широким брусковидным навершием. Мечи из погребений 144 (2 экз.), 171 и 176 относятся к IV в. до н. э. (об узкой датировке погребений 144 и 171 уже говорилось). Другие погребения (168, 174, 214) мы широко датировали IV – началом III в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2011а, с. 354–356], хотя нижнюю дату на основании типов сероглиняной и лепной керамики, а также горгонейонов раннего варианта, скорее всего, нужно ограничить серединой IV в. до н. э. Отметим, что мечи из этих погребений отличаются от других экземпляров скошенными расширенными плечиками клинка.

Для погребений IV–III вв. до н. э. могильника городища Спорное характерно использование в погребальном обряде раннемеотских форм лепных (в том числе чернолощенных) сосудов (корчаг, кружек, мисок, чашечек). Лепные кухонные горшки с отогнутым краем присутствуют в погребениях наряду с горшками с загнутым краем. Основные формы сероглиняных сосудов (кувшинов, мисок, вазочек, «туалетных» сосудиков) сохраняются на протяжении IV–III вв. до н. э., претерпевая лишь незначительные, часто малозаметные, изменения. Но нужно отметить, что в III в. появляются и новые типы сероглиняной керамики (канфары, чашечки с отогнутым краем, крупные «корчагообразные» кувшины без ручек), а некоторые прежние, характерные для IV в. до н. э., исчезают (например, черпаки с горизонтальной ручкой, маленькие кружки-кувшинчики с биконическим туловом).

Хронологический анализ позволил выделить общие для второй половины IV–III вв. до н. э. типы бус по классификации Е.М. Алексеевой [Алексеева, 1975, 1978, 1982]: стеклянные одноцветные биконические (тип 90, 96), четырехгранно-выпуклые (тип 139), уплощенные пронизи сердцевидной формы (тип 167), подвески в виде сосудиков (тип 193г, д), многоцветные веретенovidные пронизи с поперечно-полосатым орнаментом (типы 165, 174), гагатовые ромбовидные пронизи с двумя каналами отверстий (тип 37), подвески в виде стилизованных топориков (тип 107в) и некоторые др. В наборах III в. до н. э. исчезают синие бусы с белыми глазками, характерные для IV в. до н. э. Совместные находки бус с амфорами дали возможность уточнить хронологические рамки существования более десятка разных типов бус и распространить время их бытования на IV в. до н. э. [Бочковой и др., 2005, с. 172–173].

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. САИ. Вып. Г1–12. М.: Наука, 1975. 94 с., 1–19 табл.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. САИ. Вып. Г1–12. М.: Наука, 1978. 104 с., 20–34 табл.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. САИ. Вып. Г1–12. М.: Наука, 1982. 88 с., 35–54 табл.
- Анфимов Н.В.* Античное влияние в меотской керамике // Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986. С. 125–129.
- Беглова Е.А.* Выделение и датирование комплексов III в. до н. э. в памятниках Закубанья // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 32–34.
- Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // МИАК. Вып. 5. Краснодар: КубГУ, 2005. С. 172–218.
- Иванов А.В.* Гвоздевидные булавки из меотских памятников Кубани // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 145–146.
- Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. Т. II. М.: Таус, ИА РАН, 2010. 426 с.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р.* Меоты Закубанья в середине VI – начале III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. Вып. 5. Краснодар: КубГУ, 2005. С. 219–324.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // МИАК. Вып. 7. Краснодар: КубГУ, 2007. С. 70–150.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Меотские канфары из могильника городища Спорное (к вопросу об античном влиянии на меотскую керамику) // БФ: Население, языки, контакты. Материалы Международной научной конференции. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 304–310.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Мечи из меотского могильника городища Спорное // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011а. С. 354–356.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Об одной серии браслетов из Прикубанья // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 247–251.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов: «Киммериды», Саратовский госуниверситет, 2003. 352 с.
- Монахов С.Ю., Федосеева Н.Ф.* Заметки по локализации керамической тары. IV: Амфоры Икоса // АМА. Вып. 16. III. История и археология античного Причерноморья. Саратов: Саратовский госуниверситет, 2013. С. 255–266.
- ОАК за 1912 год. Петроград, 1916.
- Эрлих В.Р.* Украшения из золоченой терракоты в меотских памятниках Прикубанья (к проблеме культурных контактов в раннеэллинистическое время) // Евразия

в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. ТГИМ. Вып. 191. М.: ГИМ, 2012. С. 259–272.

Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. **The Athenian Agora**. Vol. XXIX. NJ. Princeton, 1997. 575 p., ill.

Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plane pottery of the 6th, 5th, 4th cent. b. c. **The Athenian Agora**. Vol. XII. NJ. Princeton, 1970. 378 p., ill.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМА – Античный мир и археология
- БФ – Боспорский феномен
- МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани
- ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии
- САИ – Свод археологических источников
- ТГИМ – Труды Государственного исторического музея

АМАЗОНКИ – МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ¹

С.И. ЛУКЬЯШКО

В современной литературе наметилась устойчивая тенденция видеть истоки представлений об амазонках в пережитках матриархата. При этом обществам с признаками таких пережитков, как оружие в женских погребальных комплексах, приписывается глубокая архаичность социальной структуры. Автор исходит из другого посыла: амазонки – продукт мифологических представлений, и с позиций мифологии есть метафора, хорошо понимаемая носителями этой традиции. Первоначально амазонки маркировали границу ойкумены и по мере расширения ойкумены фиксировались в разных частях света. Второе семантическое значение образа – это имевшееся в традиционной культуре древних греков негативное отношение к женщине, как к источнику несчастий. Опасность, исходившая от женщины, получила метафорическое выражение в виде вооруженной женщины – амазонки. Эти пространственные и социальные мифологические конструкции неожиданно получили подтверждение в исторических реалиях в Приазовье, где греки столкнулись с женщинами, скачущими на лошадях и стреляющими из луков. Это создало основу для появления вторичной мифологии – приспособления исторических реалий к мифологической концепции мироздания.

Ключевые слова: амазонки, мифология, эллинский мир, Причерноморье, вторичная мифология, гендерные отношения, семантика образа.

В специальной и околонукавной литературе чрезвычайно популярным стало привлечение к реконструкции древней истории мифологического материала. При этом авторы подобных реконструкций явно не понимают особенность этого своеобразного источника. Миф вовсе не зеркальное отражение реальности. В силу особенностей мифологического восприятия действительности различные сложные вопросы миропонимания выражались при помощи конкретно-чувственного образа, которые по сути своей были метафорой, образом явления, а не самим явлением. Принцип создания подобных метафор

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-31-10173 «Крым и южные рубежи России: история, культура, меэтноническое взаимодействие».

«это – как то». И если одна метафора не полно раскрывала сущность явления, использовалась серия метафор: «это – как-то, другое и третье». Именно благодаря этому своеобразному способу восприятия окружающего мира мифология наполняется множеством синкретических образов. Эта аллегория была понятна носителям древних культур и буквально ими не воспринималась, поэтому и не вызывала противоречий. Но там, где созданный мифологической фантазией образ находит соответствие в реальной жизни, там возникает вторичная мифология, носящая этиологический (объяснительный) характер.

Мифология амазонок представляет яркий пример того, как мировоззренческие идеи, возникшие в греческом мире на протяжении истории, трансформировались и продолжают трансформироваться в человеческом сознании.

Впервые термин «амазонки» был употреблен Гомером. Об амазонках он пишет в «Илиаде»:

*После войною ходил он на солимов¹, народ знаменитый;
В битве, ужаснее сей, как поведал он, не был с мужами;
В подвиге третьем разбил амазонок он мужеобразных.*

(Гомер. Илиада. VI. 184–186)

Эпизод, в котором фигурируют амазонки у Гомера, относится к мифологической древности, к событиям Троянской войны он прямого отношения не имеет. В этом эпизоде упоминаются войны Беллерофонта и фригийцев с амазонками.

Беллерофонт в греческой мифологии – персонаж старшего поколения героев, сын коринфского царя Главка. После невольного убийства коринфянина Беллера его стали называть «убийца Беллера» (греч. Беллерофонт). Опасаясь кровной мести, он бежал в Арголиду, где и был обласкан тиринфским царем Претом. Жена Прета Сфенебея влюбилась в юношу, но не сумела склонить его к любовной связи и обвинила его в покушении на её честь. Прет, не желая нарушать обычай гостеприимства, но оскорбленный поступком Беллерофонта, отправляет его к своему тестю, царю Ликий Иоабату, с письмом с просьбой погубить юношу. Иоабат, выполняя поручение зятя, повелел Беллерофонту справиться с чудовищной Химерой, обитавшей в горах Ликий. Химера в греческой мифологии – дочь Ехидны, изображение её присутствует на одном из хеттских зданий. По мнению Р. Гревза, Химера была символом трехсезонного священного года Великой богини: лев обозначал весну, коза – лето, а змей – зиму. Имя происходит от *chimaros* или *chimaiga* – «коза». В Ликий была одноименная гора Химера, «козья гора» – действующий вулкан около города Фасселиды. Таким образом Химера – это божество которому поклонялись на-

¹ Солимы – дети Салмы, по-видимому, богини весеннего равноденствия. Позже она превращается в мужское божество – солнечного бога Солиму, или Селима, Соломона или Аб-Салома, Авессалома. От этого имени происходит название города Иерусалим.

роды Малой Азии, божество стихийных сил, ему противостоит культурный герой, превращающий хаос в гармонию. То есть это метафорическое описание становления космоса из хаоса, и Беллерофонт выступает как устроитель мирового порядка – как культурный герой, каковым он и был по своей сути.

Получив в дар от богов крылатого коня Пегаса, Беллерофонт победил Химеру и отразил нападение солимов и амазонок. Амазонки в ряду подвигов этого культурного героя являются представителями мира хаоса, преобразуемого действиями героя. Как представители хаоса амазонки должны обитать на периферии культурного мира. В мифологическом тексте, таким образом, амазонки являются аллегорией границы ойкумены – места, где меняется привычная, земная суть явлений.

Таким же символом грани миров в гомеровское время были киммерийцы, которых мифологическая фантазия с легкостью помещала у входа в мрачное царство Аида.

*Скоро пришли мы к глубокотекущим водам океана;
Там киммерян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос.*

(Гомер. Одиссея. XI. 14–17)

То, что это мрачное царство находится на периферии обитаемого мира, не вызывало возражения в сознании древних греков. Но этого было мало, для того чтобы представить этот мир прямой противоположностью свету, необходимо было поместить его под землю. В подземное царство были низвергнуты Зевсом Титаны. Возмущение Титанов под землей приводило к землетрясениям и извержениям вулканов. Следовательно, местность на периферии обитаемого мира, где случались землетрясения и извержения вулканов, в сознании древних греков ассоциировалась с местом обитания киммерийцев и амазонок. В гомеровское время граница греческой ойкумены проходила по Малой Азии, где вблизи вулкана и должны были находиться «перевертыши» – мужеподобные амазонки.

Более-менее постоянные связи греческого мира с Причерноморьем и Приазовьем устанавливаются с конца VIII в. до н. э. Здесь, прежде всего на Тамани, они встретились с местностью, имевшей яркие признаки, отвечавшие хтоническим представлениям греков о приближении к мрачному царству Аида. Повышенная тектоническая активность этой территории, сопровождаемая землетрясениями, грязевые вулканы и внезапные выбросы газа, приводившие к взрывам, способствовали появлению этого ощущения. К тому же здесь они встретились с воинственными кочевниками, женщины которых не прятались в гинекеях, а скакали на лошадях, владели луком, стрелами, а часто и акинаком. В результате произошло узнавание мифологического образа в реальной кар-

тине мира. Для того чтобы согласовать увиденное с мифологией, достаточно было домыслить ситуацию и объяснить, как амазонки, известные в мифологии Малой Азии, оказались в этой местности. Это и привело к появлению этиологического мифа у Геродота, который был воспринят поколениями отечественных историков и археологов как этногоническая легенда о происхождении савроматов. Таким образом, расширение ойкумены способствовало переносу региона обитания амазонок с Фемискиры на Танаис и Приазовье. Походы Александра Македонского привели к новым представлениям о локализации амазонок.

Позже, следуя этой же традиции, после похода Помпея на Кавказ у Страбона появляется сюжет о Кавказских амазонках. В изменении зон обитания амазонок прослеживается устойчивая связь между изменением границ ойкумены и представления о месте жительства амазонок, что позволяет говорить, что амазонки были своеобразным маркером границ обитаемого мира.

Этот маркер имел и еще одно значение. Во времена Перикла в период строительства храма Афины Парфенос сюжеты о сражениях греков с амазонками были популярны в Афинах, что нашло отражение на метопах западной стороны Парфенона. Метопы изготавливались отдельно и вставлялись на свои места между триглифами. Тематически они изображали сцены борьбы: на восточной стороне сцены борьбы богов и гигантов, на западной – борьба с амазонками, на северной – эпизоды Троянской войны, на южной – эпизоды борьбы лапифов и кентавров и легенда об Эрехтее. Композиционное построение изображений уводит зрителя в седую древность, в которой идет творение космоса из хаоса, и основой отправной точкой этой композиции является миф о борьбе богов и гигантов. В логической цепи мифологических представлений следующий освещенный на метопах храма сюжет – борьба лапифов и кентавров, – заканчивающийся легендой об Эрехтее, которому приписывается установление Панафинейских игр, завершается фризом, на котором изображено праздничное шествие в день Великих Панафиней. Наблюдение с севера начинается эпизодами Троянской войны и переходит на западную сторону с сюжетами амазономахией.

Появление сцен с амазономахией в метопах Парфенона определяет место этого сюжета в мифологических представлениях древних греков. Амазонки здесь, как и боги и гиганты, кентавры и лапифы, суть звенья одной цепи творения. И лишь опосредовано через героическую историю Троянской войны и историю демиурга Эрехтея амазонки связаны с греческой историей и с Панафинейским шествием. Архитектурная композиция и изображения на храме отражают единую концепцию мироздания. Индивидуальные отличия в изготовлении барельефов показывают, что воплощением конкретных сюжетов занимались разные мастера, но сюжетная композиция подчинена единому замыслу. Этот замысел отражал мировоззренческие идеи жителей Афин. И амазонки были частью космогонии афинян.

Геродот, современник Перикла, совершенно не упоминает о войне афинян с амазонками, очевидно, понимая мифологический характер этой версии. Вместе с тем он оставил человечеству рассказ об амазонках в Приазовье (Геродот. IV. 120). Этот рассказ в отечественной литературе рассматривался лишь как этногоническая легенда о происхождении савроматов. На его основе формировалось представление о происхождении савроматской археологической культуры [Смирнов, 1964; Максименко, 1983, с. 125], концепция глубокой архаичности социальной структуры савроматов и пережитков матриархата, закрепленные авторитетными мнениями ведущих специалистов [Граков, 1947]. Но на самом деле этот рассказ является типичным этиологическим мифом, который призван объяснить, почему савроматские девушки скачут на конях и стреляют из луков, а не ведут себя как благообразные греческие матроны [Лукьяшко, Гриценко, 2007].

География обитания савроматов представлялась исследователям в строгом соответствии с представлениями Геродота: донское левобережье, волгодонские степи, Заволжье и Южное Приуралье. При этом им не очень хотелось признавать, что размеры этой савроматской вотчины превосходят по площади территорию Скифии, для которой они были лишь младшими союзниками-соседями. Но и всё же для савроматов было характерно исполнение жреческих функций женщинами, нередко в савроматском женском погребении присутствует оружие. Для обывательского суждения присутствие оружия в погребении было достаточным основанием для того чтобы соотнести погребенную женщину с амазонками. Уверен, что коллеги-археологи делали это исключительно из желания актуализировать тему, привлечь внимание к своим работам. Но как это небрежение к понятийному аппарату науки откликнулось в общественном сознании? Можно привести множество околоисторических статей, где со ссылками на эти эмоциональные замечания специалистов утверждается принадлежность туземного населения, оставившего конкретные памятники, легендарным амазонкам.

Итак, амазонки в греческой культуре – плод мифотворческой фантазии. Это воображаемое сообщество вдруг начинает обретать плоть – историческую достоверность.

Сообщения Геродота оказали сильное влияние на современников прежде всего потому, что основная тема повествования была близка и хорошо знакома грекам, этот доверительный подход распространялся и на все иные сопутствующие сообщения «отца истории». Мало кто заметил пометку историка, сделанную им в самом начале своего повествования: «я обязан передать всё, что услышал, но верить всему я не обязан».

И вот Гиппократ (470–356 гг. до н. э.) почти дословно повторяет замечание Геродота о савромагах, женщины которых ездят верхом, стреляют из луков, до тех пор пока не выйдут замуж. В брак же они вступают не прежде, чем убьют троих врагов. Правую грудь красавиц выжигают в младенчестве. В одной из

речей греческого оратора Лисия (459–380 гг. до н. э.) с амазонками связывается освоение железа и изобретение верховой езды.

У Эфора (405–330 гг. до н. э.) в отрывке, сохранившемся у Стефана Византийского, делается попытка рационально объяснить происхождение воинственности женщин-амазонок. Амазонки – народ женщин, обитающий у Фермодонта, как говорит Эфор, которых ныне называют савроматидами. «О них рассказывают, что физической силой они превосходят мужчин, и объясняют это климатическими свойствами местности, которая будто бы обыкновенно производит женщин более сильных и рослых, чем мужчины <...> Некогда савроматы отправились походом в Европу, но там погибли, и жены их остались одни <...> Когда подросли их сыновья, то восстали против женщин, а когда последние одержали верх, то мужчины убежали в леса и там погибли. Опасаясь мести со стороны сыновей, женщины постановили переломать у них конечности и сделать всех хромыми» (цит. по: [Латышев, 1993]).

Очень близкая версия передается в схолиях к Аполлонию Родосскому: «Амазонки, оскорбленные мужчинами, когда те отправились на какую-то войну, оставшихся перебили, а тех, кто вернулся из чужой земли, не приняли» (цит. по: [Косвен, 1947]). Повторения этой версии в двух разных источниках со сноской на Эфора подтверждает лишь авторство Эфора этой рационализирующей версии. Экстравагантная мифологема, нашедшая частичное подтверждение в реалиях далекой периферии мира, должна была получить рациональное объяснение, и оно было изобретено и отражено в этой версии мифа.

Автор III в. до н. э. Палефат утверждает иной вариант рационализирующего сознания: «Об амазонках говорят, что это были не женщины, а мужчины-варвары. Они носили, подобно фракийцам, ниспадающие до пят хитоны, завязывали волосы повязкой и брили бороду, за что враги называли их женщинами» (цит. по: [Косвен, 1947]). Эта версия интерпретации будет повторена в эпоху Великих географических открытий, когда конкистадоры столкнутся с длинноволосыми индейцами, и это внешнее женоподобие приведет к далекоидущим выводам и даже к появлению названия реки и государства, берущих свое начало в мифологической концепции.

Новый всплеск интереса к теме и новая информация об амазонках начинается с рубежа эр.

Греческий географ Страбон (68 г. до н. э. – 20 г. н. э.), уроженец Малой Азии, сообщает о местопребывании амазонок в Малой Азии на берегах р. Фермодонт, а также в Мизии, Лидии и Карию, с другой стороны, они известны географу и на Кавказе [Страбон, 1964].

Амазонскую традицию продолжает Помпоний Мела (I в. н. э.). Героями его рассказов об амазонках являются иксаматы – одно из реальных племен, обитавших в Приазовье. Иксаматам посвящена обширная литература. Впервые они упоминаются Гекатеем Милетским и локализируются на Тамани, позже территория их обитания смещается к Танаису. Анализируя археологический материал

и исторические хроники, мне удалось соотнести конкретный археологический комплекс с этим легендарным племенем [Лукьяшко, 2010]. Территория их обитания очерчивается по левобережью Нижнего Дона вдоль берега Азовского моря до района современной станицы Брюховецкой на юге и на востоке до станицы Темижбекской. История этой племенной группы наполнена удивительными событиями.

Увеличение мест, где древним путешественникам стали известны амазонки, и забвение мифологической концепции мира настоятельно требовали согласования.

Одним из направлений такого согласования была Ливия. Отличное положение женщины в Египте и у многих других народов Северной Африки было хорошей почвой для соотнесения реальной картины мира с его мифологическим образом. По сообщению Дионисия Скитобрахиона в передаче Диодора Сицилийского, «большинство людей считают единственными амазонками тех, которые, как рассказывают, жили в окрестностях реки Фермодонт. На деле, более древними являются амазонки, жившие в Ливии, однако исчезнувшие за много поколений до Троянской войны, причем совершенно исчезла и память о них. Но, – продолжает Диодор, – поскольку многие древние, равно как и более поздние поэты и историки упоминают об этих амазонках, мы расскажем о них, следуя Дионисию». «В Ливии, – пишет далее Диодор, – было много племен женщин, отличавшихся воинственностью и храбростью, например, горгоны. Рассказывают еще, что племя, управляемое женщинами, жило в Западной части Ливии, на границе обитаемого мира. Женщины этого племени упражнялись в военном деле и в течение определенного срока отбывали военную службу, сохраняя в это время девственность, а затем сближались с мужчинами для производства потомства. Женщины здесь держали в своих руках всё управление и все государственные дела, мужчины же оставались дома, исполняя приказания своих жен, и не принимали участия ни в военных действиях, ни в управлении, ни в общественных делах, благодаря чему они могли бы приобрести влияние и восстать против женщин. Новорожденные дети отдавались на попечение мужчин, которые выкармливали их молоком и другой подходящей для детей вареной пищей. Девочкам выжигали груди, чтобы они не мешали им в битве. Как гласит предание, родиной этого племени был остров Геспера, лежащий на западе, в Тритонском заливе, близ океана и поблизости от Эфиопии. Этот большой остров был богат разнообразными плодовыми деревьями, там было множество стад коз и овец, мясом и молоком которых жители острова питались; земледелия они еще не знали. Эти амазонки под предводительством царицы Мирины покорили многих своих соседей, в том числе атлантов и горгоны. Пройдя затем через Египет и Аравию, Мирина покорила всю Сирию и прошла в Малую Азию, где основала ряд городов, затем прошла во Фракию и там погибла с большей частью своего войска. Оставшиеся амазонки вернулись в Ливию» [Косвен, 1947].

Утверждение первичности африканских амазонок было основано на объективном отличии положения женщин в Египте и Греции.

Матриархальные традиции чрезвычайно характерны для африканского континента. В ряде средневековых государств Африки наследование власти шло через женщину. В Дагомее существовали на исторической памяти человечества женские воинские соединения. Стремясь уйти от этих матриархальных традиций, в некоторых обществах наследование власти царя шло через ритуальное умерщвление матери царя. Примеров этой глубокой архаичности гендерных отношений много, но это уводит нас в сторону от темы. Заметим лишь, что египетские женщины в отдельные исторические периоды на равных владели имуществом, вступали в брак по договору, неисполнение которого предписывало передачу имущества женщине. Стремление женщины получить в браке имущество мужчины даже нашло отражение в откровенных любовных посланиях.

Любовь, воспринимаемая как наваждение, как болезнь, неожиданно посещающая мужчину (повествование идет от патриархального общества) и делающая его полностью зависимым от объекта своего обожания, внушала тревогу и опасения. Всепобеждающее чувство, влекущее за собой серьезные имущественные обязательства, приводило к созданию образа опасности, связанного с женщиной. До нас дошел папирус, в котором изложены притчи мудреца Птахотепа (V династия). Мудрец советует не доверять женщине: «Не приближайся к женщинам. Ничего хорошего не может быть там, где они находятся <...> Когда имеешь дело с женщиной, над тобой висит угроза смерти».

Эти опасения Птахотепа перекликаются с рекомендациями греческого поэта VII в. до н. э. Гесиода, данные им своему беспутному брату Персу:

*Женщин беги, вертихвосток, манящих речей их не слушай,
Ум тебе женщина вскружит и живо амбары очистит.
Верит поистине вору ночному, кто женщине верит!*

(Гесиод. Работы и дни. 371)

Таким образом, в культуре рядом с образом женщины в древности витал образ опасности. В греческой культуре перечень этих опасностей начинается с Пандоры и закрепляется образом прекрасной Елены, чьи прелести привели к жесточайшей войне и гибели многих героев. А разве не Брисеида внесла раскол в лагерь ахейцев? Естественно, что образ опасности, исходящей от женщины, в мифологическом метафорическом языке мог обрести черты женщины-воина. И это еще одно семантическое значение образа, которое возникает позднее первого, маркирующего границы ойкумены.

В археологии наблюдается все большее географическое распространение обряда погребения женщин с оружием, что при традиционной интерпретации способно превратить все евразийское пространство в место обитания амазонок. С другой стороны, это как раз и подчеркивает отсутствие связи

между мифологическим образом женщин-воительниц и этим погребальным обычаем. Коллегам пора прекратить давать не выверенные эпитеты явлению, которое еще не получило должного объяснения в литературе. Впрочем, следует отметить, что сам обряд появляется синхронно со становлением номадного способа производства и является отражением определенных форм общественной жизни древних кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

- Граков Б.Н.* О пережитках матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.
- Косвен М.О.* Амазонки (История легенды) // СЭ. 1947. № 2. С. 37.
- Латышев В.В.* Известия древних авторов греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. СПб., 1993. 207 с.
- Лукьяшко С.И.* К истории расселения иксаматов // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4. С. 90–92.
- Лукьяшко С.И., Гриценко И.В.* Этнополитическая история Восточного Приазовья в скифское время // Ранній залізний вік Евразії. Київ – Чигирин, 2007.
- Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1983.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
- Страбон.* География. В 17 книгах / пер. Г.А. Стратановского. М.: Наука, 1964. 944 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ – Вестник древней истории
СЭ – Советская этнография

Тисненные нашивные бляшки V-образной и M-образной, или сигмовидной формы, хорошо известны в материалах I–V вв. н. э. на огромной территории от Южного Урала до Западной Европы. Как и многие другие компоненты среднесарматской культуры, M-образные бляшки, вероятно, имеют среднеазиатское происхождение. M-образные бляшки, которые можно рассматривать как прототипы среднесарматских, происходят из курганов последних веков до н. э., раскопанных близ озера Иссык-Куль в Киргизии и в Казахстане.

Ключевые слова: среднесарматская культура, нашивные бляшки.

Использование в степной варварской среде золотых нашивных бляшек-аппликаций для одежды в сарматское время и эпоху Великого переселения народов является продолжением традиций скифского периода, когда в результате контактов разноэтничного населения степного пояса Евразии с цивилизациями Древнего Востока появляется сверкающей золотом парадный костюм, включающий образы звериного стиля. Его статусный сакральный характер отчетливо прослежен благодаря погребальному обряду¹.

Разумеется, более чем тысячу лет на огромном пространстве Евразии набор нашивных украшений был представлен несколькими горизонтами бляшек (не только тисненных, но и литых), которые с самого начала имеют региональные различия и связаны с различными по происхождению моделями мужской и женской одежды.

Тисненные нашивные бляшки V-образной и M-образной, или сигмовидной, формы, которые иногда именуют W-образными, что неверно с учетом их ориентации при нашивке, хорошо известны в материалах I–V вв. н. э. на огромной территории от Южного Урала до Западной Европы.

И.П. Засецкая, опираясь на данные этнографии, полагает, что это предельно стилизованное изображение головы барана [2011, с. 210]. В зооморфную

¹ Выражаю искреннюю признательность за помощь и консультации при написании данной статьи, предоставленные В.Ю. Малашевым и А. Торговым.

группу бляшек включил их и И.И. Марченко [1996, рис. 9ж]. Однако, очевидно, справедливо мнение В.И. Мордвинцевой, предложившей избегать однозначного суждения о том, что имели в виду мастера, «штампующие золотые бляшки», поскольку схожим мотивам на уровне интерпретации могут быть подобраны различные объяснения [Мордвинцева и др., 2010, с. 37, 38].

Бляшки V и M-образной формы появляются в среднесарматское время – в комплексах «Золотого кладбища» у станиц Казанской, Усть-Лабинской, Некрасовской [Засецкая, Гущина, 1994, табл. 1, 6/1; 50, 480/5; 52, 503/4, 514/3, 517/1–2; 54, 529/1, 11], в кургане на окраине г. Липецка [Медведев и др., 2008, с. 119, рис. 81, 3, табл. 10], в могильниках у хут. Октябрьский в Нижнем Поволжье [Мордвинцева, Хабарова, 2006, кат. № 147, 159, рис. 7].

Особенно интересны находки M-образных бляшек с пятью отверстиями для нашивки из кургана на окраине г. Липецка, которые по форме и пропорциям практически ничем не отличаются от бляшек эпохи Великого переселения народов. Было зафиксировано их расположение вертикальными цепочками вершинами вверх [Медведев и др., 2008, рис. 78]. Данный комплекс относится к числу княжеских среднесарматских захоронений. Так, найденные в нем золотые зооморфные аппликации, некогда наклеенные на пурпурную ткань накидки балдахина, имеют параллели в кургане 10 Кобяковского некрополя и кургане 48 Усть-Лабинского могильника [Медведев и др., 2008, с. 119, рис. 82–84; Засецкая, 2010, ил. 34, 36]. В стилистике этих изображений можно проследить традиции центральноазиатского искусства.

В позднесарматский период находки бляшек V и M-образной формы редки [Скрипкин, 1984, рис. 14, 79]. Достаточно большая серия бляшек этого типа происходит из памятников Южного Приуралья [Пшенечнюк, Рязанов, 1976, с. 141, рис. 1, 2, 4; Пшенечнюк, 1989, рис. 4, 15; Малашев, Яблонский, 2008, рис. 160, 9, 10; 178, 1; Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 16, 7–9; Мошкова, 2009, рис. 2, 3г]. Причем ряд типов определенно отличается от бляшек, представленных в более ранних памятниках, и имеет локальные морфологические особенности. Изготовлены они не только из золота, но и из бронзы и серебра. Там, где это удалось проследить, расшивка костюма M-образными бляшками осуществлялась, как и в более раннее время, вертикальными полосами, вершинами вверх [Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 16, III, IV], или горизонтальными полосами – расшивка ворота [Мошкова, 2009, с. 100].

В.Ю. Малашев обратил внимание, что в кургане 96 могильника Покровка 10 M-образные бляшки сочетаются с треугольными бляшками, характерными уже для гуннского времени, хотя сам комплекс датируется в пределах III в. н. э. [Малашев, Яблонский, 2008, с. 63, 64, рис. 178, 1, 2]. В этой связи следует отметить, что некоторые специфические типы V-образных бляшек, сходные с редкими типами позднесарматского времени (Темясово), встречены в курганном могильнике гуннского времени Броды на Среднем Урале [Голдина, 1986, табл. 15, 20, 21]. Поэтому представляется, что тезис об отсутствии

преимущества между нашивками-апликациями сармато-аланского времени и варварской знати эпохи переселения народов выглядит искусственным [Мастыкова, 2014, с. 137]. В археологии немало случаев, когда не удается по тем или иным причинам проследить непрерывность распространения тех или иных предметов во времени и пространстве, хотя их общий генезис признается большинством исследователей. В качестве примера можно привести шлемы «кубанского типа» раннескифской эпохи.

В эпоху Великого переселения народов М-образные бляшки в составе декора костюма разноэтничной варварской знати получают чрезвычайно широкое распространение от Дагестана [Давудов, 2013, с. 60, рис. 4, 21] и Посеймья [Мацулевич, 1934, рис. 9] до Западной Европы [Кишш, 1995, табл. 2]. Вполне возможно, что, как предполагает А.В. Мастыкова, золотые М-образные бляшки попадают в аристократический убор гуннского времени под влиянием моды, сложившейся в среде варваризированного понтийского оседлого населения, однако это вовсе не отменяет их родства с сарматскими бляшками [Мастыкова, 2014, с. 140, 141].

К редким промежуточным комплексам следует отнести комплекс с набором М-образных золотых бляшек из катакомбы в кургане 18 Новосадковского могильника. Дата этого погребения, несмотря на наличие амфоры «танаисского типа» [Безуглов, 2008, с. 288], очевидно, не выходит за пределы IV в. н. э. и соотносится с горизонтом погребений III-б по В.Ю. Малашеву [Малашев, 2000, с. 205, 206], для которого характерно распространение предметов черняховского импорта: здесь были найдены железная фибула, трехслойный костяной гребень и сосуд (?) [Ильюков, 2016, рис. 3, 1, 2; 4, 5]. Расположение тела погребенного – параллельно длинной оси камеры у стены – больше напоминает расположение тел в крымских склепах. Сходство еще более значительное благодаря наличию короткого меча¹, уложенного над правым плечом [Там же, рис. 2]. Вытянутые полосой золотые нашивки украшали платье или ткань [Там же, рис. 3, 14], над которой выше лежал гребень, к которому было обращено лицо погребенного. Вероятно, одежда с гребнем символически замещала женское погребение.

Если обратиться к возможным параллелям М-образных бляшек среднесарматской эпохи, то следует в первую очередь обратить внимание на Среднюю Азию. Близкие М-образные бляшки происходят из кургана 9 могильника Туура-Суу в Прииссыккулье в Киргизии [Археологические памятники ... 1975, с. 60, 76, рис. 19в] (рис. 1, 1) и объекта № 15 погребально-поминального комплекса Каракара в Алматинском районе Казахстана к северо-востоку от озера Иссык-Куль [Онгар и др., 2014, с. 42, рис. 27, 1] (рис. 1, 2). В обоих случаях золотая фольга покрывала бронзовую основу. Отверстий на бляшках не было, но они крепились на налобные ленты или головной убор, составляя (по материалам из Каракара) плотный горизонтальный ряд.

¹ Возможно, на мече имеются боковые вырезы.

В объекте 21 комплекса Каракара зигзагообразный декор был нанесен на золотые прямоугольные бляшки, нашитые полосой на шелковую ткань головного покрывала [Там же, с. 45, рис. 30, 31] (рис. 1, 3).

В датировках этих комплексов нет пока никакой определенности, но принадлежность их к материалам II–I вв. до н. э. представляется наиболее вероятной.

Этой дате примерно соответствует находка диадемы из кургана XVI в 9-м Тулхарском могильнике в Кобаданском оазисе, в состав которой входили широкие М-образные нашивки с поперечными насечками (рис. 1, 4). Исследователь памятника А.М. Мандельштам датировал его в пределах последней трети II в. до н. э. – начала I в. н. э. [Мандельштам, 1966, с. 158, табл. LX, 1].

Сходные бляшки, но со скругленным верхом, напоминающие летящих птиц, были нашиты на грудь платья в погребении 6 Тилля-Тепе [Sarianidi, 1985, p. 255, cat. № 12], памятника, дата которого по разнообразным импортам не выходит за пределы начала I в. н. э.

Таким образом, как и многие другие компоненты среднесарматской культуры, М-образные нашивки, вероятно, имеют среднеазиатские истоки происхождения. Возможную хронологическую разницу между сходными по происхождению материалами в Средней Азии и Северном Причерноморье можно проследить на примере Тулхарского могильника и Тилля-Тепе, где встречаются изделия с перегородчатой эмалью [Мандельштам, 1966, табл. LIX, 6, 9; Sarianidi, 1985, p. 51], которые в комплексе Соколовой могилы датируются уже в рамках середины – второй половины I в. н. э. [Ковпаненко, 1986, рис. 122].

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники Прииссыккуля / под ред. Д.Ф. Винника и П.Н. Кожемяко. Фрунзе: Илим, 1975. 176 с.

Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии / отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2008 (МИАР № 10). С. 284–301.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 269 с.

Голдина Р.Д. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века / отв. ред. А.А. Тронин. Устинов, 1986. С. 47–98.

Гущина Н.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.

Давудов О.М. Погребальный комплекс Ирагинского могильника // Вестник Института ИАЭ. 2013. № 1 (33). С. 56–71.

Засецкая И.П. Курган Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во ГЭ, 2011. 328 с.; ил.

Илюков Л.С. Катакомбное погребение из Новосадковского могильника в междуручье Сала и Маныча // Археологическая наука: Практика, теория, история / отв. ред. А.Н. Гей, И.А. Сорокина; ИА РАН. М., 2016. С. 113–119.

Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1986. 152 с.

Кишиш А. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // *Аланы: история и культура* / отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 79–100.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // *Сарматы и их соседи на Дону* / отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов н/Д: Терра, 2000. С. 194–232.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка-10. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.; ил.

Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // *МИА*. 1966. № 136. 232 с.

Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: КГУ, 1996. 338 с.

Мастыкова А.В. «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов // *КСИА*. 2014. Вып. 232. С. 136–150.

Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе: новые находки в верховьях Суджи // *Известия ГАИИМК*. 1934. Вып. 112. 143 с.

Медведев А.П., Сафонов И.Е., Матвеев Ю.П. Сарматское княжеское погребение у южной окраины г. Липецка // *Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса*. М.: Таус, 2008. 252 с.; ил.

Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского краеведческого музея. Симферополь: Тарпан, 2006 (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. № 1). 140 с.; ил.

Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В. Сокровища древней Кубани. Симферополь; Краснодар: Универсум, 2010 (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. № 4). 448 с.; ил.

Мошкова М.Г. Женское погребение в кургане 2 Лебедевского могильного комплекса (раскопки Г.И. Багрикова) // *Гунны, готы и сарматы между Вологой и Дунаем* / науч. ред. А.Г. Фурасев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 99–113.

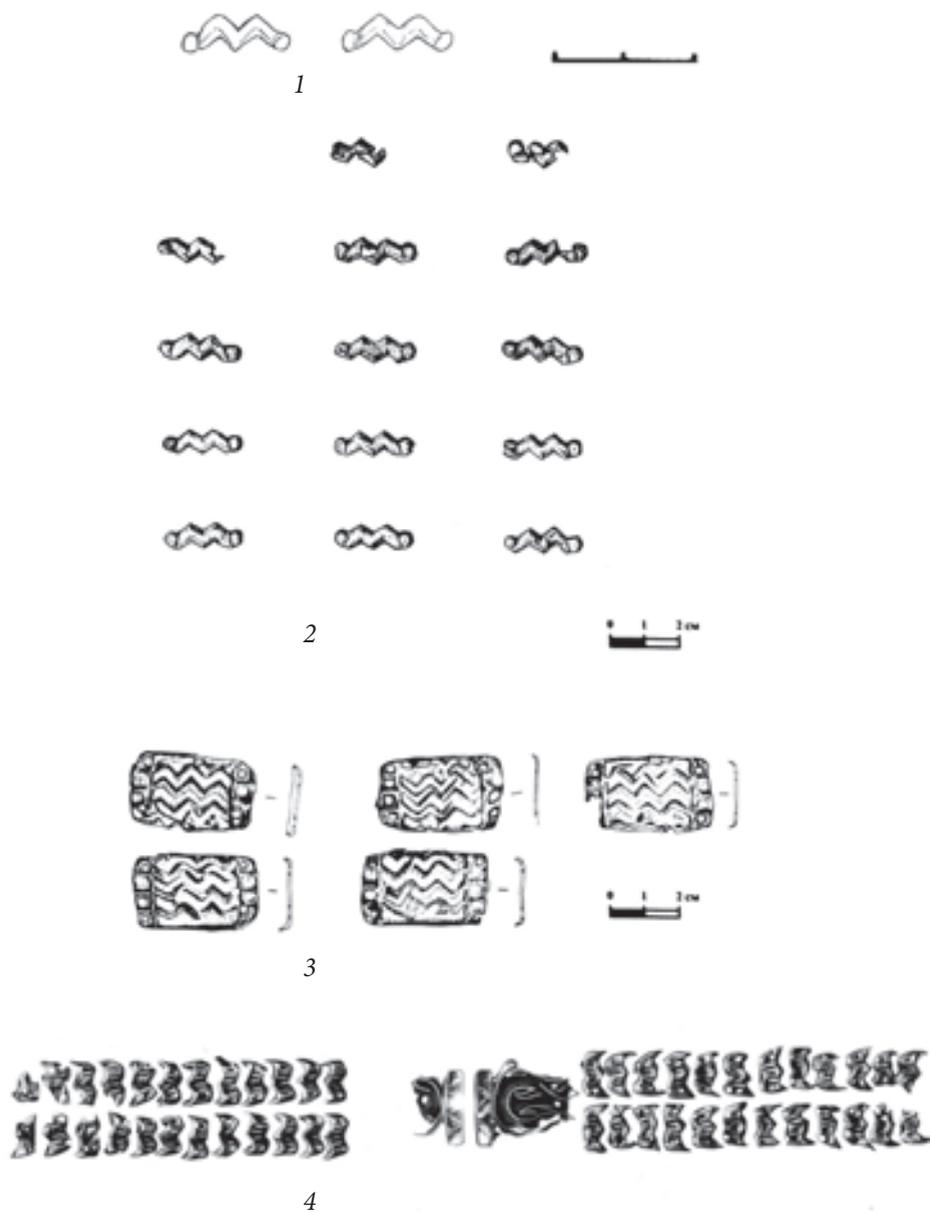
Онгар А., Киясбек Г., Хасенова Б., Бесетаев Б., Кожахметов Б. Новые результаты исследования погребально-поминального комплекса Каракара (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // *Всадники великой степи: традиции и новации* / науч. ред. А. Онгар. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана, 2014. (Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. IV). С. 29–57.

Пшеничнюк А.Х. Сарматский могильник Красный Яр в Оренбургской области // *Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья* / ред. Ю.А. Морозов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 99–119.

Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // *Древности Южного Урала* / отв. ред. Н.Д. Трапезникова. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1976. С. 132–149.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. 150 с.; ил.

Sarianidi V. Bactrian Gold from the excavations of the Tillya-tepe necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1985. 260 p., ill.

Рис. 1.

- 1 – бляшки, курган 9 могильника Туура-Суу;
 2 – бляшки, объект 15 комплекса Каракара;
 3 – бляшки, объект 21 комплекса Каракара;
 4 – диадема, курган XVI в 9-м Тулхарском могильнике.

1, 2 – золото, бронза; 3, 4 – золото

В.И. МОРДВИНЦЕВА

**АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И ВАРВАРСКИЙ МИР:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
III в. до н. э. – III в. н. э.
В ТРУДАХ М.И. РОСТОВЦЕВА**

Концепция культурно-исторических процессов в Северном Причерноморье впервые была предложена в трудах академика М.И. Ростовцева. Для некоторых из этих процессов он предложил специальные термины: «варваризация», «иранизация», «сарматизация». В современной антропологической литературе сходным образом поименованные процессы рассматриваются как вариант аккультурации, подразумевающей передачу определенного культурного содержания от носителей культурной традиции (активные акторы) посредством инструмента трансфера (предметы и явления) принимающей стороне (пассивные акторы). В процессах, постулируемых М.И. Ростовцевым, варвары, иранцы и сарматы играли активную роль. Содержание этих терминов пересекается по принципу таксономии: сарматы являются иранцами, которые в свою очередь являются частью варваров. Другие варвары (скифы, меоты и др.), так же как население греческих городов Северного Причерноморья, прежде всего Боспорского царства, были пассивными акторами. Содержанием этих процессов, по мнению М.И. Ростовцева, была физическая интеграция масс сарматов/иранцев/варваров в среде обитателей Боспорского царства и варварских политических образований в ходе нескольких волн миграций из дальних восточных стран через евразийские степи в северочерноморский регион и далее на запад. Эти процессы имели результатом культурное изменение пассивных акторов, включая их физическое смешение с мигрантами, что проявилось в материальной культуре, например, в появлении предметов «нового облика».

Ключевые слова: сарматы, иранцы, варвары, греческая цивилизация, Северное Причерноморье, культурно-исторические процессы.

«Античная цивилизация и варварский мир» – археологический семинар, организатором и душой которого является Б.А. Раев, и благодарные участники поздравляют его с юбилеем. Высокий уровень и свободная, творческая атмосфера этого мероприятия способствовали зарождению новых идей и формированию новых концепций.

Название этого семинара связано с трудами М.И. Ростовцева, который первым разработал общую модель культурно-исторического развития Северного Причерноморья в древности. Исследователь активно занимался изучением истории этого региона в первые два десятилетия XX в., до времени своей эмиграции из России. Вышедшие позже его труды по истории и археологии Северного Причерноморья базируются в целом на материале, накопленном и обработанном в предреволюционные годы.

Для некоторых культурно-исторических процессов в Северном Причерноморье, проявления которых были описаны его предшественниками, М.И. Ростовцевым были предложены специальные термины: «эллинизация», «варваризация», «иранизация», «сарматизация». Появление этих дефиниций отражает тенденцию в современной ученому мировой науке называть явления на латинский или греческий манер. В английском языке такие слова обычно имеют окончание *-ize*, что в русском аналогично глаголам типа материализовать, механизировать, коллективизировать и т. п., от которых производятся существительные типа материализация, механизация, коллективизация. Как отмечал Джордж Оруэлл, эти новые слова иногда настолько неясны по смыслу, что когда автор «использует их исходя из своих собственных представлений, его читатель может думать, что тот подразумевает что-то совершенно другое» [Orwell, 1957, p. 147–148]. Подобные существительные обозначают или во всяком случае предназначены обозначать процесс, при котором свойства предмета или явления, маркированного корнем слова, переходят на другие предметы и явления объективного мира.

В современной антропологической литературе процессы, по своему названию подобные выделенным М.И. Ростовцевым (например, китаизация – см. [Miller, 2015, p. 155]), обозначаются общим термином «аккультурация» [Dobesch, 2004, S. 54], которая предполагает трансфер определенного культурного содержания с помощью «носителей культурной передачи» (активные акторы¹) посредством «инструментов трансфера» (предметов и явлений) принимающей стороне (пассивные акторы). Понятие «активных» и «пассивных» акторов довольно условно, поскольку в процессе взаимодействия изменению подвергаются все взаимодействующие стороны. При этом проникновение и распространение культурных форм может происходить под внешним давлением или по свободной воле, осознанно или неосознанно, с разной степенью интенсивности, что выражается в разнообразии содержания процессов аккультурации – от эклектичного смешения культурных элементов до полной ассимиляции одной культуры другой [Dobesch, 2004, S. 56–60].

¹ В политологии термином «актор» (лат. *actor* – деятель) обозначается индивид, общественная группа, институт или другой субъект, осуществляющие конкретные действия; сторона, участвующая в конфликте.

Процесс «эллинизации» выделен М.И. Ростовцевым, по-видимому, логическим путем, исходя из самого факта сосуществования античной цивилизации и варварского мира.

Активными акторами процесса «эллинизации» в его работах являются греки, проживавшие в Боспорском царстве и городах-государствах Северного Причерноморья. *Пассивными акторами* выступает варварское население близлежащих и относительно удаленных от античных городов территорий.

Для иллюстрации этого процесса М.И. Ростовцев приводит преимущественно археологические данные. Наиболее часто упоминаются находки греческого импорта на поселениях и в погребениях варваров; факт изготовления гибридных (сочетание «варварской» формы и «греческой» техники изготовления) предметов [Rostowtzeff, 1929, p. 30]; употребление греческих приемов в строительной технике варварских городищ. На основании данных эпиграфики и письменных источников он делает также вывод об импорте государственности синдами и крымскими скифами [Ростовцев, 1918б, с. 76, 90]. Таким образом, под «эллинизацией» им понимаются различные, совпадающие по вектору, но качественно отличающиеся процессы разного территориального и временного масштаба.

Термины «варваризация», «иранизация», «сарматизация» в работах М.И. Ростовцева обычно употребляются как синонимы, но с разным смысловым оттенком.

Активными акторами данных процессов выступали соответственно «варвары», «иранцы» и «сарматы», которые характеризуются то как «народные массы» [Ростовцев, 1918б, с. 14–15], то как «господствующий класс населения» [Ростовцев, 1918а, с. 81; Rostowtzeff, 1929, p. 67].

«Варвары» у М.И. Ростовцева – собирательный термин, под которым понимается местное (до- и негреческое) население Северного Причерноморья, видимое «иранским по преимуществу» [Ростовцев, 1925, с. 170]. К числу «иранцев» относятся скифы и сарматы, а также собственно иранцы (персы, «представители алародийской расы», члены династии Митридата Евпатора) [Ростовцев, 1918б, с. 15, 42, 78, 116; 1925, с. 276, 302, 611, 616]. Под именем «сарматы» понимаются различные кочевые племена, обитавшие как в Северном Причерноморье, так и на отдаленных восточных территориях. Вопреки античной нарративной традиции, М.И. Ростовцев отличает сарматов от савроматов – обитателей территории, с востока примыкающей к Танаису [Ростовцев, 1918б, с. 89, 93; 1925, с. 111, 113]. Таким образом, «сарматы» являются частью «иранцев», которые в свою очередь входят в число «варваров».

В качестве *пассивных акторов* процессов «варваризации», «иранизации» и «сарматизации» в трудах М.И. Ростовцева фигурируют представители античной цивилизации, в основном Боспорского государства, и другие варвары.

Процесс «варваризации» направлен на население греческих государств. Его признак – появление в погребальном обряде боспорцев захоронений коней с упряжью и множества негреческих вещей [Ростовцев, 1925, с. 243].

Иранское влияние отмечено в именах и костюме изображенных на погребальных стелах жителей Пантикапея, в иконографии и именах царей на поздних боспорских монетах, в торевтике и ювелирном деле, в погребальном обряде, в том числе в изобилии мужских погребений с оружием и наличии конских погребений с упряжью, типах вооружения [Ростовцев, 19186, с. 115, 124–125, 128–129; 1925, с. 163, 172, 235]. Начало процесса «иранизации» М.И. Ростовцев датирует III в. до н. э. [Ростовцев, 1925, с. 579]. Механизм проникновения иранских культурных элементов состоял в физическом внедрении иранцев в состав населения Боспорского царства [Ростовцев, 19186, с. 111, 122, 125]. Аналогичные признаки перечисляются при описании процесса «сарматизации» Боспорского царства [Ростовцев, 1925, с. 245, 613, 616]. Складывается представление, что «иранизация» Боспора произошла именно в связи с проникновением сарматов.

В итоге процессы «варваризации», «иранизации» и «сарматизации» греческого населения описываются с помощью сходных признаков и представляются по сути один феномен. Их территориальный масштаб был локальным (северное побережье Чёрного моря). По времени они заняли не менее шести столетий – с III в. до н. э. по III в. н. э.

В отношении других *пассивных акторов* термины «иранизация» и «сарматизация» прямо не используются, речь идет о появлении в варварском мире Северного Причерноморья новых иранских/сарматских этносов и «смешении» их с местным «до-сарматским» населением. Основным *пассивным актором* выступают скифы, под которыми подразумевается практически все не-греческое население региона.

В отличие от «сарматизации» Боспора, т. е. процесса, в рамках которого происходит взаимодействие культурных групп, резко различающихся по сложности социального устройства, хозяйственно-культурному типу, языку и пр., процесс аккультурации скифов осуществлялся сходной культурной группой. Это требовало разработки более детальной аргументации для обоснования выдвигаемой М.И. Ростовцевым культурно-исторической модели, которая состояла в идее продвижения с Востока на Запад регулярных «волн» новых племен [Ростовцев, 19186, с. 15, 38, 93; 1925, с. 612, 615].

Основным аргументом в пользу концепции завоевания скифов сарматами М.И. Ростовцев считает резкое изменение материальной культуры в конце III в. до н. э. [Ростовцев, 1925, с. 309]. Это проявилось в появлении в погребальном инвентаре «новых предметов». Индикатор первой волны пришельцев с востока – фалары конской упряжи, поясные крюки, полихромные броши [Rostovtzeff, 1922, р. 132; 1929, р. 42–45]. Маркером второй сарматской волны являются предметы «нового» звериного стиля, основными отличительными признаками которого М.И. Ростовцев называет полихромную и набор сюжетов

(преобладание сцен борьбы зверей) [Rostowtzeff, 1929, p. 55]. Новые предметы появляются вместе с пришельцами в результате их «инфильтрации» в среду скифской аристократии [Ростовцев, 1925, с. 458, 550; Rostowtzeff, 1929, p. 42].

Признаки процессов «сарматизации» и «иранизации» местного населения Северного Причерноморья во многом совпадают, «сарматизация» понимается как «новая иранизация». Этот процесс охватил обширную территорию от северных границ Китая, государств Средней Азии до венгерской Пушты и более западных европейских территорий [Ростовцев, 1925, с. 457–458, 616, 617]. Его материальным свидетельством является распространение изделий полихромного стиля, который, как считал М.И. Ростовцев, был создан на Боспоре и через посредство сарматов и готов повлиял на орнаментальный стиль Европы в эпоху поздней Античности и раннего Средневековья (в том числе романский и готический).

Помимо перечисленных, в работах М.И. Ростовцева можно обнаружить признаки некоторых других культурно-исторических процессов.

Так, исследователь отметил процесс влияния Римской империи на греческие государства Северного Причерноморья, в первую очередь на Боспорское царство [Ростовцев, 19186, с. 76, 79, 109]. Результатом римского протектората стало ослабление «культурной сопротивляемости греков» [Ростовцев, 19186, с. 80]. В материальной культуре «романизация» Боспора выразилась в типах монетной чеканки [Ростовцев, 19186, с. 123].

В связи с гибелью Великой Скифии М.И. Ростовцев неоднократно упоминает о «проникновении элементов Латена» в скифскую материальную культуру [Ростовцев, 19186, с. 16, 41, 56, 63; 1925, с. 138, 458, 526, 613]. Однако контакты с западными соседями не были встроены в его общую историко-культурную концепцию.

М.И. Ростовцев стал одним из первых, кто использовал археологический материал как аргумент в исторических построениях. При этом он не приводит и не обосновывает методику своей обработки археологических данных. Сведения о взглядах исследователя на сущность и принципы развития материальной культуры и методах интерпретации ее остатков можно почерпнуть в его текстах.

Основной группой археологических источников в работах М.И. Ростовцева выступают погребальные памятники, хотя он и указывает на большой информационный потенциал и настоятельную необходимость исследования поселений. М.И. Ростовцев видит прямую связь между элементами погребальной культуры (изображения на стенах склепов, предметах торевтики; состав погребальных приношений) и реальной жизнью древнего населения, делая из этого далеко идущие выводы. В частности, «богатство», «состоятельность» погребений отражали, по его мнению, реальное богатство общества [Ростовцев, 19186, с. 71–73, 122; 1925, с. 181, 220, 222]. Из анализа сюжетов росписей античных склепов он делает вывод о «полукочевом образе жизни пантикапейцев»: «Каждую весну из Пантикапея двигалась в степь целая серия обозов с палатками, скотом, земледельческими орудиями, женщинами и детьми» [Ростовцев, 19186, с. 129].

С определенными категориями инвентаря прямо ассоциировалась конкретная этническая принадлежность. Развитие материальной культуры, а именно появление в ней новых категорий вещей или предметов нового облика, происходило, по мнению исследователя, в результате миграций, когда трансфер инноваций в культуру-реципиент происходил физически вместе с потоками мигрантов [Rostowtzeff, 1929, p. 42, 66]. Соответственно в основе трансформации материальной культуры лежали этнические изменения. Закрепление за конкретными категориями вещей этнического содержания давало инструмент в прослеживании направления миграций, когда сходные, по мнению М.И. Ростовцева, группы погребений рассматривались как реперы, «связывающие звенья» на их пути [Ростовцев, 1918а, с. 31–33, 80; 1925, с. 573]. В то же время М.И. Ростовцев признавал эволюционное развитие материальной культуры в широких временных интервалах, происходившее путем «перерождения» ее элементов [Ростовцев, 1925, с. 458–459, 613]. В результате формировалась преемственность культур Северного Причерноморья, определившая собой «культурные особенности жизненного уклада того, что позднее сделалось Россией» [Ростовцев, 1918б, с. 7].

Несмотря на слабую разработанность методики изучения археологического материала, сформулированная М.И. Ростовцевым модель культурно-исторического развития Северного Причерноморья была комплексной и на тот момент непротиворечивой. Имплицитной целью его работ было закрепление историко-генетического мифа, связывавшего судьбы древнего населения Северного Причерноморья и Российской империи. Описанные им культурно-исторические процессы охватывали несколько исторических эпох (от греческой архаики до раннего Средневековья) и значительную территорию, включавшую практически весь Старый Свет. Им был обобщен весь доступный к тому времени материал, сведены разные группы источников – письменные, археологические, эпиграфические, нумизматические, для интерпретации которых привлечен широкий круг аналогий. Масштаб работ Ростовцева был настолько велик, стиль изложения настолько непрерываем, а культурно-историческая модель настолько убедительна, что они надолго, вплоть до настоящего времени, определили пути развития нескольких направлений в отечественной науке, в частности антиковедения и скифо-сарматской археологии.

ЛИТЕРАТУРА

Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР № 37. Пг., 1918а.

Ростовцев М.И. Эллинизмо и иранство на юге России. Пг., 1918б.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

Dobesch G. Zentrum, Periferie und “Barbaren” in der Urgeschichte und der Alten Geschichte. In: **Zentrum und Peripherie – Gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte. Materialien des 13. Internationalen Symposiums “Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im mittleren Donaoraum”**. Wien, 2004.

Miller B.K. The Southern Xiongnu in Northern China: Navigation and Negotiating the Middle Ground. In: **Complexity of Interaction Along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE**. Bonn, 2015.

Orwell G. Politics and the English Language. In: **G. Orwell. Selected Essays**. London, Tonbridge, 1957.

Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.

Rostovtzeff M. The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929.

О НЕКОТОРЫХ ПРИЗНАКАХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ЗОЛОТОЙ ФОЛЬГИ В СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ ЕВРАЗИИ

Е.В. ПЕРЕВОДЧИКОВА

Изображения животных, вырезанные из золотой фольги, сходны с петроглифами, поскольку тоже представляют собой силуэтные изображения. Но некоторые их признаки находят стилистические параллели в рельефных образцах скифского звериного стиля. Базируясь на этих чертах, мы можем выделять стилистические и хронологические группы среди силуэтных изображений.

Ключевые слова: скифский звериный стиль, искусство кочевников Востока степи, изображения из золотой фольги.

Произведения скифского звериного стиля, выполненные в золотой фольге, составляют вполне выразительную группу вещей, основная черта которых – плоскостность и контурность. По этой причине наиболее логично сравнивать их с петроглифами.

Известные фигурки кабанов, вырезанные из золотой фольги, из Чиликтинского кургана 5 С.С. Черников сопоставляет с наскальными изображениями у аула Тамураши в Восточном Казахстане, среди которых есть и фигура кабана, положением ног и плавным контуром спины похожая на чиликтинские [Черников, 1965, с. 62].

С.А. Зинченко, сформулировав бесспорный тезис о приоритетном характере контурности и плоскостности, также находит аналогии этим изображениям в круге казахстанско-центральноазиатских петроглифов раннего железного века – это те же изображения из Тамураши, петроглифы в урочище Койтас, Ур-Марал, а также изображение на оленнем камне из кургана Аржан [Зинченко, 2005, с. 117].

Не возражая против этих бесспорных аналогий, проверим, исчерпывается ли специфика данных изображений этой, хоть и основной, их особенностью.

Животные показаны стоящими «на цыпочках», ноги немного направлены вперед. Массивная голова опущена, так что нос оказывается чуть выше уровня копыт. Грива животного составляет практически единую плавную линию с его

спиной и отделена от нее небольшой узкой прорезью. Глаз и пасть поданы в виде прорезных отверстий. Клык и ухо выступают на контур головы (рис. 1, 1).

Описывая фигуры кабанов из Чиликты, С.А. Зинченко выделяет такой признак, как округлость контура, состоящего «из постоянно перетекающих друг в друга форм, которые трудно свести к определенной четко очерченной геометрической фигуре» [Зинченко, 2005, с. 116]. Однако при общей плавности линий контура выделяются остроугольные кончики копыт, «пяточок» кабана и острый угол гривы, хоть и прилегающий вплотную к спине, а также полукруглые выступы, оформляющие грудную клетку и бедро животного. С этими выступами переключается широкая в средней части голова животного, довольно резко переходящая в узкий длинный нос.

Ориентируясь на эти признаки, можно найти стилистические параллели контурным изображениям среди произведений искусства, исполненных в рельефе. Округлый контур спины животного сближает чиликтинские изображения с такими образцами раннего звериного стиля, как фигурка кабана на навершии кинжала из Минусинской степи [Артамонов, 1973, с. 100, рис. 131], хищного зверя на навершии ножа из с. Туран в Туве [Вайнштейн, 1974, с. 19, рис. 8] и венчающая костяной гребень из погребения 2 кургана 2 Варненской группы курганов на Южном Урале фигура хищного зверя [Боталов, Таиров, 1996, с. 117–119, рис. 3, 6]. Подобный контур свойствен также изображениям животных на навершиях ножей и кинжалов в древностях раннескифского времени из Южной Сибири [Завитухина, 1983, кат. 64–82].

Сходство изображений из Чиликты и Варны проявляется также в сегментовидных выступах на лопатке и бедре варненского хищника и полукруглом контуре этих деталей у кабана из Чиликты. Похоже, здесь мы встречаемся с разновидностью приема акцентирования этих частей тела животных, распространенной в архаических памятниках Востока степи: сегментовидные выступы присутствуют на фигурах свернувшихся хищников из кургана 33 Уйгарака [Вишневская, 1973, с. 141, табл. IX, 15, 16], случайных находок у озера Иртяш [Полидович, 2001, с. 29, рис. 2] и озера Увильды на Южном Урале [Таиров, 2007, с. 221, рис. 44]. Идея круга на месте лопатки еще более ярко выражена на бляшке в виде протомы хищного зверя из уйгаракского кургана 27, где лопатка трактована в виде концентрических окружностей [Вишневская, 1973, с. 141, табл. IX, 8].

Что же касается плавности контура, то характеристика, данная С.А. Зинченко изображениям кабанов из Чиликты, еще более применима к вырезанным из золотой фольги изображениям животных из курганов Восточного Талейда в Синьцзяне. Это фигурки оленя (лося?) с подогнутыми ногами и повернутой назад головой (рис. 1, 2), и животного, которого Цзянцзюнь Ю и Цзян Ма определяют как волка (рис. 1, 3). Ни общий контур этих фигур, ни форма прорезей не описываются при помощи каких-либо геометрических фигур, их формы действительно как будто плавно перетекают друг в друга. На этих изо-

бражениях не видно ни углов, ни полукруглых выступов: и лопатка, и бедро показаны плавными контурами.

Подобный способ передачи рельефа графическими приемами должен соответствовать иной его трактовке, более близко передающей его нюансы. Именно с такой моделировкой поверхности мы сталкиваемся на изображениях животных из кургана Аржан-2 [Čugunov et al., 2010, taf. 5; 17; 54], на фигурках хищников из кургана 5 Кичигино I [Таиров, Боталов, 2009, рис. 1, 11], курганов 31 и 53 Южного Тагискена [Итина, Яблонский, 1997, с. 140, рис. 44; с. 109, рис. 12], Талды 2, курган 5 [Бейсенов, 2012, с. 231, рис. 5]. Любопытно, что на плоских изображениях лошадей и баранов из Аржана-2 контур этих выступов такой же, как и на фигурах из Восточного Талейда.

Все перечисленные рельефные изображения входят в одну группу, объединенную связями по целому ряду признаков. Одним из этих признаков является выделение львиной гривы, демонстрирующее, что перед нами изображение именно льва, а не традиционного для скифского звериного стиля абстрактного хищника [Переводчикова, 2012, с. 240–242]. Грива читается и на ажурном изображении льва, вырезанном из золотой фольги, из кургана Карашоки [Бейсенов, 2012, с. 234, рис. 12]: она передана выступом контура. Подобный выступ мы видим на фигуре хищника из Восточного Талейда, которого определяют как волка. Удлиненная форма головы вроде бы этому соответствует. Однако контурный выступ-грива здесь читается столь четко, что возникают сомнения в том, что это именно волк. Здесь уместно вспомнить, что удлиненная голова свойственна также изображениям кабанов. Поэтому порой трудно понять, хищник перед нами или кабан. Например, такая ситуация затрудняет определение вида животных с очень длинной головой, помещенных на ножах тагарской культуры [Завитухина, 1983, кат. 66–70]. Возвращаясь к фигуре животного из Восточного Талейда, заметим, что грива обычна и для кабана – как в природе, так и для его изображений. Однако когтистые лапы не позволяют определить его как кабана. Возможно, здесь мы имеем дело с очередным случаем присутствия черт хищника в образе кабана – явления, распространенного в скифском зверином стиле разных периодов его существования и отражающего двойственную природу этого животного [Переводчикова, 2013, с. 145–146].

Обобщая сделанные наблюдения, можно заметить, что предметы, вырезанные из фольги, оказываются вполне сопоставимы с произведениями скифского искусства, выполненными в рельефе. Детали рельефа довольно четко, хотя и условно, передаются выступами контура, поэтому можно реконструировать воспроизводимый при помощи контурных линий рельеф.

Рассмотренные силуэтные изображения находят соответствие в разных стилистических (и соответственно хронологических) группах скифского звериного стиля восточных областей степи: архаической и несколько более поздней аржано-кичигинской [Таиров, Боталов, 2010, с. 351–352; Переводчикова, Таиров, 2015].

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И.* Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 280 с.
- Бейсенов А.З.* Сарыарка сақтары мәдениетінің жаңа деректері // Археология и история Сарыарки. Караганда: Изд-во КарГУ, 2012. С. 223–241.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д.* Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: ТО «Каменный пояс», 1996. С. 117–138.
- Вайништейн С.И.* История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 222 с.
- Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. ТХАЭЭ VIII. М.: Наука, 1973. 160 с.
- Завитухина М.П.* Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983.
- Зинченко С.А.* Петроглифы как возможный стилистический прототип для формирования памятников раннескифского искусства // Мир наскального искусства: сб. докл. междунар. конф. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 116–117.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. 187 с.; ил.
- Переводчикова Е.В.* Произведения скифского звериного стиля из кургана № 5 у с. Кичигино в контексте искусства кочевников восточных областей Евразии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 1. С. 238–243.
- Переводчикова Е.В.* Произведения скифского звериного стиля из курганов у села Кичигино как индикатор историко-культурных изменений на Южном Урале в середине I тысячелетия до нашей эры // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. Челябинск: Рифей, 2013. С. 139–148.
- Переводчикова Е.В., Таиров А.Д.* Искусство раннесакского времени Южного Урала и его восточные параллели // *Stratum Plus*. 2015. № 3. С. 121–141.
- Полидович Ю.Б.* К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника // *РА*. 2001. № 3. С. 25–34.
- Таиров А.Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г.* Аристократическое погребение сакского времени из Южного Зауралья // Маргулановские чтения – 2009: мат-лы междунар. науч. конф. (22–25 апреля, 2009 г.). Петропавловск: М. Қозыбаев атындағы СҚМУ, 2009. Т. 1. С. 209–214.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г.* Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий М.: Таус, 2010. С. 339–354.
- Цзянцзюн Ю., Цзян Ма.* Алтай и соседние регионы в период около VIII в. до н. э. (по данным курганов Восточного Талейда) // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. Т. II. С. 78–86.
- Черников С.С.* Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. 188 с.
- Çigirnov K.V., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. *Archäologie in Eurasie* 26. *Steppenvölker Eurasien* 3. 2010.

1

2

3

Рис. 1. Изображения животных из золотой фольги:
1 – Чиликты, курган 5 (по: [Черников, 1965, с. 37, табл. XVII]);
2, 3 – Восточный Талейд (по: [Цзянцзюн Ю, Цзян Ма, 2013, с. 84, рис. 13, 14])

А.Н. ПОДУШКИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
КАТАКОМБЫ 7
ВОСТОЧНОЙ ГРУППЫ НАСЫПЕЙ
МОГИЛЬНИКА КУЛЬТОБЕ
I в. до н. э. – II в. н. э.

Статья посвящена анализу археологического комплекса катакомбы 7 восточной группы насыпей могильника Культобе I в. до н. э. – II в. н. э., представляющего собой погребение воина-номада в полном вооружении.

Этот комплекс по ряду характерных этноопределяющих признаков в виде специфических артефактов (изделия из кости, оружие, амулеты-бакулюмы) связывается с центральноазиатскими сюнну, которые в указанное время оказались в Южном Казахстане.

Политический аспект появления сюнну в регионе Средняя Сырдарья – бассейны рек Арысь, Талас связан с вояжем северо-сюннусского Чжи-Чжи шаньюя и его воинства из глубинных районов Центральной Азии далеко на запад, в пределы Южного Казахстана, где он и был разбит совместными усилиями ханьцев и Кангюй в 36 г. до н. э. (Таласское сражение).

Ключевые слова: Южный Казахстан, катакомба, сюнну, Кангюй, номады, Центральная Азия.

Вопросы присутствия центральноазиатских сюнну в регионе Южного Казахстана неоднократно поднимались в связи с исследованиями истории, археологии, материальной и духовной культуры государства Канцзюй (Кангюй). В результате многолетних раскопок памятников каратобинского этапа арысской культуры Южного Казахстана I в. до н. э. – IV в. н. э. (культуры государства Кангюй) в рамках этого политического объединения стало возможным выделить несколько этнических компонентов, в числе которых и сюннуский [Подушкин, 2000, с. 150–153]. В настоящее время у ученых нет сомнения в присутствии сюнну на территории региона, а также в том, что представители этой империи номадов участвовали в ключевых событиях древней истории края [Подушкин, 2015, с. 507–514]. Об этом красноречиво свидетельствуют археологические источники, оставленные сюнну, границы которых постоянно расширяются.

Свидетельство тому – очередное погребение в катакомбе 7 восточной группы насыпей могильника Культобе I в. до н. э. – II в. н. э., археологический

комплекс которой имеет явно восточное происхождение и может связываться с центральноазиатскими сюнну.

Могильник Культобе находится на гребневидных лёссовых останцах правой надпойменной террасы реки Арысь, в 2,5 км к северу от городища Культобе. Он представляет собой вариант могильника, сочетающего в себе расположение цепочкой и бессистемного расположения насыпей, и включает в себя от пятидесяти до ста лёссовых курганов. Восточная группа курганов включает около 16 насыпей; их планировка каплевидная, со смещенной от центра максимальной точкой по высоте; наиболее крутой склон, как правило, северный, реже – восточный.

Курган № 7 восточной группы могильника Культобе сложен из лёсса, насыпь «каплевидной» формы, профилированная и достаточно хорошо выражена. В ходе работ почти в центре под насыпью на глубине 3,7–4 м от дневной поверхности была открыта двухчастная «Т»-образная катакомба (бесступенчатый дромос траншейного типа перпендикулярно примыкает к сводчатой подземной погребальной камере овально-прямоугольной планировки; рис. 1). На дне камеры обнаружен потревоженный древними грабителями одиночный костяк воина-номада в полном вооружении (рис. 2).

Обряд погребения: труположение на спине ориентацией изголовья на восток. В числе особенностей обряда отметим наличие под костяком и над ним глennых остатков дерева – судя по всему, данное погребение было осуществлено в деревянном гробе-катафалке прямоугольной формы с крышкой, которая накрывала его сверху.

Погребальный инвентарь представлен: кувшином столовым грушевидной формы, с высокой горловиной и отбитой в древности петлевидной вертикальной ручкой, верхний конец которой крепился к венчику (рис. 2, 1). Кувшин сделан на круге, обжига качественного; декор включает покрытие внешней поверхности ангобом светло-коричневого цвета, а также – украшение горловины и плечиков сосуда ангобом темно-коричневого оттенка. На дне кувшина отмечен рельефно-выпуклый «П»-образный знак, а другой знак треугольной конфигурации, выполненный техникой прорезывания по сырой глине, зафиксирован на тулове сосуда в районе донца; керамической курильницей прямоугольно-овальной формы с невысокими бортиками и с отверстием в одном из них (рис. 2, 2); железным черешковым обоюдоострым мечом без навершия и с «бабочковидным» ромбовидным в разрезе перекрестием (меч находился в сложно конструктивных ножнах, включающих ярко-красную кожу, тонкую ткань и дерево; на конце черешка отмечен штырь-фиксатор деревянной рукояти; рис. 2, 4); железным обоюдоострым кинжалом-акинаком без перекрестия и навершия в аналогичных сложно конструктивных ножнах (на черешке отмечены следы деревянной рукояти; рис. 2, 8); железными наконечниками стрел четырех типов: черешковый трехлопастной (рис. 2, 10), втульчатый трехлопастной (рис. 2, 10а), черешковый безлопастной (рис. 2,

14) и черешковый плоский двулопастной (рис. 2, 7); фрагментами костяных концевых и срединных накладок на сложносоставной лук (рис. 2, 7–7в) и костяным концевым полым фиксатором на дополнительный ремешок на основной пояс (рис. 2, 6); пенисными косточками, или бакулюмами (рис. 2, 3–3б), и двумя идентичными по конструкции железными овально-округлыми рамчатыми обувными пряжками с подвижным язычком (рис. 2, 11–11а); ножом железным без перекрестия и навершия (рис. 2, 9), а также железным изделием, напоминающим скальпель (имеет лавролистной формы плоскую режущую часть-наконечник и округлую в разрезе рукоятку; артефакт был завернут в кожу, а затем перевит тонкой веревкой; рис. 2, 13); округлым камнем с отверстием в центре (рис. 2, 12), бронзовой обоймой на тонкую деревянную пластину с двумя штырьками-фиксаторами (рис. 2, 15) и железной сферической бляшкой с ножкой для заклепки (рис. 2, 16).

Местонахождение инвентаря в погребении отмечено в экспликации на рисунке 2.

В целом материал катакомбы 7 представляет собой неординарный и информативно насыщенный археологический комплекс, позволяющий обратиться к аналогиям, вопросам хронологии и этнокультурным интерпретациям. При этом следует отметить, что большая часть косвенных и прямых аналогий уводит нас далеко на восток, к основным этническим территориям сюннусского союза племен (Северная Монголия, Забайкалье и река Селенга, Внутренняя Монголия КНР и Северный Китай).

Например, сосуды из погребения явно местного производства, сосуды близки комплексу керамики арысской культуры Южного Казахстана каратобинского этапа I в. до н. э. – IV в. н. э. [Подушкин, 2000, с. 104–105; рис. на развороте]. Так, курильницы различных форм (в том числе прямоугольные) являются характерным атрибутом погребальной обрядности сарматского мира [Смирнов, 1973, с. 46–59], с которым сюнну как кочевой этнос контактировали в маргинальных зонах соприкосновения (куда относится регион Южного Казахстана).

Знаки-тамги («П»-образные, подтреугольные) как элемент культуры древних кочевников также характерны для сюнну: они отмечены в сочетании с петроглифами в Монголии периода империи сюнну (треугольные формы отдельных частей знаков на скалах Цаган-гола [Вайнберг, Новгородова, 1976, с. 66–68, рис. 8, табл. III, 1–3 и 5]); имеются они и на керамике сюнну (Иволгинское городище; [Давыдова, 1995, с. 28, табл. 179]).

Несмотря на то, что клинковое оружие редко фигурирует в погребениях сюнну, бабочковидное ромбическое в разрезе перекрестие меча (судя по всему двуручного) служит уверенным хронологическим и этническим индикатором: длинные мечи подобного типа с близкими параметрами отмечены в сарматских памятниках юга России (как импорт из Поднебесной I в. до н. э. – III в. н. э. и в качестве автономного клинкового оружия; [Ли Джи Ын, 2010,

с. 162–163, табл. 35]), а также – в Ханьском Китае этого же периода [Васильев, 2005, с. 98–100, рис. на с. 99].

Что касается обоюдоострого кинжала-акинака без перекрестия и навершия, то подобным оружием на рубеже эры пользовались как сарматы [Хазанов, 1971, с. 15–17, табл. X, 2–3), так и племена, близкие по происхождению к сюнну: аналогичные кинжалы известны в материалах могильника Усть-Эдиган II в. до н. э. – I в. н. э. [Худяков, 1997, с. 30–34, рис. 1, 13, 3; 14; Горбунов, Тишкин, 2006, с. 80–82, рис. 10, 9 и 14).

Примечателен и набор наконечников стрел из катакомбы 7, среди которых одновременно четыре типа. Так, трехлопастные железные наконечники с прямыми жальцами известны в материалах сюннусского облика из захоронения в Ния [Худяков, 1999, с. 162, рис. 1, 12]; здесь же обнаружен и втульчатый железный наконечник культобинского облика [Худяков, 1999, с. 163, рис. 2, 8].

Совершенно неординарной и даже неожиданной находкой в катакомбе 7 стали так называемые бакулюмы – артефакты, приближенные по своей фактуре к сильно пористой губчатой кости, покрытой блестящей пленкой. Это костные образования в пенисе (лат. *os penis*), необходимые для поддержания эрекции. Встречаются у пяти видов млекопитающих, причем размеры бакулюмов прямо указывают и на размер животного; судя по габаритам и форме культобинских бакулюмов (длина 11,8 и 11,5 см, округло-овальные в разрезе), они принадлежат либо очень молодому бурому медведю (*Ursus arctos*), либо – взрослой особи байкальской нерпы (*Phoca sibirica* Gmelin) – единственному виду тюленей в Восточной Сибири, обитающему в пресной воде озера Байкал. Предназначение подобных предметов в погребении – амулеты, призванные обеспечить жизненную удачу и мужскую силу.

Именно в таком качестве бакулюмы байкальской нерпы выступают в погребении 25 эпохи бронзы могильника Шумилиха на левом берегу р. Ангара (два экземпляра; [Номоконова и др., 2014, с. 25–27, рис. 4, 11 и 12]). Это пока единственная аналогия – надо полагать, что подобный ритуал практиковался у древнего народонаселения Прибайкалья и в более позднее время.

Но особенно ценным артефактом в контексте этнических и культурных заключений, касающихся центральноазиатских сюнну, является костяной предмет, определяемый как концевой фиксатор дополнительного ремешка, подвязываемого к основному поясу. Такие редкие и очень специфичные артефакты зафиксированы сразу в нескольких классических памятниках сюнну (хунну) Забайкалья, Минусинской котловины и Северного Китая.

Например, несколько подобных изделий найдены на Иволгинском городище и Дырестуйском могильнике (они позиционируются исследователями как «...предметы неизвестного назначения»; [Давыдова, 1995, с. 30, табл. 185, 44–45; Миняев, 2007, с. 60, табл. 57, 2]). Более определенно о функциональности упомянутого костяного предмета высказался Д.Г. Савинов, обозначив его как «...пронизку в виде копыта», которая обнаружена в могильнике Есино III

(тесинский этап тагарской культуры Минусинской котловины; [Савинов, 2009, с. 67, рис. 9, 8, табл. XLV, 14]). Упомянутые выше две группы артефактов (бакулюмы байкальской нерпы и костяной фиксатор ремешка) только подтверждают версию явно восточного происхождения всего погребального комплекса катакомбы 7, поскольку и Иволгинское городище, и Дырестуйский могильник находятся в непосредственной близости к озеру Байкал.

Таким образом, археологический комплекс из катакомбы 7 восточной группы насыпей могильника Культобе можно датировать I в. до н. э. – II в. н. э. и отнести к племенам сюннусского облика в рамках государственного объединения Канцзюй (Кангюй). Политический аспект появления сюнну в регионе Средняя Сырдарья – бассейны рек Арысь, Талас связан с вояжем северо-сюннусского Чжи-Чжи шаньюя и его воинства из глубинных районов Центральной Азии далеко на запад, в пределы Южного Казахстана, где он и был разбит совместными усилиями ханьцев и Кангюй в 36 г. до н. э. (Таласское сражение; [Зуев, 1957, с. 62–72]).

В завершении выражаю искреннюю благодарность Сергею Степановичу Миняеву за ценные консультации по поводу вышеприведенных материалов.

ЛИТЕРАТУРА

Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 66–74, 176–179.

Васильев В.Н. Об одном редком типе мечей Южного Приуралья и Юго-Западного Приаралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Сборник научных трудов. Вып. 2. Актобе, 2005. С. 98–100.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннусской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2006. № 4. С. 79–85.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Том 1: Иволгинское городище. Археологические памятники сюнну. Вып. 1. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995.

Зуев Ю.А. К вопросу о взаимоотношениях усуней и Канцзюй с гуннами и Китаем во II половине I в. до н. э. (поход гуннского шаньюя Чжи-Чжи на Запад) // Известия АН Каз. ССР. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1957. Вып. 2 (5). С. 62–72.

Ли Джи Ын. Китайский импорт в памятниках юга России (I в. до н. э. – III в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2010.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. 2-е изд., доп. Археологические памятники сюнну. Вып. 3; Филологический факультет СПбГУ. СПб., 2007.

Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 177–191.

Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Горюнова О.И., Базалийский В.И. Образ нерпы у населения Прибайкалья в голоцене (Восточная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. РАН, Сибирское отделение. 2014. № 3 (59). С. 21–28.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. – VI в. н. э. Туркестан, 2000.

Подушкин А.Н. Сюнну в Южном Казахстане: археологический и исторический контексты // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы VI междунар. науч. конф. Том II. Хух-Хото, 2015. С. 507–514.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 46–59.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. № 2. Горно-Алтайск, 1997. С. 28–36.

Худяков Ю.С. Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии Горно-Алтайского университета. № 4. Горно-Алтайск, 1999. С. 162–165.

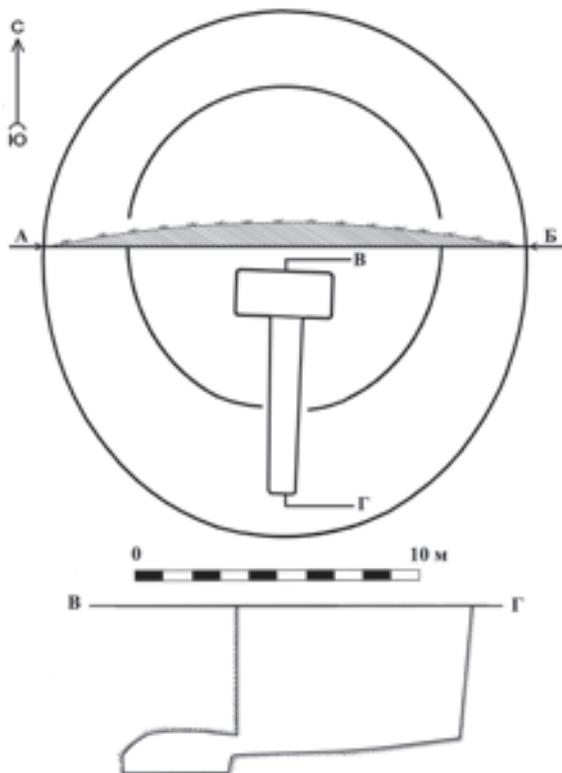

Рис. 1. Могильник Культобе. Восточная группа насыпей.
План, разрез катакомбы 7

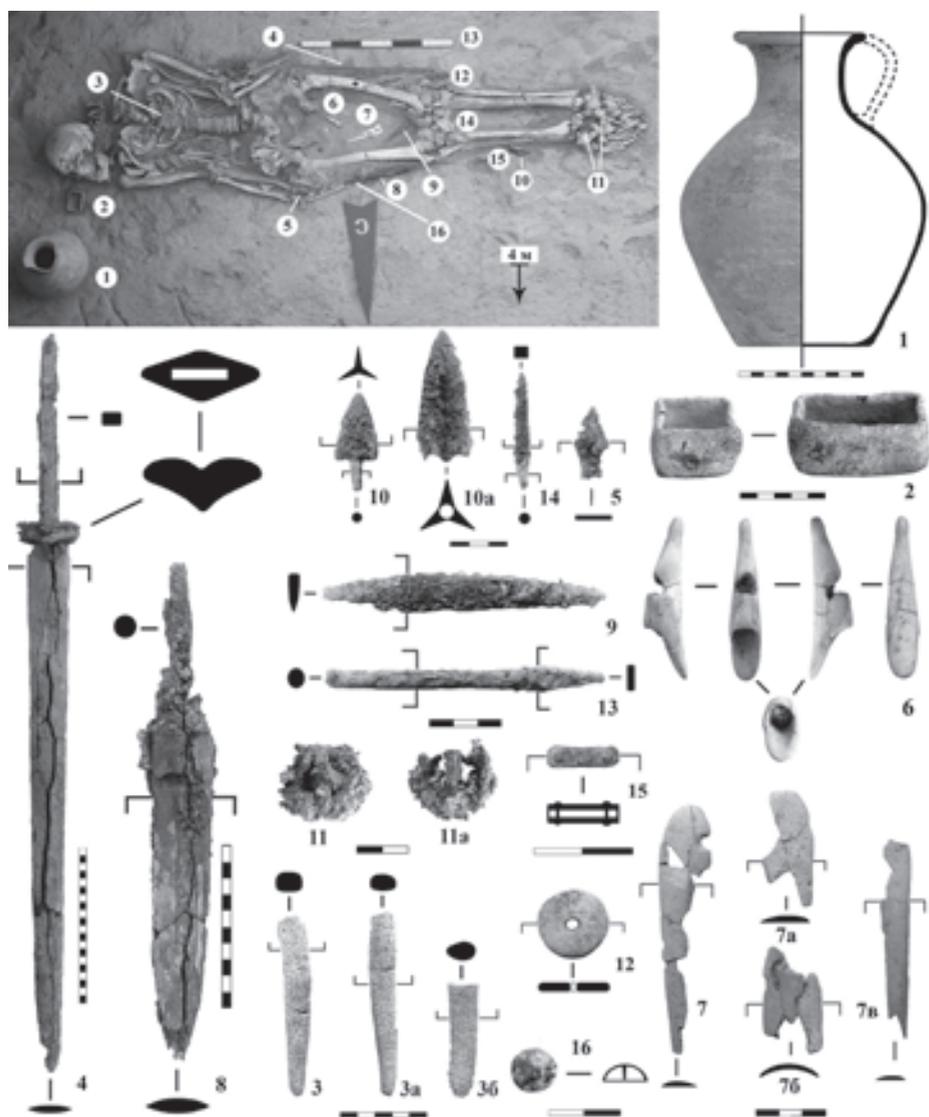

Рис. 2. Могильник Культобе. Восточная группа насыпей.
 Погребение, экспликация инвентаря катакомбы 7

ПАЗЫРЫКСКОЕ НАСЛЕДИЕ В МАТЕРИАЛАХ КУРГАНА 10 КОБЯКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Т.А. ПРОХОРОВА

Выявлено наличие наследия, связанного с пазырыкской культурой Горного Алтая, в материалах погребения представительницы сарматской аристократии высшего ранга из кургана 10 Кобяковского могильника. Проведено сравнение материалов из Кобяково с материалами царского некрополя Тилля-тепе в Северном Афганистане.

Ключевые слова: Кобяково, среднесарматская культура, пазырыкская культура, аланы, юэчжи.

Этническая атрибуция богатых курганов Нижнего Дона, таких как Кобяковский 10, Хохлач, Садовый, Дачи, к настоящему времени остается дискуссионной. Большинство исследователей вслед за Б.А. Раевым склонны связывать погребальные комплексы среднесарматской культуры с ранними аланами. Некоторые полагают, что со счетов не следует сбрасывать и аорсов. Есть мнение, что этот вопрос в настоящее время не имеет однозначного решения и пока остается открытым. Среднесарматская культура появляется на Нижнем Дону в I в. н. э. в уже сложившемся виде и характеризуется наличием отчетливых влияний восточного кочевого мира, вплоть до Алтая. В 1983 г. Б.А. Раев обратил внимание на сходство многих черт погребального обряда и материальной культуры Больших Алтайских курганов и Хохлача [Раев, 1989, с. 116–117]. К сожалению, указанные комплексы ограблены, что повлекло утрату значительной части информации. Попробуем оценить объем пазырыкского наследия в материалах неограбленного погребения из кургана 10 Кобяковского курганного могильника, располагавшегося на восточной окраине г. Ростова-на-Дону.

Погребения пазырыкской культуры Горного Алтая находятся под индивидуальными курганными насыпями. Могильные ямы подпрямоугольной формы ориентированы сторонами или углами по странам света, достаточно обширные для того, чтобы в яму мог поместиться сруб. Сруб изготавливался из бревен, иногда из плах; рубился древним способом, в замок с остатком, и устанавливался по центру могильной ямы или в ее южной половине. Про-

странство между срубом и стенами могилы закладывалось камнями. Сверху сруб перекрывался плахами и полотнищами бересты, щели промазывались глиной, по дну настился пол. Полы зачастую покрывались кошкой или ковром. Покойники укладывались на правый бок с подогнутыми ногами на настилы или ложа в южной части сруба. Преобладала ориентировка головой на восток, хотя имеют место и другие варианты. Главным отличительным признаком погребального обряда пазырыкской культуры являются сопроводительные захоронения коней в одной могиле с усопшими. Забитых чеканом животных укладывали в северной части могильной ямы, не занятой срубом. На уровне погребенной почвы могила перекрывалась несколькими накатами перекрытий из бревен или плах, коры, веток курильского чая [Кубарев, 1991, с. 24–28; Полосьмак, 2001, с. 20].

В погребении, открытом в кобяковском кургане, в квадратной могильной яме, углами ориентированной по сторонам света, установлен имитирующий сруб дощатый ящик. Края досок по углам ящика не обрублены и выступают за его пределы. Пространство между стенками ящика и ямы засыпано. Ящик перекрыт берестой с промазкой глиной. Над ямой зафиксированы два наката перекрытий, нижний из бересты и верхний из камыша. По дну ящика прослежена решетчатая конструкция из плах. Центральная часть могилы поверх плах устлана парчой. Погребенная женщина лежала вдоль юго-западной стенки, предположительно, на ложе из растительности. Положение погребенной – вытянутое на спине, головой на юго-восток.

Весь сопровождающий инвентарь пазырыкских захоронений концентрируется в центральной части погребального сооружения, между покойниками и конями [Полосьмак, 2011, с. 192]. В Кобяково инвентарь погребения также располагался в центральной части ящика, между погребенной и предметами конской упряжи. К числу новаций, по сравнению с погребальным обрядом пазырыкцев, следует отнести прекращение практики забоя коней и помещения их в одну могилу с усопшими. Но отголоском этой практики остается наличие в погребальном инвентаре конской сбруи. Непрочность сбруи наводит на мысль ее церемониального назначения [Гугуев, 1992, с. 109]. Думается, что это также следует отнести к особенностям пазырыкских захоронений, в инвентаре которых зачастую содержатся не настоящие изделия, а их деревянные или металлические модели.

Еще одной характерной чертой пазырыкской культуры является изобилие в могилах изделий из золотой фольги [Полосьмак, 2011, с. 35]. В кобяковском захоронении таких изделий достаточно много. Это и уже упомянутая конская упряжь, и украшения головного убора, и нашивные бляшки на одежду. Головной убор из тонкой, окрашенной в красный цвет кожи демонстрирует прямую преемственность с головными уборами пазырыкцев. Украшения головного убора в Кобяково выполнены из золотой фольги в технике аппликации. Детали аппликации, представляющие композицию «олени и птицы у мирового дере-

ва», крепились к головному убору с помощью клеящей мастики. Пазырыкцы широко использовали вырезанные из золотой фольги, кожи и войлока аппликации для украшения одежды, конской сбруи, изделий из керамики и дерева. На головные уборы, кроме аппликаций, крепились вырезанные из дерева и обклеенные фольгой фигурки птиц и оленей [Кубарев, 1991, с. 115, 119].

Для пазырыкской культуры установлено наличие представлений, связанных с мировым деревом как универсальным знаковым комплексом. Мировое дерево и его изоморфы использовались при оформлении женских головных уборов и причесок. В погребении «принцессы Укока» (курган 1 могильника Ак-Алаха-3) сохранился сложный головной убор-парик. К высокому сооружению из войлока, являющемуся аналогом мирового дерева, были прикреплены вырезанные из дерева и обклеенные золотой фольгой фигурки птичек. Прическу украшали кокарда в виде лежащего оленя с раздвоенным туловищем и булавка с навершием в виде фигурки оленя на шаре [Полосьмак, 2011, с. 75, 144].

Гривны носили все представители пазырыкской культуры (мужчины, женщины, дети). Они представляли собой гладкие, полые внутри, металлические обручи, в концы которых вставлялись головки или фигурки хищных животных. Изделия полностью покрывались золотой фольгой. На юстыдских наконечниках гривен изображались три основных персонажа – волк, барс и грифон. Гривны из кургана 12 могильника Уландрык I и кургана 7 могильника Уландрык II имеют окончания в виде припавших к земле волчьегоморфных монстров с крыльями, растущими от передних лап, и длинными тонкими хвостами [Кубарев, 1987, табл. XXVIII, 10, с. 229; табл. XLVIII, 2, с. 249; Кубарев, 1991, с. 125; Полосьмак, 2001, с. 164]. Возможно, именно такие фантастические существа послужили прототипами при создании образа волчьеголового дракона кобьяковской гривны. Иконография волчьих голов на пазырыкских изделиях очень разнообразна, но все они изображаются с раскрытыми зубастыми пастьями и сморщенной верхней губой. На орнаментальном фризе кобьяковской гривны с драконом сражаются зооантропоморфные герои. Зооантропоморфные образы можно найти и на изделиях пазырыкской культуры. Например, персонаж, изображенный в нижней части войлочного ковра из Пятого Пазырыкского кургана, или существа на изделиях из курганов № 9–11 могильника Берел [Самашев и др., 2010, с. 274].

Номенклатура погребального инвентаря из курганов пазырыкской культуры и кобьяковского погребения близка по своему содержанию. Это деревянные и керамические сосуды, предметы конской упряжи, ножи. Зеркала находятся в сумочках или футлярах. В погребениях пазырыкцев более крупные зеркала чаще встречаются в женских захоронениях, миниатюрные – в мужских и детских. Предметы вооружения – кинжалы, чеканы, луки – происходят в основном из мужских погребений [Кубарев, 1991, с. 73, 94, 105]. В могильниках Ак-Алаха исследованы два погребения вооруженных женщин. В кургане 1 могильника Ак-Алаха-1 девушка похоронена с железным чеканом, железным

кинжалом в деревянных ножнах и деревянным колчаном, содержащим стрелы с костяными наконечниками. В кургане 4 могильника Ак-Алаха-5 у правого бедра женщины находились железный чекан и нож [Полосьмак, 2011, с. 58, 97]. В инвентаре кобяковского погребения имеется двулезвийный железный топор, который может быть отнесен к типу оружия ударного действия. К таковому относятся и чеканы пазырыкской культуры. Применялся чекан как в пешем бою, так и в ритуалах, связанных с жертвоприношением.

В погребении кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 содержались амулеты в виде россыпи бус и коренной зуб человека [Полосьмак, 2011, с. 74]. В погребении из кобяковского кургана 10 также найдена россыпь амулетов: кубик из пирита, бусы, в составе которых резные камни, амулет-скарабеоид.

Перечисленные соответствия показывают, что пазырыкское наследие, которое прослеживается в устройстве погребального сооружения, деталях обряда, украшениях и одежде погребенной, в составе инвентаря погребения из кургана 10 Кобяковского могильника проявляется объемно и ярко. Оно не может быть объяснено влияниями и составляет базовую основу, на которой сформировался облик не только кобяковского, но и прочих погребальных комплексов среднесарматского времени на Нижнем Дону.

Н.В. Полосьмак отмечает, что аристократия, погребения представителей которой исследованы в Тилля-тепе, в некотором роде является наследницей пазырыкской культуры [Полосьмак, 2011, с. 134]. Погребения некрополя Тилля-тепе совершены в прямоугольных, ориентированных по странам света ямах. Захоронения произведены в деревянных, скрепленных железными скобами гробах. Гроб в погр. 4 стянут обручами и заключен в футляр из красной кожи с росписью. С этим погребением связаны череп и кости конечностей лошади. В ногах погребенного лежала узда. Погребение 5 совершено в колоде, обернутой в покрывало. Над могильными ямами зафиксированы остатки перекрытий из кожи, дерева и циновок. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой ориентированы на север, в двух случаях на запад (погр. 5, 6) [Сарианиди, 1989, с. 47–115].

Отмечается значительное сходство кобяковских золотых изделий с ювелирными украшениями некрополя Тилля-тепе. Проявляется оно в ажурности украшений, полихромной инкрустации полудрагоценными камнями и цветной пастой, в форме кастов. Это сходство обеспечивало стремление сделать ювелирные изделия из золота похожими на ажурную, многоцветную аппликацию [Руденко, 1961, с. 54–56]. Вместе с тем изделия из Тилля-тепе демонстрируют сложный сплав культурных традиций и стилей. Важно отметить, что антропоморфные персонажи на ювелирных украшениях Тилля-тепе имеют монголоидный облик, а на изделиях, происходящих из курганов Нижнего Дона (Кобяково, Хохлач), – европеоидный. На парных застежках из погр. 6 некрополя Тилля-тепе присутствует зооантропоморфный персонаж. В.И. Сарианиди видит в нем изображение Силена [Сарианиди, 1989, с. 126].

Однако иконография греко-бактрийского божка в кушанское время подверглась значительной переработке в направлении усиления его зооморфности.

В инвентаре погребения из Кобяково содержатся две шкатулки. На крышке одной из них лежал топор, в другой находились стеклянный стакан и золотая пряжка. В Тилля-тепе в качестве вместилищ для разных предметов служили плетеные корзинки (погр. 1, 2, 5). В погр. 2 в корзинке лежали топорик-клевец и два ножа сибирского типа. Зеркала найдены во всех женских погребениях некрополя Тилля-тепе. Китайские зеркала происходят из погр. 2, 3, 6. В погр. 5 в изголовье погребенной лежали кучкой амулеты, а в погр. 2 они были нашиты на рукава одежды. В инвентаре погребения из Кобяково и погр. 5, 6 Тилля-тепе содержались колокольчики [Сарианиди, 1989, с. 49–115].

Таким образом, можно констатировать сходство материальной культуры и погребального обряда погребения из кургана 10 Кобяковского могильника с культурами IV–II вв. до н. э. Горного Алтая и конца I в. до н. э. – I в. н. э. Северного Афганистана, носителями которых общепризнанно считаются юэджи. Думается, что материальная культура, представленная в курганах аристократии Нижнего Дона и некрополя Тилля-тепе, соответствует двум линиям развития на базе пазырыкской культуры. Причем пазырыкское наследие в раннекушанское время, судя по находкам из Тилля-тепе, подверглось уже значительной переработке, в то время как кобяковский археологический комплекс сохранил больше архаичных черт. Возможно, это связано с тем, что изучаемое погребение является женским. В патриархальных, а тем более военизированных обществах новации в культуру вводятся мужчинами, в то время как женщины призваны сохранять традиции, что с неизбежностью проявляется в погребальном ритуале.

ЛИТЕРАТУРА

- Гугуев В.К. Парадный конский убор из кургана 10 Кобяковского могильника // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
- Раев Б.А. Аланы в евразийских степях: Восток-Запад // Скифия и Боспор. Ново-черкасск, 1989.
- Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.
- Самашев З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Конское снаряжение древних скотоводов Алтая: Опыт реконструкции (по материалам кургана № 10 могильника Берел) // Археологический альманах. Изобразительное искусство в археологическом наследии. Донецк, 2010. № 21.
- Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тилля-тепе. М., 1989.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННО-ЗОНДОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОСТАВА И ТЕХНОЛОГИЙ ИЗГОТОВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МЕТАЛЛОВ И СТЕКОЛ

Рассмотрены особенности применения электронно-зондовых методов исследований для изучения археологических изделий из металла и стекла, отходов литейного производства. Указаны особенности материала, влияющие на точность измерений, и рекомендуемые режимы измерений.

Ключевые слова: естественнонаучные методы, электронно-зондовый анализ, бронза, стекло, золото.

Растровая электронная микроскопия в комплексе с рентгенофлуоресцентным микроанализом широко используется при изучении археологических объектов. Наряду с известными достоинствами: возможностью неразрушающего анализа, получением информации о степени сохранности материала, его микроструктурных особенностях, химическом составе в широком диапазоне определяемых элементов (Na–U) и концентраций (0,0n–100 %) – имеются и сложности, требующие разработки методических подходов к изучению определенного рода объектов. Остановимся на наиболее часто изучаемых материалах – металлах (и в первую очередь бронзах) и стеклах.

Археологические бронзы. Широко распространенные сплавы меди с мышьяком или оловом являются гомогенными лишь при содержании указанных металлов не более 6–10 вес. % (в реальных сплавах). При превышающих это значение содержаниях микроструктура мышьяковистой бронзы (с содержанием As до ~25 ат. %) образована механической смесью твердого раствора на основе меди (с содержанием As ~5,1–6,5 ат. %) и β-фазы (As 12,7 ат. %); оловянной (с содержанием Sn до ~20 ат. %) – твердым α-раствором олова в меди и эвтектоидом α + δ (с содержаниями Sn соответственно 9,1 и 20,4 ат. %) [Диаграммы состояния... 1996; 1997]. Локальность микроанализа составляет ~1 мкм, в силу

этого точечный микроанализ не может характеризовать ни интегральный состав металла, ни состав образующих сплав фаз. Более того, распределение элементов в структурно однородном твердом растворе тоже неравномерное (рис. 1а), и помимо основных фаз, как правило, в сплаве присутствуют второстепенные включения (свинца, висмута и пр.). Определенного рода решением является измерение по площадям поверхности образца за счет разворачивания электронного пучка в растр (рис. 1в). При этом используемые алгоритмы обработки аналитических данных (преобразующие измеренную интенсивность характеристического излучения от образца по отношению к стандарту в фактическую концентрацию элемента с введением комплекса поправочных коэффициентов) не предназначены для получения количественных результатов по такого рода исходным данным, что неизбежно вносит погрешность (в совокупности с рядом других источников погрешностей). Вместе с тем при соблюдении ряда условий результат такого рода измерений можно рассматривать как приближенно-количественный. Иллюстрацией могут служить приведенные в таблице 1 измерения участков образца литейной бронзы марки БрО10Ц2 (анализатор INCA Energe 450 (фирмы OXFORD Instruments Analytical) на базе электронного микроскопа Tescan VEGA II LMU; ускоряющее напряжение 20 kV; время набора 40 с), показавшие вполне удовлетворительные результаты, достаточные для идентификации марки сплава по химическому составу.

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗМЕРЕНИЯ УЧАСТКОВ БРОНЗЫ БРО10Ц2

	Требования ГОСТ 613-79	σ^*	Участки измерений по площадям		
			1	2	3
Cu	85–90	$\pm 0,12$	87,14	86,98	88,11
Sn	9–11	$\pm 0,08$	10,16	10,71	9,89
Pb	до 0,5	$\pm 0,09$	0,27	0,12	<0,10
Fe	до 0,3	$\pm 0,04$	<0,05	0,11	<0,05
Si	до 0,02		–	–	–
P	до 0,05		–	–	–
Al	до 0,02		–	–	–
Zn	1–3	$\pm 0,09$	1,87	2,01	1,69
Sb	до 0,3		–	–	–
Итого			99,49	99,93	99,84

Основными условиями получения корректных данных выступают: 1) изученность макроструктуры образца, обеспечивающая оценку однородности сплава (с выявлением связанных с ликвацией и иными процессами неоднородности).

родностей); 2) представительность участков измерений с учетом структурной неоднородности; 3) соответствие полученных результатов микроструктурным особенностям и фазовому составу, свойственным сплавам выявленного состава (на основе справочных данных). Необходимость исследования микроструктур определяет решение методических задач, связанных с подготовкой поверхности анализируемого образца. Если для литых бронз достаточно стандартной полировки, то при изучении деформированных сплавов необходимо травление. Большинство используемых в металлографических исследованиях реактивов при этом неприменимы в силу привноса элементов, искажающих результаты микроанализа. Хорошие результаты обеспечивает выдерживание полированной поверхности в течение 2–3 суток на воздухе при комнатной температуре с последующим травлением концентрированной соляной кислотой и промывкой спиртом (рис. 1б). При глубокой коррозии образцом для анализа может служить тонкая высверливаемая стружка.

Золотые изделия – более сложный объект для микроанализа, требующий для анализа большинства элементов (с содержанием менее 1 %) использования волнодисперсионных спектрометров. При использовании энергодисперсионных спектрометров (и разворачивании пучка в растр) достаточно эффективно выявляются различия на уровне макроэлементов. Примером могут служить результаты изучения золотых изделий из раскопок сарматских курганов Южно-Донской экспедицией в устье р. Маныч и в курганах Елизаветовского некрополя. Сарматские изделия характеризуются высокой пробностью золота (~95 вес. %) и присутствием, наряду с серебром (~4–6 %) и медью (~1–2 %), железа, свинца и висмута; скифские – содержанием золота ~85 % при повышенном содержании серебра (~14–17 %) и меди (~2–2,5 %), а также присутствием железа, свинца и цинка.

При использовании электронной микроскопии хорошо проявляются структурные неоднородности металла, в том числе связанные с использованием в процессе изготовления изделий разнородного золота (рис. 1г).

Железные изделия, как и бронзовые, фазово неоднородны. Дополнительную сложность вносит значимость определения содержания углерода (не определим количественно методами рентгенофлуоресцентного микроанализа, но в ряде сталей может быть рассчитан по площади цементита) и низких содержаний элементов-примесей. При этом микроструктурные особенности в целом хорошо выражены на протравленной кислотой поверхности (рис. 1д), что обеспечивает возможность отнесения сталей к доэвтектоидным, эвтектоидным и заэвтектоидным; детальное изучение структур дает информацию и о технологических режимах обработки металла.

Важную роль в интерпретации структурных особенностей бронзовых и железных изделий имеют эталоны, изготовленные с учетом древних составов и реконструированных процессов изготовления [Равич, 1983; Агапов и др., 2013].

Археологические стекла всегда в той или иной мере подвержены коррозионным процессам (видимо, с нарушением исходного состава во всем объеме стекла). При развитии поверхностной коррозии состав стекла изменяется с глубиной, что иногда хорошо выражено в изменении среднего атомного веса зон стекла (детектируемого BSE) или в пластинчатом строении приповерхностной части (рис. 2а, б). В зависимости от характера воздействия (и в значительной мере от рН среды) корродируемое стекло теряет щелочные металлы или вместе с ними и кремнезем (выносимый в форме кремнекислородных анионов и легкорастворимых силикатов щелочных металлов – Na_2SiO_3 и др.).

Сложность измерений состава стекла заключается и в специфичности взаимодействия электронного пучка (зонда) с аморфным материалом: разогрев зондом приводит к разрушению стекла в точке анализа и испарению вещества, а наведенные электростатические поля вызывают миграцию ионов натрия, калия, фтора, хлора, фосфора и др. в области анализа. Для минимизации этих процессов рекомендуется снижение тока зонда, увеличение толщины углеродного напыления или использование более теплопроводящего покрытия, разворачивание электронного пучка в растр с анализом по площади или расфокусировка и пр. [Рид, 2008]. Опыт автора в измерении состава стекол позволяет заключить, что достаточно эффективным методом (в гомогенных образцах) является разворачивание электронного пучка в растр; при этом режимы измерения (ток зонда, время набора импульсов) зависят от состава стекла и степени его гидратированности и могут контролироваться состоянием поверхности после проведения измерения. Определение элементного состава стекольной массы и учет направленности его изменений (путем изучения зональности состава) обеспечивает возможность отнесения стекла к одному из геохимических подтипов. В некоторых образцах электронно-зондовые исследования позволяют наблюдать частицы веществ, использованных в качестве пигментов (рис. 2в).

Изучение отходов металлургического производства несет информацию о технологии металлургического процесса и использованных компонентах, в том числе и о сырье (рис. 3а, б). Предварительные результаты изучения бронзолитейных «сплесков» из культурного слоя «дома металлурга» Елизаветовского скифско-античного городища [Копылов и др., 2011] приводят к предположению об использовании в качестве легирующих добавок к металлургическому сырью (лому) рудных минералов, связанных с гидротермальными ассоциациями, обогащенными серебром, висмутом, золотом и рядом других элементов [Попов, Рылов, 2015].

В целом электронно-зондовые исследования обеспечивают широкий спектр получаемой информации о неорганических археологических материалах при условии рационально разработанных методик, учитывающих особенности каждой группы объектов.

ЛИТЕРАТУРА

Агапов С.А., Горшко Т.Ю., Агапов Д.С. Проект по созданию каталога микроструктур эталонов литых бронз (предварительное сообщение) // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Ульяновск, 2013. С. 187–201.

Диаграммы состояния двойных металлических систем: справочник. В 3 т. Т. 1 / под ред. П.П. Лякишева. М.: Машиностроение, 1996. 992 с.

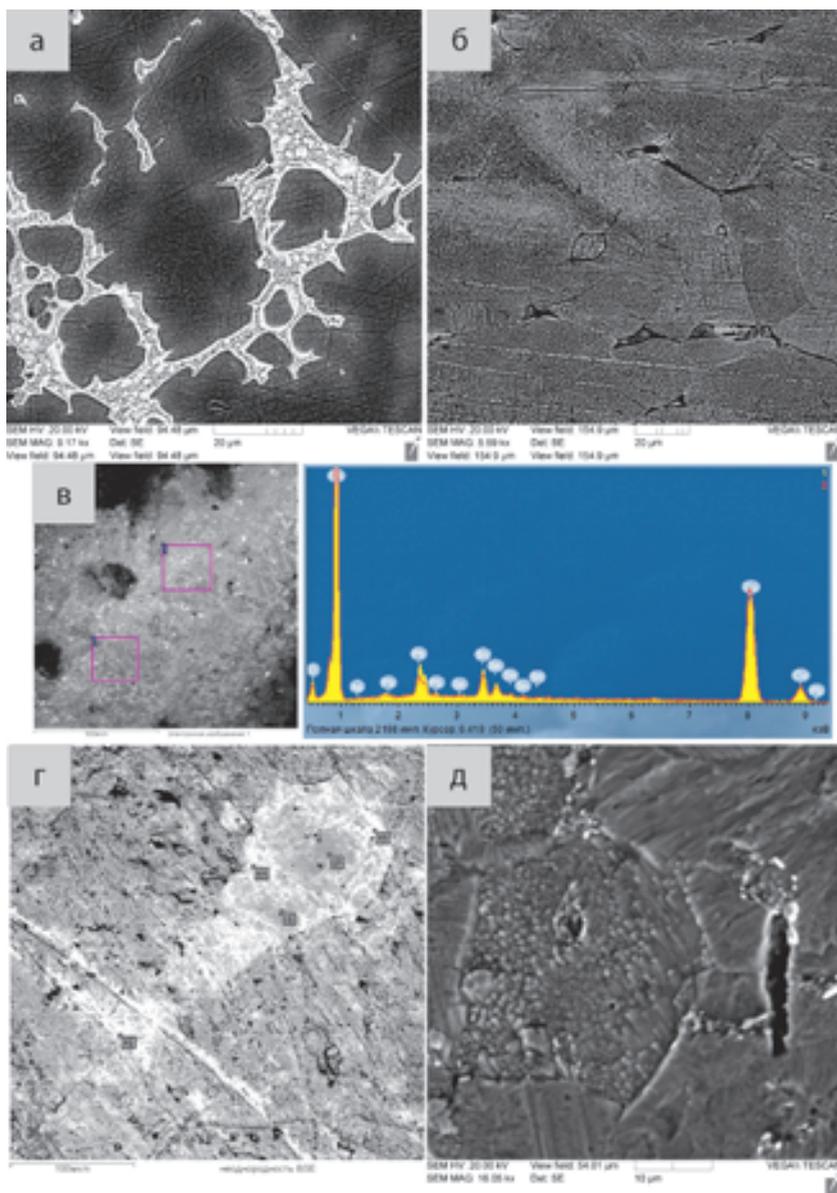
Диаграммы состояния двойных металлических систем: справочник. В 3 т. Т. 2 / под ред. П.П. Лякишева. М.: Машиностроение, 1997. 1024 с.

Копылов В.П., Рылов В.Г., Коваленко А.Н. Дом металлурга IV в. до н. э. в Елизаветовском городище на Дону // Древности Восточной Европы: сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамко / ХНУ имени В.Н. Каразина. Харьков, 2011. С. 179–187.

Попов Ю.В., Рылов В.Г. Состав отходов бронзолитейного производства Елизаветовского скифо-античного городища по данным электронно-зондовой микроскопии и микроанализа // Успехи современного естествознания. 2015. № 1. С. 110–114.

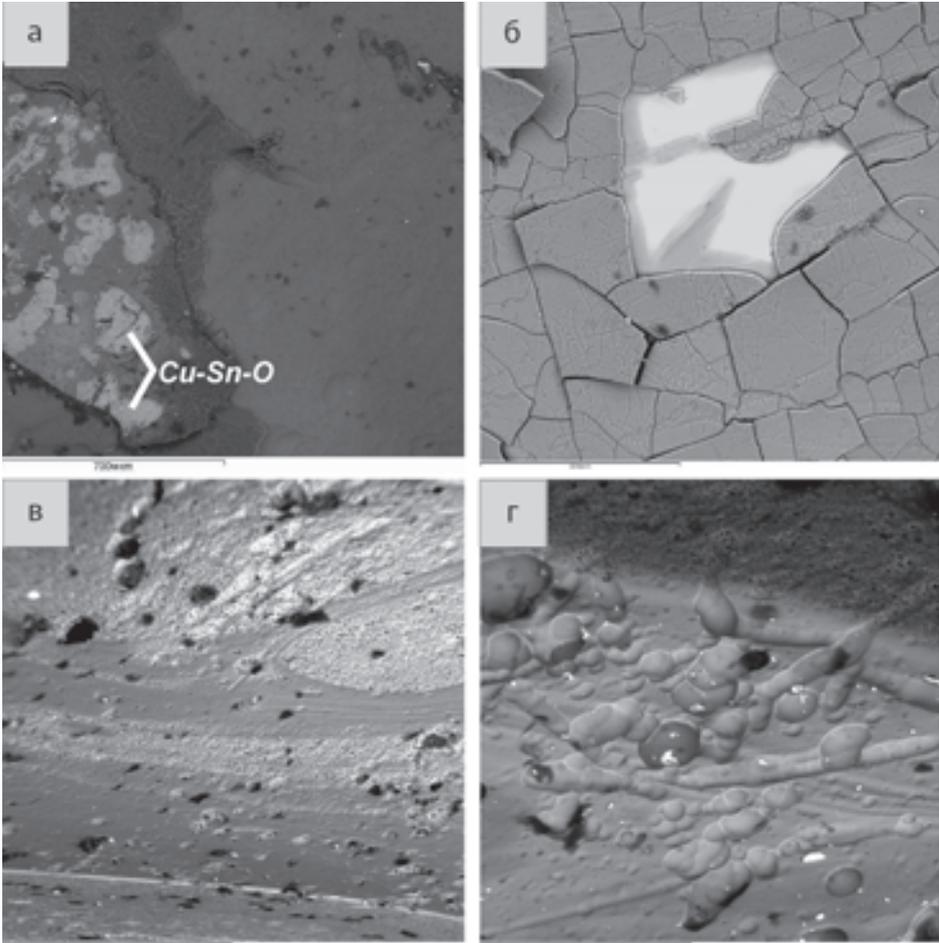
Равич И.Г. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. М.: ВНИИР, 1983. № 8 (31). С. 136–143.

Рид С.Дж.Б. Электронно-зондовый микроанализ и растровая электронная микроскопия в геологии. М.: Техносфера, 2008. 232 с.

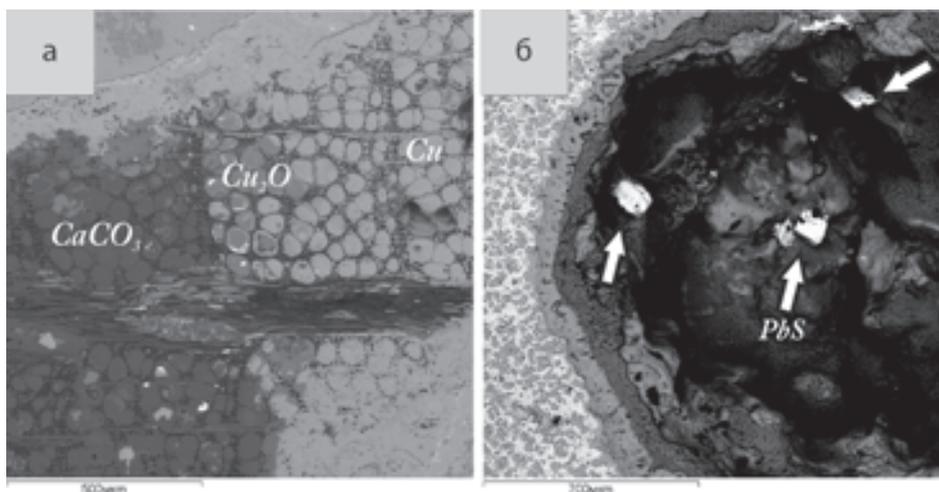

Рис. 1. Строение и состав металлов (сигнал BSE):

α -раствор с неравномерным содержанием Sn и эвтектоида $\alpha+\delta$ в литой оловянной бронзе (а); структура оловянной бронзы после холоднойковки (эталон с Sn 10 вес. %, изготовленные С.А. Агаповым) (б); участки и EDX спектры оловянно-свинцовой бронзы (кольцо из сарматского «ритуальногоклада» из р-на х. Недвиговка) (в); фрагмент высокопробного золота в Cu-Ag-Au сплаве (скифское золото) (г); микроструктура стали доспеха (феррит и перлит) (д)

Рис. 2. Строение и состав археологического стекла (сигнал BSE): зональное строение поверхности; на внешнем слое отмечаются оксиды меди и олова (стекло из сарматского «ритуальногоклада» из р-на х. Недвиговка) (а); типичное строение поверхности археологического стекла с отчетливо выраженными поверхностными изменениями (б); строение полихромного стекла (финикийская полихромная стеклянная бусина-маска, V–III вв. до н. э. Адыгея, поселение Шенджийское 1, разведка И. Мещеряковой) (в); микрочастицы соединений Sb, используемого в качестве красителя белого фрагмента стекла (то же изделие) (г)

Рис. 3. Некоторые компоненты отходов бронзолитейного производства из «дома металлурга» Елизаветовского городища (сигнал BSE): кристаллы сульфида свинца (галенита?) в микропорах сплава бронзолитейного слеска (а); частицы угля, замещенного бронзой, оксидом меди и кальцитом (б)

Предпринята попытка интерпретации изображения птиц на диадеме из кургана Хохлач на основании данных мифологии усуней. Предполагается вхождение усуней в состав аланского племенного объединения, обосновавшегося с I в. н. э. в степях юга Восточной Европы.

Ключевые слова: диадема, курган Хохлач, изображения птиц, аланы, усунь.

Диадема из кургана Хохлач относится к числу уникальных памятников ювелирного искусства сарматской эпохи. Этот курган входит в круг погребальных памятников юга Восточной Европы, принадлежащих элите кочевого мира I – начала II в., в которых были найдены вещи, являющиеся предметами искусства, характеризующимися рядом новых черт как в перечне персонажей, стилистических особенностях их трактовки, так и в технологических приемах изготовления самих предметов [Засецкая, 2011]. Курган Хохлач, как и большая часть курганов этого круга, сосредоточен на Нижнем Дону. Ранее было высказано мнение о принадлежности этих памятников, и кургана Хохлач в частности, представителям аланской знати, поскольку дата их сооружения совпадала со временем появления здесь аланов по письменным источникам [Раев, 1989, с. 58–63; Раев, 1986, р. 116–117].

Я хотел бы обратить внимание на изображение фигурок птиц на верхнем крае боковых частей диадемы из кургана Хохлач [Засецкая, 2011, ил. 15] (рис. 1). На памятниках скифского и сарматского искусства птицы в большинстве своем изображались с явными признаками хищников, ассоциирующимися с орлами. На указанных изображениях птиц на диадеме такие признаки отсутствуют. Я не исключаю, что в данном случае на диадеме изображены вороны, о чем может свидетельствовать их мощный, но прямой клюв, характерный для этого вида птиц.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-31-10173 «Крым и южные рубежи России: история, культура, межэтническое взаимодействие».

Рис. 1. Фигуры птиц на верхнем крае боковых частей диадемы
(ил. 15 по: [Засецкая, 2011])

Такая видовая интерпретация этих изображений птиц позволяет вспомнить легенду о происхождении усуней, переданную китайскими историками ханьской эпохи Сыма Цянем и Бань Гу. В краткой передаче Сыма Цяня в ней повествуется о том, что отец известного правителя усуней Куньмо возглавлял небольшое царство на западных границах сюнну. В момент рождения Куньмо

на царство его отца напали сюнну. Новорожденный был брошен в поле. Его вскармливала волчица своим молоком, а ворон в клюве приносил мясо. Правитель сюнну счел младенца существом сверхъестественным и взрастил его. В версию этой легенды Бань Гу включает ряд подробностей, но по основному содержанию она совпадает с версией, изложенной Сыма Цянем, за исключением того, что царство отца Куньмо было разгромлено юэчжами [Восточный Туркестан ... 1988, с. 232–233].

Интересно, что китайский дипломат Чжан Цянь, приложивший много усилий к заключению договора о союзе Китая с усунями против сюнну и, видимо, хорошо знакомый с жизнью и традициями усуней, их самоназвание изображал иероглифом, переводимым как «внуки или потомки ворона» [Восточный Туркестан ... 1988, с. 233].

В научной литературе широко распространено мнение об отождествлении наименования китайских источников «усуни» с этнонимами античных авторов «асии» и «асианы», а последних с аланами. Этой версии в разной интерпретации придерживались Э. Шарпентье, Я. Харматта, Г.В. Вернадский, Ф. Фрей, Э.А. Грантовский [Гутнов, 2001, с. 86, 87].

В свое время мной было высказано предположение о том, что начало истории аланов связано с событиями II в. до н. э., с агрессивной политикой хунну (сюнну) в отношении своих восточных соседей, смещение которых в районы Средней Азии привело к падению Греко-Бактрии. Оформление аланского объединения, скорее всего, происходило в составе Кангюя, государственного образования в среднем течении Сырдарьи [Скрипкин, 1990, с. 204, 205]. Из китайских источников известно, что в конце I в. до н. э. из-за внутренней междоусобицы 80 000 усуней переселилось на территорию Кангюя [Яценко, 1993, с. 67, 68; Туаллагов, 2001, с. 212]. В истории «Поздней династии Хань» («Хоу Хань шу», 25–220 гг.) имеются сообщения о переименовании соседнего с Кангюем владения Яньцай в Аланья. Событие это могло произойти не ранее 25 г. н. э. Яньцай обычно отождествляется с территорией, занимаемой аорсами. Полагаю, что это переименование следует рассматривать как завоевание владений аорсов аланами в рамках политики, проводимой Кангюем [Скрипкин, 1990, с. 205]. Учитывая, что на территории Кангюя присутствовала достаточно большая группировка усуней, есть основания предполагать, что они вошли в состав аланского объединения, если не составляли его ядро, таким образом, сохранив свои предания, отразившиеся в предметах искусства, одним из которых является и диадема из Хохлача.

Я не исключаю, что и другие изображения птиц на передней части диадемы, выполненные в фас, воплощают образ ворона, хотя и наделены чертами хищных птиц: мощные когтистые лапы, изогнутый клюв [Засецкая, 2011, ил. 14, 32] (рис. 2). Гиперболизация образов, усиление одного изображаемого персонажа качествами другого были присущи как скифскому, так и сарматскому звериному стилю.

Рис. 2. Фигуры птиц на лицевой стороне диадемы
(ил. 14 по: [Засецкая, 2011])

Общепризнанным является мнение о том, что в оформлении диадемы из Хохлача нашли отражение как элементы античного, так и варварского искусства. И.П. Засецкая, посвятившая монографическое исследование находкам из Хохлача, не исключала возможность изготовления диадемы в одном из восточных производственных центров, хотя и оставила этот вопрос открытым [Засецкая, 2011, с. 80, 81]. Возможно, идею изготовления рассматриваемой диадемы в тех же центрах, в которых были изготовлены ювелирные вещи из погребений Тилля-тепе, подтверждают следующие факты. Одной из наиболее убедительных версий на сей день остается предположение Б.А. Раева о принадлежности захоронения в кургане Хохлач представительнице аланской знати. Эта версия имеет опору, как в письменных, так и археологических источниках. Один из первых авторов, упомянувший аланов, Иосиф Флавий помещал их у Меотиды и Танаиса; данное упоминание связывается с событиями 72 г. н. э. Помпей Трог, Аммиан Марцеллин отождествляли аланов с массагетами, обитавшими в Средней Азии. Основная масса памятников, близких Хохлачу, с элементами новой культуры, не имеющих аналогов в предшествующей сарматской культуре, но находящих аналогии в среднеазиатских и сибирских памятниках, сосредоточена на Нижнем Дону, причем новые элементы культуры убедительно фиксируются, начиная с I в. н. э. Сооружение кургана Хохлач и появление новой группировки кочевников с востока могли разделяться относительно небольшим отрезком времени. Реконструкция этих событий

не исключает возможность попадания диадемы в Подонье вместе с этими кочевниками.

Поскольку диадема явно изготовлялась по заказу кочевнической знати, то в ее оформлении могли найти отражение мифологические предания заказчиков, в частности той усуньской группировки, которая могла войти в состав аланского объединения.

Свою версию я не считаю единственно верной, ее следует рассматривать как одну из гипотез интерпретации изображения птиц на диадеме из Хохлача.

ЛИТЕРАТУРА

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории. М.: Наука, 1988. 452 с.

Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ: Изд-во Ир, 2001. 256 с.

Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 328 с.

Раев Б.А. Аланы в евразийских степях: Восток – Запад // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 г.). Новороссийск, 1989. С. 116–117.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во СГУ, 1990. 299 с.

Туаллагов А.А. Сарматы и аланы в IV в. до н. э. – I в. н. э. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2001. 320 с.

Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н. э. // ПАВ. СПб.: Фарн, 1992. Вып. 3. С. 60–72.

Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series. 278. Oxford, 1986.

БОСПОРСКАЯ (?) МАСТЕРСКАЯ ТОРЕВТА ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

М.Ю. ТРЕЙСТЕР

(К ВОПРОСУ О ПЕРЕДЕЛКЕ АНТИКВАРНЫХ
СЕРЕБРЯНЫХ СОСУДОВ ДЛЯ КОЧЕВНИКОВ
АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ)

В статье рассматриваются серебряные кубки из кочевнических погребений в Нижнем Поволжье (Жутово) и Прикубанье (Усть-Лабинская) – свидетельства переделки полусферических чаш II в. до н. э., происходящих с территории Ближнего или Среднего Востока, в кубки с одной трехчастной ручкой с горизонтальной пластиной, украшенной завитками. При этом переделка происходила, скорее всего, не ранее середины I в. до н. э. и, вероятно, не позднее первой половины I в. н. э. В этой связи обратим внимание на неопубликованную находку из позднеэллинистического погребения № 522/2012 некрополя Танаиса – кубок с трехчастной ручкой и с туловом, представляющим собой маленький кубок «македонского типа» середины – третьей четверти IV в. до н. э. Есть основания предполагать, что сосуд был изготовлен из антикварной на тот момент чаши и что это произошло не ранее II в. до н. э. Где могли из антикварных серебряных чаш как западного (Македония), так и восточного (Сирия, Парфия) происхождения создаваться сосуды новых форм (канфары и кубки с одной ручкой)? Думаю, что на сегодняшний день с наибольшей вероятностью можно предполагать существование такой мастерской на территории Боспорского царства, не исключено, что и в Танаисе. Важно отметить, что судя по рассмотренным нами примерам, переделка не была специально ориентирована на вкусы кочевников, поскольку никаким образом не была связана с добавлением зооморфных элементов в форму или декор сосудов.

Ключевые слова: кочевники Азиатской Сарматии, Нижнее Поволжье, Прикубанье, Танаис, Боспорское царство, Ближний и Средний Восток, торевтика, переделка серебряных сосудов

Я уже обращался к теме переделки и «усовершенствования» импортных металлических изделий из Скифии и Сарматии [Трейстер, 2007в, с. 83–92; 2010, с. 72–94]. В процессе работы над нашим совместным с Б.А. Раевым про-

ектом¹ были сделаны некоторые новые наблюдения, позволяющие по-новому раскрыть эту тему.

Особого внимания заслуживает серебряный кубок из кургана № 28/1964 могильника Жутово (рис. 1–2) [Кропоткин, 1970, с. 86, № 729, рис. 45, 7, 9; Шилов, 1975, с. 150–151, рис. 58, 1; Мордвинцева, 2000, с. 147–148, рис. 3, 2; Трейстер, 2007а, с. 252–253; 2007б, с. 23–24; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. 2, с. 30, № А72.2 с лит., табл. 27; I Tesori della Steppa ... 2005, p. 162–163, No. 137]. Исследователи, публиковавшие его (и я в том числе, до тех пор пока у меня не было возможности исследовать его *de visu* в сентябре 2015 г.), не обращали внимание на то, что нижняя часть вместилища имеет радиально отходящие от дна надрезы – их не менее девяти, и они хорошо видны с внутренней стороны сосуда (рис. 2, 1). Вся нижняя часть тулова изнутри довольно неаккуратно прокована в отличие от идеально ровной и полированной верхней части внутренней стороны (рис. 1, 1; 2, 2). Таким образом была изменена форма дна вместилища сосуда и более-менее приспособлена под фигурную ножку, основание которой оформлено чеканными фризами из плетенки и элементов лесбийского киматия, чередующихся с пальметтами (рис. 1, 4), хотя об идеальном соответствии говорить не приходится (рис. 2, 3–4). Сбоку к тулову была припаяна трехчастная ручка с верхней горизонтальной пластиной, украшенной завитками на концах, и кольцом под ней с атташем внизу (рис. 1, 1–3, 7). Внутренний изгиб ручки не подходит идеально к изгибу края чаши, в результате чего между ней и краем чаши имеются хорошо заметные щели (рис. 2, 2, 5).

В качестве тулова сосуда была взята характерная для II в. до н. э. полусферическая чаша парфянского типа с декором из вертикальных раппортов растительного орнамента (рис. 1, 1–3). Она украшена повторяющимися чеканными орнаментами в виде листьев *Nymphaea caerulea* и побегов с цветами, между группами из вертикальных узких каннелюров (рис. 1, 6–7).

Чрезвычайно близки тулову кубка из Жутово как по форме, так и по декору из чередующихся вертикальных раппортов растительного орнамента и групп каннелюров серебряные чаши, хранящиеся в различных музеях мира. Это полусферические чаши, не имеющие ни ножек, ни боковых ручек. На чаше в Стокгольме имеется арамейская надпись – Артафар [Strong, 1966, p. 110; Vyvanck-Quarles van Ufford, 1973, p. 119–123, fig. 1, a; Künzl, 1973, S. 185; Moorey, 1976, p. 358, No. 3; Oliver, 1977, p. 77, No. 42; Khachatrian, 1989, p. 300, 2], берлинский сосуд происходит предположительно из Нихаванда в Иране [Küthmann, 1958, S. 108, Taf. 7, 2; Strong, 1966, p. 110; Zahn, 1967, S. 1–14, Abb. 1–4; Künzl, 1973, S. 185; Moorey, 1976, p. 358, No. 3; Oliver, 1977, p. 77, No. 41; Khachatrian, 1989, p. 299–300, pl. II, a-b; Хачатрян, 2009, с. 49–50, табл. V, 1], а чаша, храня-

¹ Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. – III в. н. э.» (FL-334/15-1).

щаяся в Майнце, найдена в Армении [Künzl, 1973, S. 183–186, Taf. 51, 1; 52]. Подобная же чаша была найдена в хорошо датированном второй половиной I в. до н. э. так называемом княжеском погребении в Сисиане в Армении [Khachatrian, 1989, p. 297–299, pl. I, a, c; Arménie, 1996, p. 233, No. 236; Хачатрян, 2009, с. 48–52, табл. IV; Khachatrian, 2011, fig. 7, 1]. Происхождение аналогичной по форме и декору чаши, хранящейся в Толедо (Огайо, США) [Pfrommer, 1993, p. 33, 34, fig. 30; p. 84, note 302; Carter, 2015, p. 65, fig. 2.1], не известно. Чаши датируют второй половиной II в. до н. э. и относят к изделиям мастерских Селевкидской Сирии или Греко-Бактрии [Strong, 1966, p. 110], Парфии [Moorey, 1976, p. 358], или Армении [Khachatrian, 1989, p. 303]. Подобный же декор мы встречаем и на паре низких «сегментовидных» чаш с округлым дном из частной коллекции в Кувейте, с сабейскими надписями I в. до н. э., нанесенными поверх уничтоженных более ранних [Carter, 2015, p. 64–67, No. 4].

Единственное существенное отличие кубка из Жутово от указанных выше чаш – его несколько меньшие размеры и вес. Если чаши, хранящиеся в Берлине и Стокгольме, достигают в высоту 8,1 и 8,3 см и весят 495 и 545 г соответственно, а чаша из Сисиана при высоте 6,2 см весит 405,15 г, то кубок из Жутово при общей высоте с ножкой 6,6 см весит лишь 271,4 г.

Не предполагая, что кубок из Жутово мог быть результатом древней переделки, я, рассматривая его около десяти лет назад, не смог найти более ранней параллели ручкам с завитками (рис. 2, 2, 5), чем на обкладках зеркал из кораблекрушения у Махдии, хотя отмечал, что для серебряных скифосов подобные ручки – относительно поздний признак [Трейстер, 2007а, с. 24], а фриз из лесбийского киматия и пальметт на ножке кубка (рис. 1, 4) находит параллели на серебряных сосудах, датирующихся не ранее середины I в. до н. э., преимущественно конца I в. до н. э. – I в. н. э. [Трейстер, 2007а, с. 246]. Таким образом, имеются достаточно веские основания предполагать, что кубок из Жутово мог быть изготовлен не ранее середины I в. до н. э. (а возможно, и в I в. н. э.), а в качестве его тулова была использована чаша второй половины II в. до н. э.

Интересно, что аналогичную кубку из Жутово ручку, также с завитками на горизонтальной пластине, имеет серебряный кубок с утраченной ножкой (рис. 3), происходящий из погребения кургана № 29/1902 у ст. Усть-Лабинской, датирующегося второй половиной I – первой половиной II в. н. э., [ОАК за 1902 г., 1904, с. 78, рис. 165; Гущина, Засецкая, 1994, с. 31–32; с. 63, № 338, табл. 36; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. 2, с. 96, № А306.2, табл. 45; Трейстер, 2007а, с. 255; 2007б, с. 24; Marčenko, Limberis, 2008, S. 271, 350, Nr. 53.2, Taf. 82, 3]. Полусферическое тулово чаши украшено двумя ярусами каннелюров, разделенных фризом точечного орнамента. Я уже предположил, основываясь на наблюдениях, сделанных при работе с кубком в апреле 2002 г., что, «вероятнее всего, чаша изначально была полусферической, без ручек и ножек – это подтверждает и сильно стертый декор в виде каннелюров, харак-

терный для произведений торевтики, рельефной керамики и стеклянных чаш Восточного Средиземноморья эллинистического времени» [Трейстер, 2007а, с. 255; 2007б, с. 24].

С рассмотренным выше кубком из Жутово усть-лабинскую находку сближает не только вторично припаянная ручка такого же типа, но и то, что в качестве тулова сосуда использована полусферическая чаша, происходящая, возможно, из Сирии, Парфии или Армении. Единственное принципиальное отличие чаши, использованной для кубка из Усть-Лабинской, от известных серебряных кубков заключается в том, что каннелюры на ней не сплошные, а представлены в двух ярусах, разделенных точечным фризом.

Кубки же со сплошными вертикальными каннелюрами известны, в частности, по находке из комплекса конца II в. до н. э. в Сузах [Byvanck-Quarles van Ufford, 1973, p. 121–122, fig. 2, *a-b*; Amiet, 1988, p. 140, fig. 88; *Les Perses Sassanides*, 2006, p. 81, No. 21], из погребения I в. до н. э. в Сонасаре в Армении [Хачатрян, 2013, с. 68–69, табл. X, 4; XI, 3], а также по беспаспортным экспонатам [Carter, 2015, p. 68–69, No. 5], из которых внимания заслуживает пара чаш из коллекции Фляйшман с идентичными греческими надписями с датой предположительно по селевкидской эре (172 г. до н. э.) и писидийскими именами [A Passion for Antiquities, 1994, p. 227–228, Nos. 115a-b]. Подобная же позолоченная чаша с туловом, украшенным вертикальными каннелюрами, происходит из кургана № 1/1995 могильника Октябрьский-V [Мыськов и др., 1999, с. 150, № 4; с. 163, рис. 3, 3; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. 2, с. 56, № А163.2, табл. 34; Трейстер, 2007а, с. 192; 2007б, с. 29; Скрипкин, Мыськов, 2009, с. 245, 247, рис. 5; 6; Археологическое наследие Волгоградской области, 2013, с. 263, № 209]. Важность находки заключается не только в том, что чаша найдена в кочевническом погребении, но и в том, что она происходит из комплекса I в. н. э.

Таким образом, у нас имеется уже по крайней мере два свидетельства переделки полусферических чаш II в. до н. э., происходящих с территории Ближнего или Среднего Востока, в кубки с одной трехчастной ручкой с горизонтальной пластиной, украшенной завитками. При этом переделка происходила, скорее всего, не ранее середины I в. до н. э. и, вероятно, не позднее первой половины I в. н. э. (так датируют комплекс из Жутово). В этой связи обратим внимание на одну неопубликованную находку из позднеэллинистического погребения № 522/2012 некрополя Танаиса, которую я имел возможность осмотреть в мае 2015 г.: кубок с трехчастной ручкой и с туловом, представляющим собой маленький кубок «македонского типа» середины – третьей четверти IV в. до н. э. [Pfrommer, 1987, S. 56–61, 234–236, Nr. KaB M1–16; Zimmermann, 1998, S. 36–42, 160–161, Nr. BM 1–19; Zimi, 2011, p. 70–84, 214–239, Nos. 65–101] с характерной для таких кубков розеткой на дне, вертикальными каннелюрами в нижней половине тулова и фризом плетенки над ним [Беспальный, 2014; Дедюлькин, 2014, с. 90, рис. 3, 5, 11; с. 91]. Есть все основания предполагать, что новый сосуд был изготовлен из антикварной на тот момент чаши, и что это произошло

не ранее II в. до н. э. Конечно, заманчиво было бы принять предположение А.В. Дедюлькина [Дедюлькин, 2014, с. 91] о том, что и канфар из гробницы III Артюховского кургана мог быть результатом переделки такой чаши, однако, такие выводы можно делать лишь на основании непосредственного изучения сосудов.

Я сосредоточил свое внимание из-за ограниченного объема текста на переделке кубков, но, очевидно, что переделке подвергались и сосуды других категорий.

Где из антикварных серебряных чаш как западного (Македония), так и восточного (Сирия, Парфия) происхождения могли создаваться сосуды новых форм (канфары и кубки с одной ручкой)?

Думаю, что на сегодняшний день с наибольшей вероятностью можно предполагать существование такой мастерской на территории Боспорского царства, не исключено, что и в Танаисе, в некрополе которого в погребении II в. до н. э. в 2012 г. была найдена серебряная сегментовидная чаша с орнаментикой селевкидского круга [Беспалый, 2014], напоминающая и по форме, и по декору чаши, хранящиеся в Музее Гетти [Трейстер, 2011, с. 131–132; Pfrommer, 1993, p. 21–46, 110–141, Nos. 1–16] и найденные в погребении саргатской культуры в Исаковке в Западной Сибири [Лившиц, 2002, № 2, с. 51–55, рис. 5–9; Трейстер, 2011, с. 131] и в могильнике Майеровский-III – в Нижнем Поволжье [Скворцов, Скрипкин, 2008, с. 101, № 14, рис. 11, 2; 15, 5; Трейстер, 2011, с. 132].

Таким образом, переделанные из полусферических и конических¹ чаш кубки дополняют спектр «усовершенствований» и кардинальных переделок импортных сосудов из погребений кочевников Азиатской Сарматии средне-сарматского периода, к которым я до сих пор относил дополнительные изображения животных на фиалах из Ново-Александровки, а также крепление зооморфных ручек, как на тазе из того же комплекса [Трейстер, 2010, с. 79–81]. Важно отметить, что, судя по рассмотренным нами примерам, переделка не была специально ориентирована на вкусы кочевников, поскольку никаким образом не была связана с добавлением зооморфных элементов в форму или декор сосудов.

¹ К списку переделанных чаш эллинистических типов относится и коническая чаша из погребения № 2 кургана № 2/1954 у с. Верхнее Погромное [Шилов, 1956, с. 43; Кропоткин, 1970, с. 86, № 728; Трейстер, 2007б, с. 29; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. 2, с. 18, № А32.2, табл. 24], к которой простая ручка петлевидной формы была приделана при помощи заклепок, на что я уже обращал внимание ранее [Трейстер, 2007б, с. 29; 2010, с. 79, 80, рис. 10]. Впрочем, данная переделка, в отличие от рассмотренных выше, носит, скорее, кустарный характер.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическое наследие Волгоградской области, 2013. 100-летию Волгоградского краеведческого музея / отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Издатель, 2013. 288 с.

Беспалый Г.Е. Выставка «Новые открытия в Танаисе»: [буклет]. Танаис: Археологический музей-заповедник, 2014. 6 с.

Дедюлькин А.В. О датировке эллинистических железных кирас из Южного Приуралья // VIII Международная научная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории» / отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (УАВ, 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 84–93.

Гущина И.И., Засецкая И.П. Золотое кладбище римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.

Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) (САИ. – Д1–27). М.: Наука, 1970. 289 с.

Лившиц В.А. Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1 // ВДИ. 2002. № 2. С. 43–56.

Мордвинцева В.И. Набор серебряной посуды из сарматского могильника Жутово // РА. 2000. № 1. С. 144–153.

Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Том 2. Симферополь; Бонн: Тарпан, 2007. С. 30.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. 1999. Вып. 2. С. 149–167.

Скворцов Н.Б., Скрипкин А.С. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья // НАВ. 2008. Вып. 9. С. 98–116.

Скрипкин А.С., Мыськов Е.П. Погребение сарматской знати из Волгоградского Подонья // Археологические открытия. 1991–2004. Европейская Россия / отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Институт археологии РАН, 2009. С. 245–255.

Трейстер М.Ю. Техника и элементы декора. Чеканные и гравированные орнаменты // *Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Том 1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 2007а. С. 245–255.

Трейстер М.Ю. Торевтика и ювелирное дело Северного Причерноморья (II в. до н. э. – II в. н. э.) (эллинистическая традиция) // *Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Том 1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 2007б. С. 15–194.

Трейстер М.Ю. Некоторые наблюдения о вещах и их декоре в инокультурных контекстах // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Часть I / отв. ред. В.Ю.Зуев. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2007в. С. 83–92.

Трейстер М.Ю. Ремонт, «усовершенствование» инокультурных вещей в скифской и сарматской среде и использование инокультурного орнамента в декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла) // АВ. 2010. Вып. 16. С. 72–94.

Трейстер М.Ю. Серебряные фалары с изображением Беллерофонта и Химеры из сарматского погребения в Володарке (Западный Казахстан). Еще раз к вопросу о так

называемом греко-бактрийском стиле в эллинистической торевтике // *Scripta antiqua*. 2011. Вып. 1. С. 90–146.

Хачатрян Ж. Гробница Сисиана (вторая половина I в. до н. э.) (Археологические памятники Армении, 21). Ереван: Гитутюн, 2009. 124 с.

Хачатрян Ж. Античное захоронение Содского района Армении // *Вестник арменоведения / Journal of Armenian Studies*. 2013. № 1. С. 61–82.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. 207 с.

Amiet P. Suse. 6000 ans d'histoire. Paris: Monographies des Musées de France, Musée du Louvre, 1988. 155 p.

Arménie. Trésors de l'Arménie ancienne des origines au IVe siècle / J. Santrot (ed.). Paris: Somogy. Éditions d'art, 1996. 288 p.

Byvanck-Quarles van Ufford L. Un bol d'argent hellénistique en Suède. **Bulletin antiekebeschaving**. 1973. T. 48. P. 119–123.

Carter M.L. Arts of the Hellenized East, Precious Metalwork and Gems of the Pre-Islamic Era. London: Thames and Hudson, 2015. 424 p.

I Tesori della Steppa di Astrakhan / L. Anisimova, G.L. Bonora, C. Franchi, L. Karavaeva, V.V. Plakhov (eds.). Milano: Electa, 2005. 183 p.

Khachatryan J.D. Silver bowls and Basins of Armenia in the Late Hellenistic Period. **Iranica Antiqua**. 1989. Vol. XXIV. P. 297–310.

Khachatryan Z. The tomb of Sisian (second half of the 1st century B.C.). **Parthica: incontri di culture nel mondo antico**. 2011. Vol. 13. P. 9–86.

Künzl E. Antike Silbergefäße im RGZM. **JbRGZM**. 1973. Jg. 20. S. 183–190.

Küthmann H. Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik. I. **JbRGZM**. 1958. Jg. 5. S. 94–127.

Marčenko I., Limberis I. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: *A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern (Archäologie in Eurasien. 25)*. Mainz: Zabern, 2008. S. 265–401.

Moorey P.R.S. Parthian and Sasanian Metalwork in the Bomford Collection. **Burlington Magazine**. 1976. CXVIII. No. 879. P. 356, 358–361.

Oliver A. Jr. Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo: Toledo Museum of Art, 1977. 175 p.

A Passion for Antiquities. Ancient Art from the Collection of Barbara and Lawrence Fleischman / J. Harris (ed.). Malibu: The J. Paul Getty Museum, 1994. 358 p.

Les Perses Sassanides. Fastes d'un empire oublié (224–642) / R. Boucharlat, F. Demange (eds.). Paris: Editions Paris-Musées, Findakly, 2006, 240 p.

Pfrommer M. Studien zu alexandrinischer und grossgriechischer Toreutik frühhellenistischer Zeit (Archäologische Forschungen, 16). Berlin: Gebr. Mann, 1987. 312 S.

Pfrommer M. Metalwork from the Hellenized East. Malibu: The J. Paul Getty Museum, 1993. 244 p.

Strong D.E. Greek and Roman Gold and Silver Plate. London: Methuen, 1966. 235 p.

Zahn R. Ein hellenistischer Silberbecher im Antiquarium der Staatlichen Museen zu Berlin. **Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts**. 1967. Bd. 82. S. 1–14.

Zimi E. Late Classical and Hellenistic Silver Plate from Macedonia (Oxford Monographs on Classical Archaeology). Oxford: Oxford University Press, 2011. 308 p.

Zimmermann N. Beziehungen zwischen Ton- und Metallgefäßen spätklassischer und frühhellenistischer Zeit (Internationale Archäologie, 20). Rahden / Westf.: Verlag Marie Leidorf, 1998. 200 S.

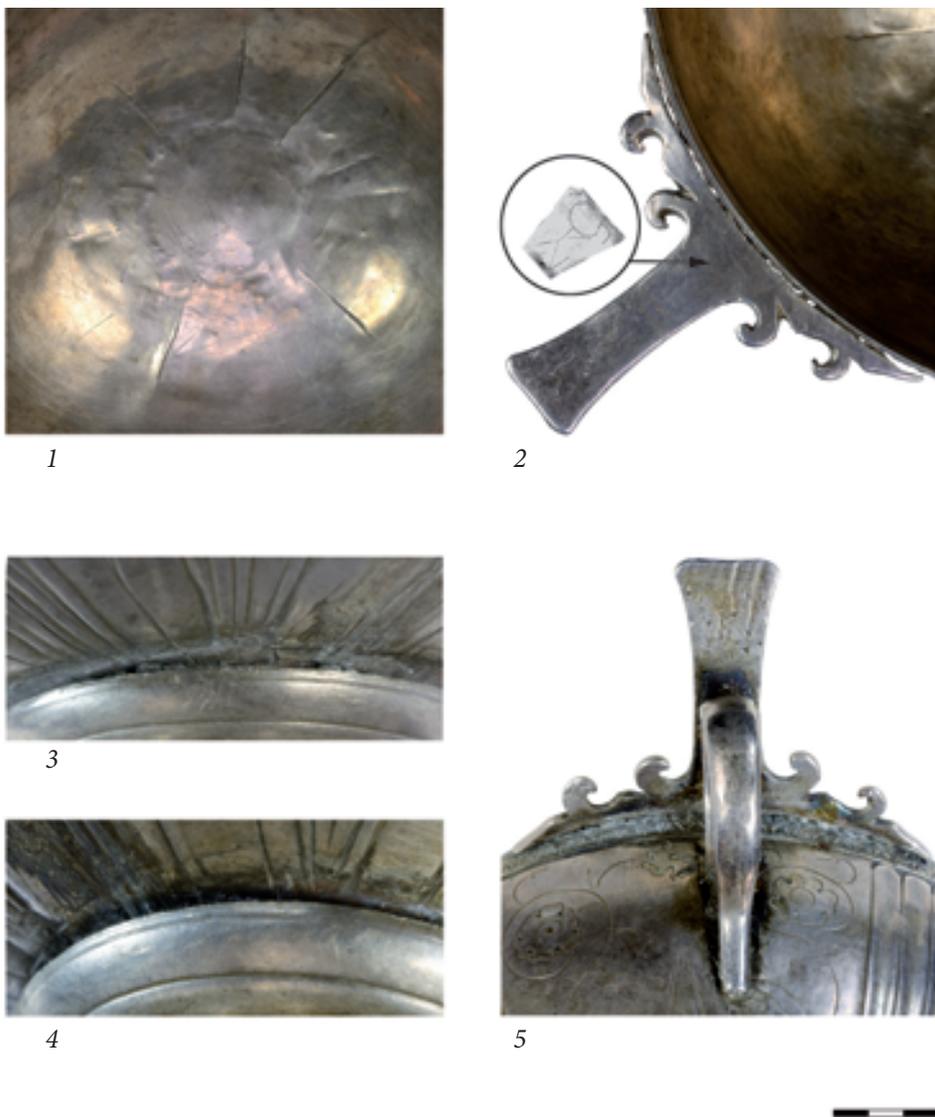
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

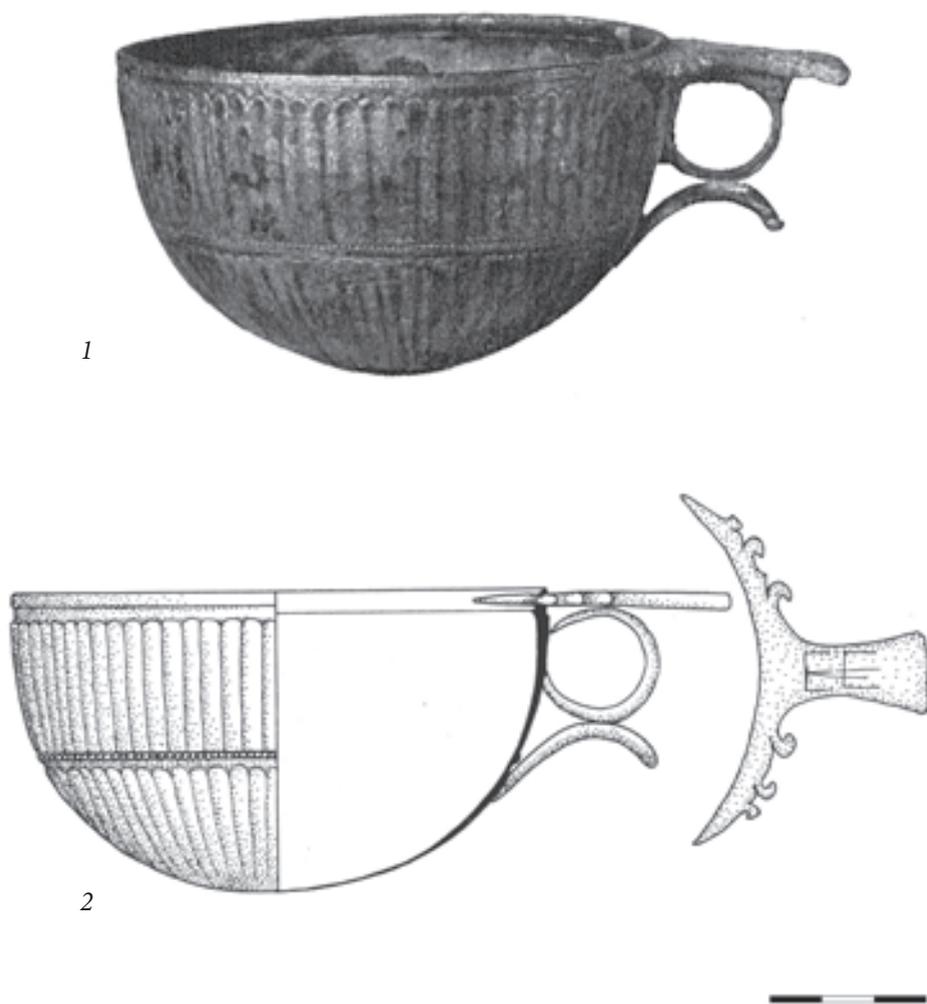
- АВ – Археологические вести
- ВДИ – Вестник древней истории
- НАВ – Нижневолжский археологический вестник
- РА – Российская археология
- ОАК – Отчет императорской археологической комиссии
- САИ – Свод археологических источников
- УАВ – Уфимский археологический вестник
- JbRGZM – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz

Рис. 1. Жутово. Курган 28/1964. Кубок серебряный. Астрахань. Государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № 12313/58:
1-3 – общие виды, 4-7 – детали (фото М. Трейстера, сентябрь 2015 г.)

Рис. 2. Жутово. Курган 28 / 1964. Кубок серебряный. Астрахань. Государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № 12313/58:
1-5 – детали (фото М. Трейстера, сентябрь 2015 г.)

Рис. 3. Усть-Лабинская. Курган 29/1902. Кубок серебряный. Санкт-Петербург. Государственный Эрмитаж, ОАВЕС, инв. № 2239/51:
1 – фото по: [ОАК за 1902 г., 1904, с. 78, рис. 165];
2 – рисунок по: [Marčenko, Limberis, 2008, Taf. 82, 3]

Статья посвящена анализу некоторых изображений, связанных с мифологическими представлениями аланов. Автор интерпретирует их на основе данных осетинского Нартовского эпоса. По мнению автора, изображения связаны с образами колеса как символа солнца и самого древнего солнечного божества. В процессе христианизации аланов происходила адаптация древних образов к новой религии. Данная адаптация, в свою очередь, облегчала сам ход христианизации.

Ключевые слова: археологические данные, аланы, осетины, мифология, Нартовский эпос, христианство.

В ходе научных исследований осетинского эпоса неоднократно выявлялись мифологические корни его отдельных образов и сюжетов. Одним из них является образ великана, свернувшегося кольцом вокруг костра, который надежно определен как воплощение образа солнца. В свою очередь, он, в частности, сопоставим со скифскими изображениями свернувшегося в кольцо хищника [Дюмезиль, 1976, с. 73–76, 112; Акишев, 1984, с. 48–49, 118–119]. Такая форма идентична и форме мирового змея, маркирующего периферическую зону космоса.

В связи с указанными образами обращают на себя внимание бронзовые фалары, плакированные золотой фольгой, из тайников во входных ямах катакомб двух курганов Бесланского могильника. По определению исследователей, конструкция сбруйных наборов, в которые они входили, отражает позднесарматские традиции, тогда как стилистика изображений на накладках и фаларах и размеры фаларов свидетельствуют о сохранении среднесарматских традиций. Эта группа вещей датируется 1-й половиной – серединой III–IV вв. н. э. [Дзугцев, Малашев, 2015, с. 44, 49–50].

На четырех фаларах, диаметром 12 см, и одном фаларе, диаметром 7,8 см, из катакомбы кургана № 150 представлено тисненное на золотой фольге рельефное изображение свернувшегося в кольцо змея или дракона. Такое же

изображение дракона представлено, соответственно, и на четырех фаларах из катакомбы кургана № 186. Продолжение данной линии изображений представлено в лице четырех бронзовых фаларов конской сбруи, диаметром 7 см, плакированных золотой фольгой, из аланского погребения в кургане № 6 возле хут. Октябрьский, датируемого IV в. н. э. [Абрамова, 1975, с. 216, рис. 3, 7, 222, 5, 223, 225–226]. Образ змеи на октябрьских фаларах, как и на некоторых предметах из иных памятников, давно сопоставлен с образом чудовищного змея Руймона из осетинских сказаний [Яценко, 1992, с. 74–75].

В нартовских сказаниях осетин неоднократно представлен образ небесного колеса, символизирующего солнце, с которым вступает в схватку нарт Сослан, также наделенный чертами солнечного героя. Единожды в сказании, записанном в Дигории, данное колесо носит название «Колесо Руймона». Вероятно, мы имеем в его лице счастливый случай сохранения самого древнего зооморфного образа, представленного на указанных аланских фаларах. Этот образ мог быть известен и доаланскому ираноязычному населению, от которого он мог проникнуть и к меотам [Галуг, 2014, с. 51–54]. Колесо осетинского эпоса наделяется и антропоморфными чертами, что, оставаясь в кругу тех же сопоставлений, соотносится с изображением мужского лица анфас в центре фаларов из катакомбы кургана № 186 Бесланского могильника. Этот образ колеса мог быть известен различным сарматским и аланским объединениям [Гущина, Засецкая, 1994, с. 66, 69, 141, табл. 42, 386, 144, табл. 45, 425; Баранов, 1975, с. 271–275]. Солярные амулеты аланов раннего средневековья, с вписанной в круг схематичной фигурой человека, хорошо известны археологам [Ковалевская, 1995, с. 138, рис. 3].

О связи аланской традиции изображений личин с идеей солярного начала, кроме упомянутого фалара из катакомбы № 186 Бесланского могильника, прямо свидетельствует бронзовый амулет диаметром 3,8–4 см из Змейского катакомбного могильника X–XIV вв. [Сокровища Алании, 2011, с. 226, илл. 322]. С образом солнечного колеса осетинского эпоса сопоставляется давняя находка из аланских катакомб Кобани, датируемых VIII–IX вв., – бронзовый амулет, диаметром 7,5 см. Он представлял собой колесо с шестью спицами, каждая из которых в месте соединения с ободом украшалась изображением человеческой головы анфас [Уварова, 1900, с. 82, таб. СХХII, 3].

Тот же образ узнается [Романова, 2014, с. 62, 64] на круглой серебряной с позолотой бляхе диаметром 9 см из Камунта. В ее центре представлено само колесо с восемью спицами, обод которого украшен косыми насечками. Образованные между спицами ячейки заполнены блестящей стекловидной массой. Вокруг колеса изображено восемь голов анфас, а по краю бляхи проходит концентрический валик, украшенный насечками [Уварова, 1900, с. 308, рис. 239].

В сказаниях осетин-иронцев солнечное колесо обычно носит название «Колесо Барсага/Балсага», по имени своего небесного хозяина. Его образ,

несомненно, антропоморфен. В сказаниях осетин-дигорцев, кроме единичного отмеченного случая с «Колесом Руймона», оно неизменно называется «Колесом Ойнона». За данным названием скрываются имя Иоанн и образ Иоанна Крестителя [Дюмезиль, 1976, с. 114; Миллер, 1992, с. 469]. В Европе в день его почитания в июне, к Иванову дню или непосредственно в этот день, отмечали крупнейшие праздники «Полыхающих колес». В этот день в Дигории справляли праздник у могилы солнечного нарта Сослана.

Подтверждает такое положение один из вариантов сказания, где непосредственно с колесом связан сам небесный Отец Иоанн. Причем приложение «Отец» представлен также и в абхазском Dad-Iuana [Абаев, 1949, с. 316]. Данное название могло повлиять и на форму названия колеса в нартовских сказаниях адыгоязычных народов *джаниьэрэхъ/жаниэрхъ* – букв. «железное колесо» [Дюмезиль, 1976, с. 114; Кумахов, Кумахова, 1998, с. 159–160, 165, 286].

Несомненно, в дигорских вариантах сказаний солнечное колесо связано с христианской традицией, что уводит нас к истории христианизации Алании в раннем средневековье. В них Сослан, старый языческий солнечный бог, борется с колесом Иоанна, нового, христианизированного солнечного «бога», и погибает в этой борьбе. Речь идет о богах двух разных эпох, которые сражаются за то, кому из них быть хозяином солнца [Абаев, 1982, с. 40]. В эпосе мы имеем два параллельных названия колеса, отражающих языческие и христианские традиции. Такое параллельное существование, хоть и разделенное между двумя основными частями осетинского этноса, напоминает ситуацию, отмеченную в истории многих народов, когда в процессе христианизации новая религия не только жестко боролась с традиционными верованиями, но и адаптировала или приспособливала их для собственной традиции. Данный процесс заметен и в аланской истории, в том числе в интересующем нас вопросе.

В аланских древностях неоднократно отмечаются солярные амулеты, закономерно имеющие общую конфигурацию с указанными выше находками, украшенными теми же личинами. В катакомбе № 10 могильника Гоуст зафиксирован солярный колесовидный амулет, у которого была преднамеренно отломана часть внешнего круга. В результате солярный амулет был преобразован в крест, состоящий из кружков на ушке, имеющий аналогии среди крестов, состоящих из пяти круглых медальонов. Манипуляция с амулетом правомерно сопоставляется [Ковалевская, 1995, с. 133, рис. 1, 23, 137] со сведениями Моисея Каганкатваца о деятельности епископа Исраила у савиров: *«Тем, которые носили на себе языческие золотые амулеты, он приказал снять их и бросить. Сам он своими руками пред всеми ломал их, и из них делал изображения креста Господня, и таким образом показывал всем свое богопочитание»* [Моисей Каганкатваца, 1861, с. 205].

Другой пример взаимопроникновения языческих и христианских мотивов – круглый амулет с вписанным в него крестом из Кобани, близкие ана-

логии которому указаны в германских древностях VI–VII вв. [Ковалевская, 1995, с. 137]. Насколько можно понять, в данном случае речь идет об амулете, в центре которого помещен крест с расширяющимися лопастями [Уварова, 1900, с. 82, 83, рис. 77].

Возможно, следует обратить внимание и на некоторые другие материалы. Среди найденных под полом Северного Зеленчукского храма драгоценных предметов богатого погребения женщины из среды высшей аланской знати или даже «царской» фамилии (примерно середины или второй половины X в. [Кузнецов, 1993, с. 177]) представлены два массивных золотых перстня. Первый перстень диаметром 4,1 см имел восемь полых округлых головок, на которых представлены гнезда, украшенные зернью, для цветных стеклянных вставок. В центре располагалось гнездо с четырьмя зажимами. Кольцо украшено гравированным изображением 4-лепесткового цветка. Второй перстень диаметром 3 см имел четыре округлые головки, на лицевых сторонах которых выгравированы личины. В круглом центральном гнезде имела вставка из альмандина.

Аналогия этим перстням обнаруживалась среди находок в погребении № 2 грунтового могильника Колосовка-1 на р. Фарс, который датируют X–XI вв. [Дитлер, 1985, с. 134] или с ограничением периода его функционирования концом X в. [Пьянков, 2015, с. 61]. Полагают, что эти перстни объединяли сюжеты и ювелирные приемы, представленные отдельно на зеленчукских образцах. В целом фиксируется типологическое, стилистическое и хронологическое единство находок. Их узкая локализация и отсутствие аналогий на других территориях позволили поставить вопрос о местном происхождении перстней, хотя и не исключалась возможность их византийского происхождения [Кузнецов, 1971, с. 118–122].

Данные перстни, диаметром 2,5–2,6 см, были изготовлены из позолоченной бронзы и серебра, со вставками из бирюзы и стеклянной пасты на восьми пустотелых пальцах-лучах с петельками для подвешивания колокольчиков. Сохранилось по одному колокольчику, прикрепленному к более крупным пальцам-лучам, чередующимся с меньшими по объему, на которых представлены личины. Центральные вставки из светлой пасты украшены, насколько можно судить, изображением раскрытого цветка [Художественное золото ... 2012, с. 39, рис. 47]. Недавно круг аналогий был расширен за счет сведений о еще одном бронзовом с позолотой перстне того же типа, высотой – 4,1 см, диаметром кольца – 2,35 × 2,1 см. У него вокруг центральной вставки из белого стекла расположены 4 лепестка со схематичными изображениями человеческих лиц. Полагается, что все указанные перстни, независимо от истоков формы, могли производиться западно-аланскими мастерами и бытовать в Западной Алании X–XII вв. [Пьянков, 2015, с. 60–62].

Приведенные наблюдения исследователей представляются вполне обоснованными. Находка зеленчукских перстней показательна в плане ее несомнен-

ного христианского контекста, причем контекста из самого центра Аланской епархии. Бесспорно, что сами перстни и семантика нанесенных на них изображений должны были проходить через христианское осмысление. Приведем в пример известные раннесредневековые кресты, на четырех концах которых наносились изображения собственно христианских персонажей [Кузнецов, 2002, рис. 20, 2, 3, 5, рис. 21, 2]. Допускаем, что это примеры преобразования и адаптации к новой религии прежних аланских представлений. В частности, древние аланские представления о солнечном божестве и солнечном колесе вполне могли быть адаптированы новой религией, в свою очередь, облегчая ход христианизации. Любопытно, что указанные перстни происходят с территории Западной Алании, а ономастическая христианизация эпического колеса представлена у осетин-дигорцев, генетически связанных с населением Западной Алании.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 601 с.
- Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин. Цхинвали: Ирystон, 1982. 106 с.
- Абрамова М.П.* Катакомбные погребения IV–V вв. н. э. из Северной Осетии // Советская археология. 1975. № 1. С. 213–233.
- Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1984. 176 с.
- Баранов И.А.* Раннесредневековая пряжка из Ялты // Советская археология. 1975. № 1. С. 271–275.
- Галут О.В.* Золотая нашивная бляшка с солярными мотивами из Уташского склепа: семантика и символика // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории. Краснодар; Анапа, 2014. С. 51–55.
- Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
- Дзуцев Ф.С., Малашев М.Ю.* Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи. Владикавказ: Проект-Пресс, 2015. 112 с.
- Дитлер П.А.* Могильник Колосовка № 1 (Раскопки экспедиции АНИИ в 1962 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 114–141.
- Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1976. 276 с.
- Ковалевская В.Б.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С. 123–183.
- Кузнецов В.А.* Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971. 247 с.
- Кузнецов В.А.* Нижний Архыз в X–XII веках. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1993. 464 с.
- Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ: Ир, 2002. 159 с.
- Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Нартский эпос: язык и культура. М.: Наследие, 1998. 312 с.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.

Моисей Каганкатвази. История Агван. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1861. 374 с.

Пьянков А.В. Перстень из Западной Алании // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. III. Армавир, 2015. С. 60–63.

Романова Г.Б. Нартский эпос и история осетинского народа. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. 160 с.

Сокровища Алании. М.: Эксмо, 2011. 240 с.

Художественное золото и серебро Адыгеи. Майкоп: Качество, 2012. 114 с.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. М.: Тов-во типографии А.И. Мамонтова, 1900. Т. VIII. 381 с.

Яценко С.А. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых алан // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ, 1992. С. 64–80.

Могильник Опушки расположен в предгорной зоне Крыма. Научные раскопки памятника ведутся с 2003 г. За это время изучено 147 погребальных сооружений, датированных I в. до н. э. – IV в. н. э. В могильнике Опушки осуществляли захоронения носители пяти археологических культур.

Склепы, в каждом из которых обнаружены останки более сотни погребенных, оставлены так называемыми поздними скифами. К позднескифской культуре относятся захоронения лошадей. Эти памятники датируются в пределах I в. до н. э. – I в. н. э.

Подбойные могилы появились в крымских некрополях, в том числе и в могильнике Опушки, в I в. н. э. в связи с проникновением сарматов в предгорную часть полуострова. В них совершали многие захоронения, которые можно отнести к крымскому варианту среднесарматской и позднесарматской культур.

В III в. н. э. появляются склепы, между входной ямой и погребальной камерой которых находится короткий дромос. В них, в отличие от позднескифских, хоронили в один ярус, иногда в гробах.

Обнаружен каменный ящик с трупосожжением, а также лепной сосуд со стеклянными вставками. Это несомненные следы пребывания в Крыму в римское время германцев.

Ключевые слова: Крым, могильник Опушки, поздние скифы, сарматы, германцы.

Могильник Опушки расположен в 15 км к востоку от Симферополя, в самом центре крымских предгорий. Могильник обнаружили грабители. На площади более 3 га они разграбили сотни погребений.

Научные раскопки памятника ведутся с 2003 г. За это время изучено 147 погребальных сооружений. Они датируются I в. до н. э. – IV в. н. э. В могильнике Опушки осуществляли захоронения носители пяти археологических культур.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-10173 «Крым и южные рубежи России: история, культура, межэтническое взаимодействие».

Склепы, в каждом из которых обнаружены останки более сотни погребенных, оставлены так называемыми поздними скифами. Все склепы ограблены в недавнее время. Их конструкции практически одинаковы. Каждый склеп состоит из прямоугольной в плане входной ямы и выкопанной в ее короткой стене прямоугольной в плане погребальной камеры. Размеры входных ям 3,1–3,8 × 0,8–1,3 м, размеры погребальных камер 2,8–3,5 × 2,35–3,4 м. Пол погребальной камеры расположен на 0,5–1,0 м ниже дна входной ямы. Вход в погребальную камеру отделялся от входной ямы каменным закладом.

Погребения в склепах совершались многократно. В склепе № 3 похоронили более 40 человек, в склепе № 42 – более 125, в склепе № 78 – более 140.

Первые захоронения производились на полу погребальной камеры, в дальнейшем умерших укладывали непосредственно на предшествующие захоронения. Кости ранее погребенных при этом обычно сдвигались. В результате образовывался слой костей толщиной приблизительно 0,5 м, в котором выделяется 3–6 ярусов захоронений. Распределение костей по ярусам условно. Во многих случаях сдвинутые кости одного погребенного оказывались сразу в нескольких ярусах. Нет ни одного относительно горизонтального, занимавшего всю погребальную камеру уровня, который занимали кости более или менее одновременных захоронений. Несмотря на перемещение большинства костей, многие костяки, полностью или частично, сохранились *in situ*. Часто погребения были отделены друг от друга специально положенными камнями. В некоторых случаях фиксировались остатки деревянных гробов, в каждом из которых находились останки от одного до трех погребенных. В склепе № 42 костями была заполнена не только погребальная камера, но и входная яма, – уникальный случай в позднескифской культуре.

В склепах найдены многочисленные фибулы, в том числе лучковые подвязные серии I, варианта 2 А.К. Амброза, «лебяжьинской» серии, типа «Авцисса», провинциально римские [Амброз, 1966, с. 26, 49, 55–57], и другие. Обнаружены пряжки с двучленной рамкой трапецевидной в тыльной и пельговидной в передней части, с осью, на которую крепится орнаментированный язычок («маркоманские») [Труфанов, 2005–2009, с. 217; Симоненко, 2011, с. 28, 30]. Встречаются зеркала типа Хазанов VI и VIII [Хазанов, 1963, с. 64, 65], лепные и краснолаковые сосуды, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, золотые и бронзовые нашивные бляшки, разнообразные серьги, кольца, перстни, браслеты и многие другие вещи. В каждом склепе находится обычно от одной до двух тысяч бус.

По совокупности находок склепы датируются I в. до н. э. – I в. н. э. Причем подавляющее большинство захоронений совершалось в I в. н. э. Самые поздние найденные в них вещи это лучковые подвязные фибулы варианта 3 Амброза [Амброз, 1966, с. 49, 50]. Такие фибулы использовались до начала второй половины II в. Вероятно, они определяют дату последних погребений.

Склепы, подобные раскопанным в Опушках, представляют собой типичные памятники позднескифской культуры. Они открыты в таких могильниках, как Неапольский, Усть-Альминский, Беляусский, Димитрово, Левадки, Кольчугино, Кара-Тобе. Все склепы из позднескифских могильников датируются в тех же хронологических пределах, что и опушкинские. Полностью соответствует нашим представлениям о позднескифской культуре найденный в опушкинских склепах погребальный инвентарь.

Все опубликованные ранее позднескифские склепы с многократными погребениями входят в состав некрополей, примыкающих к поселениям. Рядом с могильником Опушки поселение не обнаружено.

Погребения в каждом из опушкинских склепов совершались значительно чаще, чем раз в два года (без учета детей). Любая семья, даже расширенная, состоящая из трех поколений родственников, не могла просуществовать долго при таких условиях. Очевидно, что склеп использовался большим, чем семья, коллективом, возможно, родом или кланом.

К позднескифской культуре относятся захоронения лошадей. Они занимают отдельный участок могильника, совершены по единому обряду. Лошадей укладывали на живот, голову помещали на специальную ступеньку, оставленную в стенке могилы. Конские могилы заполнены камнями и перекрыты каменными насыпями. Во рту у каждого животного сохранились удила с псалиями.

Подбойные могилы появились в крымских некрополях, в том числе и в могильнике Опушки, в I в. н. э. в связи с проникновением сарматов в предгорную часть полуострова. Наиболее яркий комплекс среднесарматской культуры представлен в могиле № 1. Там обнаружены железный плакированный золотом меч с кольцевым навершием, наконечники ремней, удила, псалии, фалары и бляхи. Кроме того, найдены лучковая подвязная фибула варианта 3 по Амброзу, костяные накладки на лук и некоторые другие вещи [Храпунов, 2007].

Погребения позднесарматского времени в подбойных могилах многочисленны. В них, как правило, находят кость животного с ножом, а также краснолаковые сосуды, лучковые подвязные фибулы вариантов 4 и 5 Амброза [Амброс, 1966, с. 50, 51], зеркала типа Хазанов IX [Хазанов, 1963, с. 65–67], пряжки, разнообразные украшения, множество бус, которыми расшивали одежду, иногда монеты.

В III в. н. э. появляются склепы, между входной ямой и погребальной камерой которых находится короткий дромос. В них, в отличие от позднескифских, хоронили в один ярус, иногда в гробах. В склепах находятся лучковые подвязные фибулы 4 и 5 вариантов Амброза, фибулы «инкерманской» серии [Амброс, 1966, с. 52], а также двучленные лучковые застёжки [Амброс, 1966, с. 52, 53], зеркала типа Хазанов IX, пряжки, украшения, краснолаковые сосуды и другие вещи. В 2016 г. найдены две пары серег и лунница, сделанные из серебра и украшенные позолоченной орнаментированной фольгой, а также

сердоликовыми и стеклянными вставками (рис. 1). Такой состав находок датирует погребения как в первой, так и второй половиной III в. н. э. Это весьма важное наблюдение, т. к. долгое время считалось, что склепы с короткими дромосами, новый для Крыма тип погребального сооружения, появились на полуострове после готских походов середины III в. н. э. Склепы такого типа служат основным аргументом для реконструкции миграции в Крым предков средневековых кавказских алан. Склепы с короткими дромосами продолжали сооружать, в том числе и в могильнике Опушки, в IV в. н. э.

Обнаружен каменный ящик, в котором стоял лепной сосуд, заполненный кальцинированными костями ребенка [Храпунов, Мульд, 2005]. Зафиксированы еще четыре пункта, где находились кальцинированные кости, вероятно, представляющие собой остатки разрушенных трупосожжений. На грабительском отвале найден лепной сосуд, в дне и стенках которого сделаны стеклянные вставки. Всё это несомненные следы пребывания в Крыму в римское время германцев.

К наиболее важным особенностям могильника Опушки можно отнести следующие. Длительность его использования (с I в. до н. э. до IV в. н. э.) не имеет аналогий среди крымских варварских могильников римского времени. Концентрация в одном могильнике памятников пяти археологических культур также выделяет опушкинский некрополь среди синхронных памятников. Многолетние поиски поселения, к которому относится могильник, к успеху не привели.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.) // Археология СССР. Свод археологических источников / под общ. ред. акад. Б.А. Рыбакова. Д1–30. М.: Наука, 1966. 140 с.

Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Нестор-История, 2011. 272 с.

Труфанов А.А. Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // *Stratum plus*. 2005–2009. № 4. С. 117–328.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. 1963. № 4. С. 58–71.

Храпунов И.Н. Погребение воина II в. н. э. из могильника Опушки // Древняя Таврика / ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 115–124.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Трупосожжение римского времени из могильника Опушки // Херсонесский сборник. Вып. XIV / ред. С.Д. Крыжицкий. Севастополь, 2005. С. 341–345.

Рис. 1. Погребальный инвентарь из склепа № 133:
1, 2 – серьги; 3 – лунница

CELTIC ART *IN FABULA*:
WHO IS WATCHING?

NATHALIE GINOUX

ИСКУССТВО КЕЛЬТОВ *В ФАБУЛЕ*:
КТО НАБЛЮДАТЕЛЬ?

НАТАЛИ ГИНО

In what way did Celtic Art act as a common language for Iron Age societies that were pre-literate, non-unified and stratified?

How did images served as interactive agents for social practices – including beliefs, mental concepts, technologic knowledge and ideas – between the visible earthly world of the people making up the various social groups and their identities, and the invisible enduring communities of gods and goddesses, heroes, or even ancestral beings as images convey the long-lasting record of collective memory?

Through examples particularly relevant related to the warlike iconography from 5th to 2nd century BC in its comprehensive context, this paper aims to examine the complex issue of the control and mobility of images, ornaments and their supports, from a dual perspective: the horizontal plane including both the La Tène European culture area and the field for interactions between the social groups and their identities, and the vertical axis of social stratification, taking into account the control of images and power they confer by *elites* (orders, concept and production, circulation).

SYLVIE GRIOT | PRESENCE OF LA TÈNE ARTIFACTS
IN THE NORTH PONTIC AREA:
ASSESSMENT AND PROSPECTS

СИЛЬВИЯ ГРИОТ | АРТЕФАКТЫ ЛАТЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ:
ОЦЕНКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

The Celtic expansion into Central Europe, started during the first half of the 4th century BC leading to the gradual occupation of Transdanubia in the last third of this century, increases in scale in Southeast Europe, after the death of Alexander, in the context of the wars of the Diadochi. Major turning point occurs between 281 BC (death of Lysimachus) and 278 BC after the failure of the great expedition led by three Celtic armies which leads Brennus in front of the Delphi sanctuary in 279 BC. The demographic context of high mobility, well attested by the ancient authors and the discovery of many La Tène necropolis, leads to the genesis of the cultural community of the Eastern Celts in the Carpathian Basin.

East of this new Celtic center, the Scythians, who occupy the grass steppe between the Danube delta and the Don delta, are then directly in contact with demographic movements of La Tène groups, on borders of their territory from the late 4th century B.C.

While the existence of an important center of Celtic populations in the Carpathian Basin no longer needs to be proven, consequences of this migration wave during the 4th and the 3rd centuries BC even further East, on the territory of ancient Scythia, remains vague because badly documented archaeologically. Some distribution map give us a simplistic vision of the geographical distribution of different material cultures pointing out a clear and precise border of the Celtic world on the arch of the Carpathians. But the situation is more complex as shown by the La Tène finds in the North-Western part of the Black sea littoral. From the end of 3rd century B.C. numerous La Tène artifacts emerge in the Pontic steppe and the forest zone of today's Ukraine. The historical and epigraphic sources as the famous inscription of Protogenes mentioning Galates in Olbia, and the Celtic place-names coincide with the archaeological finds.

During the last decades several inventory of Celtic artifacts discovered on the eastern edge of the Celtic cultural area were made and scholars attempted to explain this phenomenon [Wozniak, 1976; Zirra, 1979; Treister, 1993; Raev et al., 1995; Shchukin, 1995; Eremenko, 1997; Kazakevich, 2012; Topal, 2012; to quote only the most important]. Furthermore, the study of the Zarubyntsi culture, which emerged from the 3rd century B.C. in the North of the Black Sea along the Dnieper and the Pripjat, raised new questions about the interactions and exchanges between these two groups of the Iron Age whom are the Celts and the Scythians. From the 1980s K.V. Kasparova showed that the cremations and the funeral rites of the Zarubyntsi culture must be linked with La Tène groups of the Eastern Europe and attest an infiltration of the Celtic traditions in the nascent Zarubyntsi culture [Kasparova, 1981]. This question of the mix of Scythian and La Tène traditions in the genesis of the Zarubyntsi culture was developed more broadly in the reference book of V.E. Eremenko entitled «*Celtic Veil*» and the Zarubyntsi culture [Eremenko, 1997].

More recently the works of G. Kazakevitch on the la Tène artifacts from the territory of current Ukraine show the introduction of new military equipment and style of combat, new types of jewelry and also the appearance of new funeral rite which were unfamiliar to the local populations in the Upper Tisza region but also in the North Pontic steppes as far as the Dnieper basin [Kazakevich, 2012, p. 190].

In Western Europe, until now, research has especially focused on North-South relations between the Celtic world and the Mediterranean world but the situation on the margins of the eastern Celtic world during all the second Iron age remains neglected. If the bilateral relations between the Greek world and the Celtic world on one hand and the Greek world and the Scythian world on the other hand were and are still the subject of many studies, the question of contacts between Celts and Scythians, formerly broached by Paul Jacobsthal in his pioneer book on the ancient Celtic art (*Early Celtic Art*, 1944), was rarely taken up, owing to excavations or discoveries in the Subcarpathian area. Some scholars as J. Déchelette and more recently V. Kruta were interested in relations between the Celts and their eastern neighbours [Déchelette, 1927; Kruta, 2000] unfortunately there is no comprehensive study on this theme, no recent inventory was done and there are many questions that remain without answers.

In the continuity of these various works and papers the inventory of La Tène artifacts discovered in the North of the Black Sea must be updated and finely approached, on several scale, by taking back the study of all these finds in their direct and enlarged context. At the moment, the archaeological La Tène sites discovered east of the Carpathians are very badly known and yet fundamental to solve some questions on a European scale. A global study including the settlement structures and the funeral rites would make possible to formulate hypotheses on the possible forms of contacts (trade, migration ...), to understand the nature of the exchanges and to determine the place of these La Tène elements within the territorial and economic organization of local societies.

REFERENCES

- Almasy K.* Some new data on the Scythian-Celtic relationship. In: **JEREM, ERZSEBET – Nord-Süd, Ost-West: Kontakte während der Eisenzeit in Europa.** Akten der Internationalen Tagungen Eisenzeit in Hamburg und Sopron 2002. P. 9–25. *Archaeolingua* 17. Budapest, 2010.
- Bresson A., Ivantchik A., Ferrary J.-L.* Une koinè pontique cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p.c.). Bordeaux, 2007.
- Dana M.* Culture et mobilité dans le Pont-Euxin. *Scripta Antiqua* 37. Editions Ausonius. Bordeaux, 2011.
- Déchelette J.* Manuel d'archéologie préhistorique et gallo-romaine. Paris: Picard, 1927.
- Dobrzańska H., Megaw V., Poleska P. (eds.)* Celts on the Margin: Studies in European Cultural Interaction VII c BC – I c AD. Kraków: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of the Sciences, 2005.
- Jacobsthal P.* Early Celtic Art. Oxford: Clarendon Press, 1944.
- Kazakevich G.* Celtic Military Equipment from the Territory of Ukraine: Toward a New Warrior Identity in the Pre-Roman Eastern Europe. **Studia Celto-Slavica 6. Transforming Traditions: Studies in Archaeology, Comparative Linguistic and Narrative.** Łódź: Łódź University Press, 2012.
- Kruta V.* Les Celtes. Histoire et dictionnaire. Des origines à la romanisation et au christianisme, Bouquins. Paris: Robert Laffont, 2000.
- Lebedynsky I.* Les Scythes, Les Scythes d'Europe et la période scythe dans les steppes d'Eurasie VIIe – IIIe siècles av. J.-C. Editions Errance. Paris, 2010.
- Megaw V.* Early Celtic art without Scythians? A review. In: *Dobrzańska H., Megaw V., Poleska P. (eds.) Celts on the Margin: Studies in European Cultural Interaction VII c BC – I c AD.* Kraków: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of the Sciences, 2005.
- Ołędzki M.* «Anarti» and «Anartophracti» Transcarpathian cultural and settlement relations of the Celts. In: *Dobrzańska H., Megaw V., Poleska P. (eds.) Celts on the Margin: Studies in European Cultural Interaction VII c BC – I c AD.* Kraków: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of the Sciences, 2005. P. 145–152.
- Raev B.A., Simonenko A.V., Treister M.Ju.* Etrusco-italic and Celtic helmets in Eastern Europe. **Jahrbuch Des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz.** Jahrgang 38. Teil 2. 1991. S. 465–496. Mainz, 1995.
- Schiltz V.* Scythes et Sarmates en Méotide et dans le Kouban. In: *Schiltz (V.) L'Or des Amazones. Peuples nomades entre Asie et Europe, VIe siècle av. J.-C. – IVe siècle apr. J.-C.* Catalogue d'exposition Musée Cernuschi. Editions Findakly. Paris, 2001. P. 21–32.
- Shchukin M.B.* The Celts in Eastern Europe. **Oxford Journal of Archaeology.** July 1995. Vol. 14. No 2.
- Shchukin M.B., Tchegotarenko G.F., Shcherbakova T.A.* Two finds belonging to the Tène and roman periods from the Moldavian Republic. **Oxford Journal of Archaeology.** 1993. 12(1). P. 67–75.
- Szabó M.* Les relations Celto-Scythes. Sources antiques et sources archéologiques. In: *Szabó M. (dir.) L'habitat de l'époque de La Tène à Sajópetri Hosszú-dűlő, l'Harmattan.* Budapest, 2007. P. 325–332.
- Treasures from the Black Sea Coast. Gold, Sculpture, Pottery from the Archaeological Museum in Odessa. Catalogue of the exhibition in the National Museum in Cracow, March-June 2006.

Treister M. Ju. The Celts in the north Pontic area: a reassessment. **Antiquity**. 1993. № 67. P. 789–804.

Tudor A., Rodica U. N. Considérations sur une découverte faite aux alentours du village Bubuieci. **Studia Antiqua et Archaeologica**. Iași, 2000. VII.

Woźniak Z. Die östliche Randzone Latènekultur. **Germania**. 1976. 54(2). S. 382–402.

Zirra Vl. A propos de la présence des éléments laténiens sur la rive occidentale de la mer Noire. In: *Duval P.-M., Kruta V.* **Colloque international: Les mouvements celtiques du Ve au Ier siècle avant notre ère**. Editions du CNRS. Paris, 1979. P. 189–193.

BOOKS AND PAPERS IN RUSSIAN

Еременко В.Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб., 1997.

Еременко В.Е., Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев и проблема кельто-скифских культурных контактов // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.

Каспарова К.В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2. С. 57–79.

Кривенко А.В., Синика В.С., Тельнов Н.П. Случайные находки III–II вв. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра // *Stratum plus*. 2011. № 6. С. 41–48.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования). 2012.

Терпиловский Р.В., Белинская Л.И. Трупосожжение знатного воина рубежа эр на Сейме // Германия – Сарматия II. Калининград; Курск, 2010. С. 101–111.

Топал Д. Новые находки раннелатенских импортов между Днестром и Прутом // *Stratum Plus*. 2012. С. 169–171.

Трейстер М.Ю. Кельтские мотивы в позднеклассической и эллинистической торговле Северного Причерноморья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. 20–25 мая 1996 г. Ростов н/Д, 1996. С. 86–88.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникеева Ольга Викторовна, к.г.-м.н., в.н.с., ГосНИИ Реставрации, г. Москва

Воронятов Сергей Вячеславович, м.н.с., отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

Гарбузов Геннадий Павлович, к.и.н., с.н.с., лаборатория археологических исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

Глебов Вячеслав Павлович, к.и.н., н.с., ООО «Археологическое научно-исследовательское бюро», г. Ростов-на-Дону

Горбенко Анатолий Александрович, директор ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник», г. Азов

Косяненко Виктория Мечиславовна, с.н.с., ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник», г. Азов

Засецкая Ирина Петровна, д.и.н., г.н.с., отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

Ильюков Леонид Сергеевич, к.и.н., с.н.с., лаборатория археологических исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

Иштванович Эстер, доктор наук, археолог и ученый секретарь, Музей Йоза Андраса, г. Нийредьхаза, Венгрия (PhD, Józsa András Museum, Nyíregyháza, Hungary)

Кульчар Валерия, доктор наук, доцент, кафедра археологии Сегедского университета, г. Сегед, Венгрия (PhD, Department of Archaeology, University of Szeged, Hungary)

Копылов Виктор Павлович, к.и.н., зав. Научно-методическим центром археологии Ростовского областного музея краеведения, г. Ростов-на-Дону

Коваленко Александр Николаевич, к.и.н., доцент, кафедра археологии и истории древнего мира, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

Крайсветный Михаил Иванович, н.с., НП «Южархеология», г. Ростов-на-Дону

Кривошеев Михаил Васильевич, к.и.н., зав. лабораторией археологических исследований, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Ларенок Вера Алексеевна, н.с., НП «Южархеология», г. Ростов-на-Дону

Ларенок Павел Анатольевич, н.с., НП «Южархеология», член-корреспондент Немецкого Института археологии, г. Ростов-на-Дону

Лимберис Наталья Юрьевна, с.н.с., НИИ археологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Лукьяшко Сергей Иванович, д.и.н., зав. лабораторией археологических исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

Малашев Владимир Юрьевич, к.и.н., с.н.с., отдел скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН, г. Москва

Марченко Иван Иванович, к.и.н., профессор, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Маслов Владимир Евгеньевич, к.и.н., н.с., отдел скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН, г. Москва

Мордвинцева Валентина Ивановна, к.и.н., зав. отделом археологии раннего железного века, Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

Переводчикова Елена Владимировна, к.и.н., с.н.с., Институт археологии РАН, г. Москва

Подушкин Александр Николаевич, д.и.н., профессор, Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, г. Шымкент, Республика Казахстан

Прохорова Татьяна Алексеевна, главный специалист ОАО «Наследие Кубани», г. Ростов-на-Дону

Попов Юрий Витальевич, к.г.-м.н., доцент, Институт наук о Земле Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

Скрипкин Анатолий Степанович, д.и.н., профессор, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Толочко Ирина Викторовна, к.и.н., с.н.с., лаборатория археологических исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

Трейстер Михаил Юрьевич, д.и.н., н.с., Германский археологический институт, г. Берлин, Германия (Dr. phil. habil. (RUS), Deutsches Archäologisches Institut, Berlin, Deutschland)

Туаллагов Алан Ахсарович, д.и.н., зав. отделом археологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (СОИГСИ), г. Владикавказ

Храпунов Игорь Николаевич, д.и.н., профессор, кафедра истории древнего мира и средних веков, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Гино Натали, доктор наук, доцент, Институт искусств и археологии Сорбоннского университета, г. Париж, Франция (**Ginoux Nathalie**, Associate Professor (Maître de conférence HDR) at Paris-Sorbonne University (Paris IV), Institute of Art and Archaeology, Paris, France)

Гриот Сильвия, аспирант Сорбоннского университета, г. Лион, Франция (**Griot Sylvie**, PhD student at Paris-Sorbonne University, Lyon, France)

Научное издание

**АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСКИЙ МИР
ПОНТО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА**

**Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием,
посвященной 70-летию юбилею Б.А. Раева**

Кагальник, 20–21 октября 2016 г.

Редакторы: А.С. Бабаева,
А.В. Стахеева,
С.А. Шестак,
А.А. Яковлева

Перевод Р.Г. Михалюк

Оригинал-макет Н.В. Лункина

Дизайн обложки Я.Ю. Яковлева

Подписано в печать 20.12.2016
Формат 70×100 1/16. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 19,66. Тираж 300 экз.

Издательство Южного научного центра РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел.: (863) 250-98-21
<http://www.ssc-ras.ru>

Отпечатано DSM

ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9, тел. (863) 263-57-66